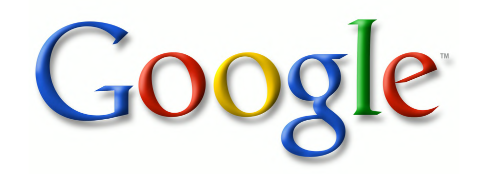


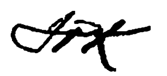
STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1834.



СОЧИНЕНІЯ

ДЕРЖАВИНА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 15 Іюля 1833 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Александра Смирдина.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Стран.

I.

ТОРЖЕСТВО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

ОТПРАВЛЕННОЕ ВЪ ТАМБОВѢ ГУБЕРНАТОРОМЪ
ДЕРЖАВИНЫМЪ, ВЪ ЕГО ДОМѢ,

1786 Іюня 28.

ОСОБЫ,

СОСТАВЛЯВШІЯ КАДРИЛЬ И ХОРЫ,

(большею частію дѣти).

Яковъ Ивановичь Беклемишевъ.
Лаврентій Семеновичь Журавченко.
Иванъ Петровичь Ивановъ.
Анна Николаевна
Прасковья Николаевна } Свѣчины.
Надежда Николаевна
Княжна Катерина Ивановна Давыдова.
Иванъ Михайловичь Ушаковъ.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Александръ Антоновичь Аничковъ.
Надежда Матвѣевна Булдакова.
Михайло Николаевичь Кормилицынъ.
Катерина Степановна Беклемишева.
Николай Дмитріевичь Хвощинской.
Фіона Ивановна Комсина.
Николай Степановичь Беклемишевъ.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Александръ Николаевичь Свѣчинъ.
Евпраксія Николаевна Сатина.
Борисъ Дмитріевичь Хвощинской.
Елена Николаевна Охлебинина.
Корнилій Андреевичь Ниловъ.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Сергѣй Николаевичь Охлебининъ.
Анна Никитишна Салькова.
Романъ Ѳедоровичь фонъ-Мелинъ.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Викторъ Ивановичь Комсинъ.
Катерина Прохоровна Ерина.
Александръ Петровичь Чевелевъ.
Каролина Ѳедоровна фонъ-Мелина.

Стихи въ хорѣ соображены были съ музыкою Г-на Паизелло.

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

Въ древнія времена въ Аѳинахъ былъ обычай составлять *торжество* богинѣ Минервѣ, страну *Аттическую* покровительствовавшей. Оно установлено было *для* поощренія къ добродѣтели, и отправлялось слѣдующимъ порядкомъ: по принесеніи въ храмѣ жертвъ, главный Жрецъ выводилъ на народную площадь сонмъ молодыхъ юношей и дѣвицъ, облеченныхъ въ легкія бѣлыя одежды, украшенныя цвѣтами.— Во время шествія они пѣли стихи, подобные нижеслѣдующимъ, въ честь ихъ Покровительницы. По пришествіи же на мѣсто, Хорегъ показывалъ имъ того мужа, который болѣе всѣхъ изъ зрителей отличалъ себя заслугами отечеству и благодѣяніями согражданамъ. Хоры предъ нимъ остановлялись. Первой пары юноша и дѣвица подносили ему дубовый вѣнокъ и корзину съ цвѣтами. Сіе было обыкновенное воздаяніе мужеству и благотворенію въ древности. Потомъ начинались пляски.

Подражая сему древнему Аѳинейскому обыкновенію, Тамбовское Благородное Общество, торжествуя день восшествія на Престолъ Ея Величества, составило кадриль изъ благородныхъ обоего пола дѣтей, которыя, будучи одѣты въ бѣлое Греческое платье и украшены цвѣточными перевязями, подъ предводительствомъ Хорега, представлявшаго жреца, вышли изъ представленнаго въ концѣ галлереи Храма. Во время шествія ихъ слышно было пѣніе слѣдующаго хора:

ХОРЪ.

ГИМНЪ БОГИНѢ.

Премудрая Аѳина!
Всещедро божество!
Ты намъ покровъ едина,
Ты наше торжество.
Благоволи пробавить,
Почтить того, прославить,
Кто только лишь Твою
Одну святую волю
И Твой законъ хранитъ,
Счастливитъ смертныхъ долю,
Не мститъ, благотворитъ,
И по путямъ лишь чести
Влечетъ къ себѣ сердца. —
Достоинъ не изъ лести
Тотъ славы и вѣнца.

По окончаніи онаго, дѣти, подошедъ къ Главнокомандующему въ Губерніи (*), поднесли ему: юноша вѣнецъ, сплетенный изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвица корзину цвѣтовъ, съ слѣдующимъ краткимъ привѣтствіемъ:

ЮНОША.

«За оказанныя благодѣянія здѣшнему Обществу подносимъ искренніе знаки нашей вамъ благодарности и почтенія.»

ДѢВИЦА.

«*Позволь*, да радость нашу изъявимъ мы плясками и играми.»

По данному Начальникомъ знаку начался балъ, въ продолженіе котораго горѣла въ городѣ по разнымъ публичнымъ мѣстамъ иллюминація, озаряя нижеслѣдующія картины:

I.

Солнце въ полномъ свѣтѣ, посреди котораго вензловое Имя Екатерины Вторыя освѣщало лучами своими полсвѣта, на которомъ сидящіе орлы съ пламенными сердцами поднимали крылья, дабы воспарить къ сему благотворному свѣтилу.

НАДПИСЬ:

Твой свѣтъ насъ воскриляетъ.

(*) Г-ну Гудовичу.

II.

Геркулесъ, въ груди котораго вензловое имя Екатерины Вторыя, облеченный во львиную кожу, стоитъ, облокотясь на свою палицу, попирая ногами гидру. Леопарды и медвѣди убѣгаютъ, а младенцы, играя вокругъ его, разсыпаютъ цвѣты.

НАДПИСЬ:

Тебя мы не боимся.

III.

Аполлонъ выѣзжаетъ на горизонтъ въ обыкновенной своей колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями. Отъ колесъ его повсюду разливаются розовые лучи. Мраки исчезаютъ. Пришествію его радуется Природа. Лебеди и прочія пернатыя машутъ крылами и прославляютъ его пришествіе.

НАДПИСЬ:

Торжествуемъ приходъ своего благотворителя.

II.

ПРОЛОГЪ

въ одномъ дѣйствіи съ музыкою,

на открытіе въ тамбовѣ

ТЕАТРА и НАРОДНАГО УЧИЛИЩА,

представленный благороднымъ обществомъ

въ день тезоименитства

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II,

на театрѣ въ домѣ губернатора державина.

1786 Ноября 24.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Пустынникъ, Яковъ Ивановичь Беклемишевъ.
Геній. . . . . . Дѣвица Анна Матвѣевна Бибикова.
Мельпомена, Дѣвица Марья Григорьевна Орлова.
Талія . . . . . Дѣвица Марья Дементьевна Чичерина.
Дѣти. . . . . . Александръ Антоновичь Аничковъ.
Мальчики съ рѣчьми, Николай Дмитріевичь Хвощинской.
Николай Степановичь Беклемишевъ.
Александръ Николаевичь Сѣчинъ.
Борисъ Дмитріевичь Хвощинской.
Корнилій Андреевичь Ниловъ.
Сергѣй Николаевичь Охлѣбининъ.
Романъ Ѳедоровичь фонъ-Мелинъ.
Викторъ Ивановичь Комсинъ.
Александръ Петровичь Чевелевъ.
Дѣвицы безъ рѣчей: Надежда Матвѣевна Булдакова.
Фіона Ивановна Комсина.
Софья Дмитріевна Хвощинская.
Евпраксія Николаевна Сашина.
Елена Николаевна Охлѣбинина.
Елисавета Андреевна Алѣева.
Анна Никитишна Салькова.
Елисавета Ѳедоровна Макшѣева.
Елисавета Антоновна Аничкова.
Катерина Степановна Беклемишева.
Музыка. . . . Первый хоръ г-на Журавченка.
Второй хоръ г-на Раупаха.
Декорація и платье, г-на Барзантія.

ПРОЛОГЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ ночь и дикій лѣсъ, въ которомъ видны мрачныя пещеры. Свирѣпый вѣтръ клонитъ деревья и производитъ трескъ и вой въ пещерахъ, въ которыя маленькія дѣти, разнаго состоянія, отъ шума бури и громовыхъ ударовъ прячутся. Музыка симфоніею своею изображаетъ неустройство стихій. — По укрощеніи бури, выходитъ Пустынникъ, украшенный сѣдинами, съ сѣкирою въ рукахъ.

ПУСТЫННИКЪ.

О дикій темный лѣсъ, но въ дикости прекрасный,
Стихіевъ шумомъ лишь и бурями ужасный!
Я годныхъ много зрю на дѣло здѣсь деревъ:
Но станетъ ли моихъ и вѣка и трудовъ,
Чтобы очистить ихъ? — Ахъ нѣтъ! конечно нѣтъ!
По крайней мѣрѣ путь я къ свѣту проложу,
Пускай другіе кто за мною идутъ въ слѣдъ. . .

(Рубитъ сучья, которые, упадая, открываютъ просѣкъ).

Теперь довольнымъ я къ покою отхожу;
Исполнилъ я мой долгъ; — дорога къ свѣту есть.

ЯВЛЕНІЕ II.

Театръ представляетъ на проложенной Пустынникомъ дорогѣ нѣсколько свѣтилъ; но оныя тотчасъ закатываются: восходитъ же выше всѣхъ ихъ солнце, которое, остановясь на полуденной линіи, лучами своими восхищаетъ вселенную. Музыка соотвѣтствуетъ ему радостными и великолѣпными тонами. Геній, или Духъ просвѣщенія, слетаетъ на облакѣ, держа одною рукою учебную доску, а другою грифель. Видны при немъ кинжалъ и маска.

ГЕНІЙ.

(Сошедши съ облака, удивляется красотѣ и величеству свѣтила.)

Краса вселенныя, утѣха, радость, честь,
Свѣтило славное! Отъ сотворенья міра
Блисталъ ли кто тебя любезнѣе, свѣтлѣй,
Великолѣпнѣе, отраднѣе, щедрѣй?
Достойно ты того, чтобъ я съ круговъ эѳира
Слетѣлъ и обозрѣлъ величество твое.
Оно божественно! все чувствіе мое
Несмѣтныхъ благъ твоихъ плѣненно красотою:
Я восхищенъ тобою!
И если мой небесный, чистый жаръ,
Усердіе и чувства благородны
Тебѣ угодны:
Въ благопріятный даръ
Прими его.
Отъ свѣта твоего
Занявъ мой свѣтъ, мое блистанье,
Я приложу старанье,

И лѣсъ сей просвѣтить готовъ.

(Беретъ изъ облака учебную доску, вѣшаетъ на дерево и возглашаетъ:)

Внимай меня, кто бъ ни былъ ты таковъ!
Убогій и богачь, подвластный и свободный,
И пахарь и купецъ, и рабъ и благородный,
Послушайте! себѣ желаетъ кто добра,
Дражайшаго сто кратъ и злата и сребра,
Котораго никакъ не похищаютъ воры,
Не подкопаетъ тать: не медля, будьте скоры,
Спѣшите всѣ ко мнѣ богатство пріобрѣсть.
Я чувствовать учу прямую честь,
Я разумъ знаньемъ наполняю;
Просите у меня, все дать я обѣщаю,
Что можетъ честь
Принесть
И сердце воспалить къ поступкамъ благонравнымъ:
Приди, кто хочетъ быть въ лѣсу семъ главнымъ!

МАЛЬЧИКЪ.

(Выскоча изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

ГЕНІЙ.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Учись начальству быть послушнымъ прежде самъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Потщуся быть послушнымъ.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ быть почтенъ, имѣть великій санъ?

(Другой мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

ГЕНІЙ.

(Пишетъ на доскѣ и возглашаетъ:)

Такъ будь великодушнымъ,
Учись быть всѣмъ слугой.

МАЛЬЧИКЪ.

Урокъ исполню твой.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ пріобрѣсть себѣ богатство, славу?

(Третій мальчикъ, выскакивая изъ пещеры, кричитъ:)

Я!

ГЕНІЙ.

Трудись!

МАЛЬЧИКЪ.

Послѣдую сему уставу.

ГЕНІЙ.

Кто хочетъ добрымъ быть и честнымъ гражданиномъ,
Любезнѣйшимъ отцемъ, послушнымъ, кроткимъ сыномъ,
Супругомъ ласковымъ, сосѣдомъ не сварливымъ,
Судьею справедливымъ,
Единымъ словомъ: кто, кто хочетъ быть счастливымъ?

(Тутъ множество мальчиковъ изъ пещеръ бѣгутъ съ распростертыми руками и кричатъ:)

Я! я! я!

ГЕНІЙ.

(Пишетъ на доскѣ, и возглашаетъ:)

Учитесь и трудитесь!

МАЛЬЧИКИ.

(всѣ вдругъ:)

Будемъ!

Твоихъ совѣтовъ не забудемъ.

(Во все сіе явленіе музыка, подобно раздающемуся эху, отзывается возглашеніемъ Генія и отвѣтами мальчиковъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Талія и Мельпомена.

МЕЛЬПОМЕНА.

Въ семъ лѣсѣ, гдѣ дика, сурова такъ природа,
Я слышу гласъ народа.—
Учиться здѣсь повелѣваютъ!

ТАЛІЯ.

(глядя на доску.)

И грамотѣ здѣсь знаютъ.

МЕЛЬПОМЕНА.

Здѣсь пишутъ, кажется, и могутъ мыслить.

ТАЛІЯ.

Не можно ли ихъ намъ, сестра, къ себѣ причислить,
И краю здѣшнему услугу показать?
Мы будемъ представлять.

МЕЛЬПОМЕНА.

И то возможетъ статься.

ТАЛІЯ.

Пойдемъ же попытаться.—
Я вижу впереди учителя съ дѣтьми.
Наука, можетъ быть, межь здѣшними людьми
Пріятна и любима.
(подходитъ къ Генію.)

МЕЛЬПОМЕНА.

Мы странницы, пришли изъ Греціи, изъ Рима;
Насъ тамъ любили всѣ.
Я добродѣтель ободряла.

ТАЛІЯ.

А я порокъ пересмѣхала.

МЕЛЬПОМЕНА.

(къ Генію.)

Дерзаемъ вопросить: здѣсь льзя ль остаться намъ?

ТАЛІЯ.

И нашъ воздвигнуть храмъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Въ сіе время, какъ Геній разговариваетъ съ Музами, дѣти снимаютъ съ дерева учебную доску, и уходятъ съ нею въ пещеры.)

ГЕНІЙ.

Дражайшія сестры! друзья мои почтенны!
Бывъ должностью моей столь много упражненный,
Я не примѣтилъ васъ. Но васъ ли вижу я?
Облегчена теперь обязанность моя.
Какое счастіе! о странницы любезны!
Вы кстати, кстати здѣсь, пренужны, преполезны;
Вы нынѣ будете мнѣ помощью съ небесъ:
Сей лѣсъ
Былъ множество вѣковъ ужасно помраченнымъ,
Не очищеннымъ,
Подобно хаосу стоялъ,
Стихіевъ бурями стеналъ;
Но нѣкогда вертепъ сей дикій,
Пустынникъ ревностный, могущій и великій,
Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ,
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ,
По коей свѣтъ,
Спомоществуемый лучами трехъ планетъ,
Боролся съ мракомъ сопротивнымъ;
И лѣсъ
Поднесь
Едва лишь освѣщеннымъ былъ,
Иль только просвѣщеннымъ слылъ;
Но наконецъ сіе великое свѣтило,
Взошедъ на высоту небесъ,

Свой лучезарный блескъ спустило
　　На этотъ лѣсъ.
Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Отъ Тихихъ до сердитыхъ,
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучь;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,
Сверкаетъ свѣтозарный лучь!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ;
　　　　　　Вездѣ
Все движется, живетъ, растетъ и расцвѣтаетъ,
Все животворный огнь вкушаетъ, ощущаетъ;
Кремень преобращается въ алмазъ,
И испущаетъ все благодаренья гласъ!
Блистаніемъ его и я здѣсь пребываю:
　　　　　Ему служу,
　　Разсадникъ свѣта развожу,
Лучи къ простымъ деревьямъ прививаю. —
　　Ступайте! время вамъ
　　Здѣсь вашъ воздвигнуть храмъ.
Ступайте! голосъ вашъ здѣсь нынѣ будетъ внятенъ,
Оберегатель правъ здѣсь вамъ благопріятенъ:
Ты, Мельпомена, намъ добротны возвѣщай
И подвизаться въ нихъ Героевъ поощряй;
А ты намъ, Талія, шутливствомъ твоимъ искуснымъ
Пересмѣхай порокъ, и дѣлай его гнуснымъ.
Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, Наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь. Примите у меня
　　　　　Орудіе свое.

(Вынимая изъ облака, подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ.)

МЕЛЬПОМЕНА.

Велѣніе твое
Храня,
Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
Любви къ отечеству и вѣрности къ Царю,
Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
Не пощадя себя, на жертву принесу;
Иль съ тѣмъ умру, или отечество спасу!

ГЕНІЙ.

(Вынимая изъ облака маску, подаетъ Таліи.)

Вотъ, *Талія*, тебѣ личина и твоя.

ТАЛІЯ.

Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись я, какъ будто не нарочно,
Все то, что скаредно, и гнусно, и порочно,
И такъ и сякъ, ни въ комъ, никакъ не потерплю;
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю.
Обманщиковъ, лжецовъ, ханжей и пустослововъ,
Хулителей, льстецовъ, язвителей, злослововъ,
Кокетокъ, игроковъ, неправедныхъ судей,
И въ прозѣ и въ стихахъ безграмотныхъ вралей,
Безмозглыхъ стихотворцевъ,
Безчестныхъ крючкотворцевъ,
Кащеевъ, гордецовъ,
И пьяницъ и мотовъ,
Господъ немилосердыхъ
И мудрецовъ безвѣрныхъ,

На свѣжу воду я всѣхъ выведу тотчасъ;
Иному въ носъ щелчка, другому иглу въ глазъ
Я смѣло покажу;
Ослины уши я иному присажу,
И добродѣтельныхъ заставлю имъ смѣяться,
Плевать на нихъ, мерзить, освистывать, ругаться;
А буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ; —
Будь баринъ, будь слуга; но будетъ мнѣ любезенъ.

ГЕНІЙ.

Не сомнѣваюсь я, нелестные друзья!
Не тщетна, кажется, надежда въ васъ моя.
Исполня вы свой долгъ, мой подвигъ подкрѣпите,
И лучшимъ образомъ сей лѣсъ вы просвѣтите.
Но прежде намъ сего пристойно помянуть,
Кто первый проложилъ въ лѣсу семъ къ свѣту путь
И столь въ немъ расширилъ любезну свѣтозарность:
Намъ должно торжествомъ принесть тѣмъ благо-
дарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лѣсъ исчезаетъ. — Театръ представляетъ народную площадь, украшенную великолѣпною колоннадою, въ концѣ которой видѣнъ храмъ Просвѣщенія, по сторонамъ коего два обелиска съ сіяющими медаліонами.— Первый, обвитый кипарисомъ, показываетъ въ тускломъ свѣтѣ, подобно зашедшему солнцу, вензловое имя Петра I.— Второй, обвитый лавромъ, въ полуденномъ свѣтѣ представляетъ вензловое имя Екатерины II. — Хоры пѣвчихъ. — Мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными гирляндами, выходятъ съ обѣихъ сторонъ на площадь, и становятся отъ обелисковъ вдоль по колоннадѣ. Геній становится на поставленномъ въ храмѣ тронѣ; Талія и Мельпомена— на ступеняхъ онаго, по правую и по лѣвую сторону.

ГЕНІЙ.

(обращаясь къ первому обелиску.)

Начнемъ!
И прежде пѣснь тому мы воспоемъ,
Кто въ свѣтъ
Намъ показалъ здѣсь слѣдъ.

ХОРЪ.

(тихо, безъ музыки.)

Ко скипетру рожденны руки
Онъ въ трудъ несродный простиралъ;
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Неси на небо гласы, вѣтръ:
Безсмертенъ Ты, Великій Петръ!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами обелискъ Петра Великаго.)

ГЕНІЙ.

(обращаясь ко второму обелиску.)

Теперь мы возгласимъ то славное свѣтило,
Что вящшіе лучи на край сей ниспустило.

ХОРЪ.

(громогласно съ музыкою:)

Сіяй, любезная планета,
Пресвѣтлой красотой твоей!
Сіяй, утѣха, радость свѣта,
Для вѣчной славы нашихъ дней!
Сіяй, несмѣтныхъ благъ причина,
Безсмертная Екатерина!

(По окончаніи хора, мальчики и дѣвочки обвиваютъ цвѣточными гирляндами второй обелискъ.)

ТАЛІЯ.

Начну я отправлять мою теперь же должность,
И вамъ Комедію представлю: *Такъ и должно.*

III.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА,

БЫВШАГО ПО СЛУЧАЮ ВЗЯТІЯ ГОРОДА ИЗМАИЛА,

ВЪ ДОМѢ

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО,

БЛИЗЪ КОННОЙ ГВАРДІИ,

ВЪ ПРИСУТСТВІИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

1791 Апрѣля 28.

Для сего торжества составлена была кадриль изъ 24 паръ, въ которой удостоили принять участіе Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, Государь Императоръ Александръ Павловичь и Великій Князь Константинъ Павловичь. Прочія Особы обоего пола были изъ самыхъ знатнѣйшихъ фамилій, и всѣ въ великолѣпнѣйшемъ убранствѣ.

ОПИСАНІЕ ТОРЖЕСТВА.

Пространное и великолѣпное зданіе, въ которомъ было празднество, не изъ числа обыкновенныхъ. Кто хочетъ имѣть объ немъ понятіе, прочти каковы были загородные домы Помпея и Мецената. Наружность его не блистаетъ ни рѣзьбою, ни позолотою, ни другими какими пышными украшеніями: древній изящный вкусъ — его достоинство; оно просто, но величественно. Возвышенная на столпахъ сѣнь покрываетъ входъ, и составляетъ его преддверіе. Торжественныя врата съ надписью: Екатеринѣ *Великой*,— сооруженныя изъ двухъ *огромныхъ* гранитныхъ и четырехъ яшмовыхъ столповъ, съ позлащенными подножіями и надглавіями, ведутъ изъ притвора въ кругловой чертогъ, подобный Аѳинскому Одеуму.

Любопытство остановило бы здѣсь осмотрѣть печи изъ лазореваго камня, обширный куполъ, поддерживаемый осмью столпами, стѣны, представляющія отдаленные виды, освѣщенныя мерцающимъ свѣтомъ, который вдыхаетъ нѣкій священный ужасъ; но встрѣчающаяся внезапно изъ осьмнадцати столповъ сквозная преграда, отдѣляющая чертогъ сей отъ послѣдующаго за нимъ, поражаетъ взоръ и удивляетъ. На верху вкругъ висящіе хоры съ перилами, которыя обставлены драгоцѣнными Китайскими сосудами и съ двумя раззолоченными органами, раздѣляютъ вниманіе и восторгъ усугубляютъ. Что же увидишь, вступя во внутрен-

ность? При первомъ шагѣ представляется длинная овальная зала, или лучше сказать, площадь, пять тысячь человѣкъ вмѣстить въ себя удобная, и раздѣленная въ длину въ два ряда еще 36-ю столпами. Кажется, что исполинскими силами вмѣщена въ ней вся природа. Сквозь оныхъ столповъ видѣнъ обширный садъ и возвышенныя на маломъ пространствѣ зданія. Съ перваго взгляда усомнишься, и помыслишь, что сіе есть дѣйствіе очарованія, или по крайней мѣрѣ живописи и оптики; но приступивъ ближе, увидишь живые лавры, мирты и другія благорастворенныхъ климатовъ древа, не токмо растущія, но иныя цвѣтами, а другія плодами обремененныя. Подъ мирною тѣнію ихъ, индѣ какъ бархатъ, стелется дернъ зеленый; тамъ цвѣты пестрѣютъ, здѣсь излучистыя песчаныя дороги пролегаютъ; возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просѣки, блистаютъ стекляные водоемы. Вездѣ царствуетъ весна, и Искусство споритъ съ прелестями Природы. Плаваетъ духъ въ удовольствіи. Но едва успѣешь насладиться издали зрѣніемъ вертограда, нечувствительно приходишь къ возвышенному на ступеняхъ сквозному олтарю, окруженному еще осмью столпами, кои поддерживаютъ сводъ его. Вокругъ онаго утверждены на подставкахъ яшмовыя чаши, а сверху висятъ лампады и цвѣточныя цѣпи и вѣнцы; посреди же столповъ на порфировомъ подножіи съ златою надписью (*) бли-

(*) На семъ подножіи надпись: *Матери отечества и мнѣ премилосердой.*

стаетъ изсѣченный изъ чистаго мрамора образъ божества, щедротою котораго воздвигнутъ домъ сей (*). Единое воззрѣніе на него раждаетъ благоговѣніе, и воспламеняетъ душу къ дѣламъ безсмертнымъ. Сколько людей великихъ, смотря на него, изъ почтенія, или изъ любочестія проліютъ слезы! но, можетъ быть, для того, что не легко достигнуть подобнаго обожанія и славы. Олтарь сей окруженъ лабиринтомъ. По извивающимся и отѣненнымъ тропамъ его, между древесными вѣтвями, показываются жертвенники благодарности и усердія, истуканы славныхъ въ древности Мужей, изъ мрамора и изъ другихъ рѣдкихъ веществъ сосуды, на подножіяхъ возвышенные. На зеленомъ лугу, позади олтаря, стоитъ высокая, алмазовидная, обдѣланная въ злато, пирамида. Она украшена висящими гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ цвѣтнопрозрачныхъ каменьевъ составленными. Верхъ ея, изъ каменьевъ же, увѣнчанъ лучезарнымъ именемъ Екатерины Второй. Симъ блестящимъ памятникомъ хозяинъ хотѣлъ, кажется, изобразить твердость и сіяніе вѣчной славы своея Благотворительницы. Лучи солнечные, сквозь стѣнъ, или забралъ стеклянныхъ, ударяя въ него, отражаются, и, преломляясь нѣсколько кратъ въ тѣлахъ столь же прозрачныхъ, такое производятъ радужное сверканіе, котораго описать не можно.

(*) На портикѣ дома надпись: *Отъ щедротъ Великой Екатерины.*

Иногда въ самыхъ мрачныхъ тѣняхъ мелькаютъ пурпуровыя и злашыя зари. Нельзя лучше представить Добродѣтель, разливающую всюду свое сіяніе. За обелискомъ, въ самой глубинѣ вертограда, зеркальная пещера. Внутри оной водный кладезь и купѣль рѣзная изъ Паросскаго мрамора, выше роста человѣческаго. Такія же двѣ стоятъ по концамъ залы предъ двумя возвышеніями, изъ коихъ на одномъ помѣщается многочисленный хоръ музыки, а на другомъ избраннѣйшая бесѣда. Для прочихъ гостей устроены между столповъ ложи. Вездѣ видѣнъ вкусъ и великолѣпіе, вездѣ торжествуетъ Природа и Художество; вездѣ блистаетъ граненый кристалъ, бѣлый мраморъ и зеленый цвѣтъ, толико глазамъ пріятный. По приличности, висятъ цвѣточныя вязи и вѣнцы; а по надобности, лампады и фонари. Невѣроятной величины зеркала! Всѣ они индѣ предметы усугубляютъ, индѣ увеличиваютъ, а индѣ удаляютъ и умаляютъ.— Притомъ сладкогласное пѣніе птицъ, пріятное благовоніе ароматовъ, содѣлывая сіе жилище нѣкоею новою поднебесностію, или волшебною страною, заставляютъ каждаго въ восторгѣ самаго себя вопрошать: не се ли Эдемъ? — Кромѣ торжественныхъ вратъ, еще четырьмя большими дверями проходятъ изъ сего чертога однѣми во внѣшній садъ, а другими въ прочіе покои. Хотя по множеству оныхъ, пространству и богатымъ приборамъ, приличнымъ болѣе роскоши, нежели земному раю, забудешь красоты его, воображая ихъ въ единой токмо блаженной Природѣ: однако въ изумленіи сво-

емъ часть быть въ цвѣтущей Греціи, гдѣ Одеумъ, Лицея, Стадіи, Экседры и Театры изъ разныхъ городовъ и мѣстъ собрались, и въ одномъ семъ зданіи воскресли. Тамъ отдѣлено довольное пространство, гдѣ мужественная юность можетъ упражняться въ военныхъ тѣлодвиженіяхъ и прочихъ гимнастическихъ играхъ: здѣсь любящіе музыку, пѣніе и пляску найдутъ себѣ мѣсто для увеселенія. Тамъ плѣняющіеся живописью могутъ заниматься твореніями Рафаеля, Гвидо-Рени и иныхъ славнѣйшихъ художниковъ всей Италіи: здѣсь эстампы съ оныхъ взоры привлекаютъ. Тамъ Азіатской пышности мягкія софы и диваны манятъ къ сладкой нѣгѣ: здѣсь Европейскіе драгоцѣнные ковры и ткани вниманіе на себя обращаютъ. Тамъ уединенные покои тишиною своею призываютъ въ себя людей государственныхъ бесѣдовать о дѣлахъ, имъ порученныхъ: здѣсь обсаженная древами прямовидность представляетъ гульбище, гдѣ бы и Платонъ съ удовольствіемъ могъ собирать Академію, и преподавать свою Философію. — Словомъ, для всякаго возраста, пола и состоянія находятся чертоги, въ которыхъ, по склонностямъ каждаго, съ пріятностію время препроводить можно. Вездѣ достаточная и пристойная услуга, рѣдкая утварь, всего обиліе; и если бы какой властелинъ всемощнаго Рима, преклоня подъ руку свою вселенную, пожелалъ торжествовать звуки своего оружія, или отплатить угощенія своимъ согражданамъ: что не могъ бы для празднества своего создать большаго дома, или лучшаго великолѣпія представить. Ка-

залось, что все богатство Азіи и все искусство Европы совокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ Великой Екатерины. Едва ли есть нынѣ гдѣ такой властитель, которому бы толь обширное зданіе жилищемъ служило.

Великолѣпные чертоги
На столько разстоятъ локтяхъ,
Что гласъ въ трубы, въ ловецки роги,
Едва въ ихъ слышатся концахъ.
Надъ возвышенными стѣнами,
Какъ небо наклонился сводъ;
Между огромными столпами
Отворенъ въ нихъ къ утѣхамъ входъ.

Если домъ по сему описанію заслуживаетъ вниманіе: то празднество, бывшее въ немъ, еще болѣе.

По всеподданнѣйшему отъ хозяина прошенію Великой Государыни и Ихъ Высочествъ, и по народному зву знатнаго обоего пола Дворянства, къ 6-ти часамъ по полудни всѣ собралися. — Всѣ были въ маскарадномъ платьѣ. Хотя отъ множества каретъ заперлись улицы, но въ домѣ такой былъ просторъ, что можно бы безъ сомнѣнія пригласить такое же, или еще большее число гостей. Наконецъ прибылъ Дворъ. Въ самое то время на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, взыграли трубы, и открылся пиръ для народа. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и слад-

кіе напитки. Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу Всемилостивѣйшей Обладательницы: простосердечное *ура* наполняло воздухъ. Самая лучшая похвала доброму Государю радостный кликъ его народа. Подъ симъ гласомъ искренности, хозяинъ встрѣтилъ Высочайшихъ своихъ Посѣтителей въ подобающемъ Августѣйшему Ихъ сану мѣстѣ, со всевозможнымъ благоговѣніемъ и знаками подданническаго усердія. Глубокое молчаніе и жадное устремленіе взоровъ нѣсколькихъ тысячь гостей на священныхъ Императорскихъ Особъ, вступившихъ сперва въ большую залу, было первое пріятное зрѣлище.

Во древни времена такъ боги
На Олимпійски торжества,
Оставя горніе чертоги
И свѣтлы троны божества,
Сходили, скрывъ отъ смертныхъ взора
Сіяніе лучей своихъ:
Среди народнаго собора
Священное прибытье ихъ
Подобно также познавалось,
Какъ сходитъ къ намъ когда заря:
Роптанье вѣтровъ укрощалось,
Румянились эѳиръ, моря;
Вниманье на горахъ блистало,
Поля лобзала тишина.
Все бренно естество молчало,
Смотря, какъ шествуетъ она;
Ея улыбка разливала
На всю Природу блескъ и свѣтъ.

Какъ скоро Высочайшіе Посѣтители соизволили возсѣсть на пріуготовленныя Имъ мѣста, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы, выступилъ отъ олтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Онѣ одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ бриліантовъ на нихъ считалось болѣе, нежели на десять милліоновъ рублей. Сіе младое и избранное общество тѣмъ большій возбудило въ Россіянахъ восторгъ, что Государи Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи удостоили Сами быть въ ономъ. Видѣли Россіяне соприсутствующу веселію ихъ любезную Матерь Отечества, кроткую и мудрую свою Обладательницу; видѣли при Ней мужественнаго Ея Сына и достойную Его Супругу, украшенныхъ всѣми добродѣтелями; видѣли младыхъ Ихъ чадъ, Великихъ Князей и Княженъ, радостную и твердую надежду будущаго Имперіи блаженства, а притомъ послѣднихъ въ сообществѣ съ дѣтьми ихъ. Какою радостію, какимъ восторгомъ наполняло сіе ихъ чувства, и что изображалося на ихъ то удивленныхъ, то улыбающихся лицахъ, того никакое перо описать не въ состояніи; удобно было токмо сіе видѣть и чувствовать. Сія великолѣпная кадриль, такъ сказать изъ юныхъ Грацій, младыхъ полубоговъ и Героевъ составленная, открыла балъ Польскимъ танцемъ. Громкая

музыка его сопровождаема была литаврами и пѣніемъ; слова онаго и послѣдующаго за нимъ Польскаго же были слѣдующія:

ХОРЪ 1. (*)

Громъ побѣды, раздавайся;
Веселися, храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Воды быстрыя Дуная
Ужь въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Ужь не могутъ Орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость низится Селима,
И блѣднѣетъ онъ съ луной.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Стонъ Синила (**) раздается

(*) Музыка ко всѣмъ хорамъ, кромѣ VI, сочиненія Г-на Козловскаго.

(**) Древнее названіе Измаила.

Днесь въ подсолнечной вездѣ;
Зависть и вражда мятется
И терзается въ себѣ.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то зрѣть,
Что свои готовы руки
Въ край вселенной мы простерть.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри, премудрая Царица!
Зри, великая Жена!
Что Твой взглядъ, Твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй:
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одной.
Славься симъ, Екатерина!
Славься, нѣжная къ намъ Мать!

ХОРЪ 2.

Возвратившись изъ походовъ,
Принеся съ собой трофей,

Среди звуковъ, среди громовъ,
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честію вѣнчанны!
Торжествуйте, ликовствуйте,
Наполняйте плескомъ свѣтъ!
Всей вселенной доказуйте,
Что храбрѣй насъ въ свѣтѣ нѣтъ;
Нѣтъ храбрѣе и сильнѣе
Васъ, Царямъ своимъ вѣрнѣе!

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались,
Били тысячи вы стомъ;
На моряхъ ли въ бой пускались,
Флоты рушили огнемъ.
Гдѣ вы грады осаждали,
Страшны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
Раздалася слава въ свѣтъ,
Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
Сопротивника днесь нѣтъ;
Нѣтъ имъ спорника во брани,
Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани.

Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
Исторженныхъ у враговъ;
Вамъ, Россіянки, даруемъ
Храбрыхъ нашихъ плодъ боевъ.
Раздѣляйте съ нами славу,
Честь, утѣхи и забаву;
Раздѣляйте, бодряйте

И впередъ къ побѣдамъ насъ;
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
Вашъ надъ нами силенъ гласъ;
За одинъ вашъ взглядъ любови
Лишь мы рады токи крови.

За одну Твою щедроту,
За одинъ Твой кроткій взглядъ,
Сердце, душу, жизнь, охоту,
Россъ принесть на жертву радъ.
О любезна Мать народа!
Вѣрь, что щедрая Природа
Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
Чтобы звучны чудеса
Съ храбрымъ Россомъ Ты творила.
Продолжите, Небеса,
Продолжите Ея лѣта
Къ удивленію вы свѣта!

Расположеніе пляски всей кадрили, которая чрезъ нѣсколько колѣнъ Польскаго прерывалася контратанцами, было изобрѣтенія самого хозяина. Славный Пикъ искусствомъ своимъ сообщилъ ей всю пріятность какъ въ важныхъ, такъ и въ веселыхъ тѣлодвиженіяхъ. Что вы предъ симъ, буйныя, пьянственныя и шутовскія позорища! что вы предъ симъ?

Не такъ ли, Лира восхищенна,
Въ Пиндаровы цвѣтущи дни,
Была при торжествахъ почтенна?

И онъ, возсѣдшій пальмъ въ тѣни,
Вѣнцемъ покрытый, багряницей,
Передъ премудрости Царицей
Дѣла своихъ Героевъ пѣлъ,
Рукой златыя движа струны.
Какіе сладкіе перуны,
Какой огонь отъ нихъ летѣлъ!

Подъ поражающимъ согласьемъ
Его пріятныхъ сердцу стрѣлъ,
Орелъ, нагнувъ на перси выю,
И млечнымъ облакомъ сокрывъ
Въ полъ-яблока зѣницы быстры,
Хребтомъ пернатымъ тихо зыблясь,
Дремалъ, казалось, близъ его,
Спустивъ свои на розы крылья: —
Но неразтлѣнно нѣгой сердце
И духъ его парилъ у звѣздъ.

И самыя забавы,
И самая любовь,
Наукой были славы
И къ подвигамъ жгли кровь
Души благорожденной.
Что слухъ внялъ восхищенной,
Что зрѣлъ прельщенный взоръ,
То юность вся твердила
И по домамъ своимъ,
По тѣмъ стезямъ ходила,
Что пѣлъ Пиндаръ имъ,
И что гремѣлъ ихъ хоръ.

*

Онъ пѣлъ имъ витязей ристанье
И крики на коней возницъ,
И молній по мечамъ блистанье,
И пыль столпомъ отъ колесницъ;
Онъ пѣлъ имъ непорочны нравы,
Желаніе честей и славы,
И къ общему любовь добру;
Онъ пѣлъ имъ къ божеству почтенье,
Вдыхалъ къ порокамъ омерзенье,
Мздоимну злату, серебру.

Сѣдые старцы, преклоненны
Вокругъ его на ихъ жезлахъ,
Внимая добродѣтель чтиму,
Струили токъ блестящихъ слезъ.
Пріятно было имъ то слышать,
Что хвалятъ добры ихъ дѣла;
Но сердцу ихъ еще стократъ
Того милѣй и слаще было,
Что тотъ же на сынахъ ихъ виденъ
Былъ знакъ ко славѣ страстныхъ душъ.

Минерва съ Марсомъ зрѣли
На юношъ полкъ младыхъ,
По взорамъ разумѣли
Свою породу въ нихъ;
И чрезъ лѣта толики
Кто Александръ Великій,
Кто будетъ Константинъ;
Божественные взгляды
Свою читали честь

И весь въ Нихъ блескъ Эллады:
Тотъ громы къ Персамъ несть,
Сей вновь построитъ Римъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сіи танцы кадрили сопровождались громкою музыкою и хорами, воспѣвавшими побѣды, кажется, не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобы, по примѣру древнихъ, возбуждать юношество къ славѣ. Пріятно было видѣть нѣкоторыхъ младыхъ людей, столько симъ тронутыхъ, что слезы у нихъ на глазахъ являлись.

Что принадлежитъ до прекраснаго пола, то развѣ только Анакреонъ изобразилъ бы всѣ его прелести.

Нѣжный, нѣжный воздыхатель,
О пѣвецъ любви и нѣги!
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Столько Нимфъ и столько милыхъ:
Безъ вина бы и безъ хмеля
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился;
И въ мечтѣ, иль въ восхищеньи
Ты бы видѣлъ, будто въ явѣ,
На станицѣ птичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ,
Иль на аленькомъ листочкѣ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ,
Тихимъ воздуха дыханьемъ,
Со колчаномъ вьется мальчикъ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ,
И туда сюда летаетъ,
И садится онъ по Нимфамъ,

То на ту, то на другую,
Какъ садятся желтыя пчелы
На цвѣты въ поляхъ младые.
Онъ у той блисталъ во взглядахъ,
У иной блисталъ въ улыбкѣ,
И пускалъ оттуда жалы,
Какъ лучи пускаетъ солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще:
Не пролетывали мимо, —
Попадали прямо въ душу.
И душа бъ твоя томилась,
Уязвленная любовью:
Лишь Паллады щитъ небесный
Утолялъ твои бы вздохи.

Въ продолженіе танцевъ, Августѣйшая Гостья, оказавъ Свое благоволеніе участвовавшимъ въ оныхъ, изволила оставить собраніе, и уклонилась для отдохновенія въ чертогъ, устланный коврами и обитый драгоцѣнными тканями. Здѣсь на стѣнахъ изображена Исторія Персидскаго Вельможи Амана и Мардохея Израильтянина. Исткаyіе толь живо, что, кажется, слышанъ гласъ послѣдняго:

И если я не милъ того Вельможи оку,
Ты вѣдаешь, могу ль я быть рабомъ пороку?
Тебѣ извѣстно все, о кроткая Эсѳирь,
Владычица сердецъ и красота порфиръ?
Судьба на тронъ тебя съ тѣмъ Царскій возводила,
Чтобъ милость ты и судъ на тронѣ воцарила,

Невинность бы спасла, низвергла бъ клевету,
И сердце нѣжное и духа высоту
Совокупя въ себѣ, вселенной показала,
Ты мудростью бъ примѣръ мужей великихъ стала!

Между тѣмъ, какъ разсматривая здѣсь обои, воображеніе мечтало сіе или что либо сему подобное, разумъ съ почтеніемъ похвалялъ вкусъ и намѣреніе хозяина, или всякаго вельможи, котораго душа непричастна была клеветѣ и мщенію, и который подобными нравоучительными бытіями украшалъ свое жилище и сердце. Тогда въ другой комнатѣ подлѣ сей, золотой слонъ, обвѣшанный жемчужными бахрамами, убранный алмазами и изумрудами, началъ обращать хоботъ. Онъ былъ какъ бы живъ, и поставленъ нарочно на стражѣ у Ассуира, предъ которымъ происходила помянутая исторія. Персіянинъ, сидящій на немъ, ударилъ въ колоколъ, и сіе было возвѣщеніемъ театральнаго представленія. Хозяинъ всеподданнѣйше просилъ къ оному Высочайшихъ своихъ Посѣтителей, и пригласилъ прочихъ гостей. Открылся занавѣсъ. Мѣсто дѣйствія и помостъ освѣтился лучезарнымъ солнцемъ, въ срединѣ котораго сіяло въ зеленыхъ лаврахъ вензловое Имя Екатерины II. Выступили танцовщики, представлявшіе поселянъ и поселянокъ. Воздѣвая руки къ сему благотворному свѣтилу, они показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. Балетъ препровождаемъ былъ музыкою и пѣніемъ.

ХОРЪ 3.

Сколь Твоими чудесами,
Взгляда Твоего лучами,
Именемъ Твоимъ блаженны!
Сколь Тобой мы восхищенны!
Зри на наши Ты днесь лица,
Кроткая Небесъ зѣница!
Гдѣ Твое лишь имя, взоры
Намъ возблещутъ: пѣсни, хоры
Тамъ повсюду раздаются,
Восклицанія несутся:
Всѣхъ съ Тобой мы въ свѣтѣ краше,
Лучезарно солнце наше!

Засимъ слѣдовала комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольниками всѣхъ народовъ. Но, къ чести Россійскаго оружія, не было ни одного соотечественника нашего въ плѣну сего корыстолюбиваго варвара. Какая перемѣна политическаго нашего состоянія! Давно ли Украйна и Низовыя мѣста подвержены были непрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ Ордъ. Давно ли? О коль пріятно напоминаніе минувшихъ напастей, когда онѣ прошли, какъ страшный сонъ! Теперь мы наслаждаемся въ пресвѣтлыхъ торжествахъ благоденствіемъ. О потомство! вѣдай: все сіе есть твореніе духа Екатерины. Она рекла:—

Создалъ Румянцовъ по степямъ,
Подвигъ ходящи съ громомъ грады;

Крылашы Эшны по морямъ
Текли съ Орловымъ до Эллады:
Они шри свѣша пошрясли.
Подобны лавры возрасли
И днесь Пошемкина рукой.
Коль силенъ духъ Ея средь боевъ!
Коль онъ вездѣ великъ собой!
Онъ маніемъ шворилъ Героевъ,
Которыхъ въ поздни времена
Дѣянья, памяшь, имена
Гремящей славой будушъ вѣчны,
Грозой сшихіевъ непресѣчны.

Уже насшупила ночь, и когда изъ шеашра возвращалися въ залу, предвозвѣщено было концершомъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

ХОРЪ 4.

Отъ крылъ орловъ парящихъ
По Югу воешъ шумъ:
Погрязли въ морѣ флошы,
Легли въ поляхъ полки;
Съ холмовъ низверглись грады,
Зашмилася луна;
Подъ Росскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

Владычица полсвѣша,
Россіянъ храбрыхъ Машь!
Въ богоподобной славѣ,

Въ сіяньи благъ Твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на понтъ,
Благоволи приникнуть
На сонмъ Твоихъ побѣдъ.

Воззри, какъ въ небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни:
Такъ ревностью горѣли
Въ бояхъ Твои сыны.
Мое жь къ Тебѣ усердье,
Коль можно бъ съ чѣмъ сравнить,
Давно бъ Тебѣ вселенна
Воздвигнула олтарь.

Вступили въ освѣщенные чертоги. Что жь представилось? Сама Августѣйшая Императрица вопрошаетъ: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде бы-«ли?» Сто тысячь лампадъ внутри дома: карнизы, окна, простѣнки, все усыпано чистымъ кристалломъ, наполненнымъ возженнаго бѣлаго благовоннаго воску. Граненыя паникадила и фонари, висящіе съ высоты, а со сторонъ позлащенные свѣтильники, одни какъ жаръ горятъ, а другіе какъ воды переливаются; и совокупляя лучи свои въ веселое торжественное сіяніе, все покрывали свѣтозарностію. Какой блескъ! Волшебные замки Шехеразады! сравните ль ли вы съ симъ храмомъ, унизаннымъ звѣздами, или лучше съ цѣлою поднебесностію, увѣшанною солнцами? Безсмертные пѣв-

цы храмовъ вкуса и славы (*)! почто вы не видали сего великолѣпія?—Что я вижу? тутъ играетъ яркій и живый лучь, и какъ бы зноемъ Африканскаго лѣта притупляются взоры. Тамъ, какъ бы въ пасмурный день, разливается блескъ тонкій и умѣренный: я весь въ заряхъ. Окна окружены звѣздами. Горящія полосы звѣздъ по высотѣ стѣнъ простираются. Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещутъ. Разноогненные, съ живыми цвѣтами и зеленью переплетенные вѣнцы и цѣпи висятъ между столпами; тѣнистыя радуги бѣгаютъ по пространству; зарево сквозь лѣсъ проглядываетъ; искусство вездѣ подражаетъ Природѣ. Но что, кромѣ сего, было чрезъестественнаго, описать трудно. Высочайшія пальмы, по подбористымъ и равнымъ ихъ стеблямъ до самыхъ вершинъ увиты какъ бы звѣздами, и горятъ какъ пламенѣющіе столпы. Ароматныя рощи обременены златопрозрачными померанцами, лимонами, апельсинами; зеленый, червленый и желтый виноградъ, віясь по тычинкамъ огнистыми кистями своими, и въ тѣняхъ по чернымъ грядамъ лилеи и тюльпаны, ананасы и другіе плоды пламенностію своею неизреченную пестроту и чудесность удивленному взору представляютъ. Гдѣ находишься? Что видишь? Не обманываешься ли? Самъ себѣ не вѣришь!— Но если Природа, искусство, и самое, такъ сказать, волшебство неодушевленными и неподвижными предметами при-

(*) Волтеръ сочинилъ поэму: *Храмъ вкуса*; а Попъ: *Храмъ славы.*

водятъ здѣсь въ изумленіе: то какимъ безмолвнымъ восторгомъ, какимъ пріятнымъ оцѣпенѣніемъ останoвляешься, когда внезапно находишь подъ густотою древесныхъ вѣтвей чистыя воды и въ нихъ плавающихъ золотыхъ и серебряныхъ рыбъ? когда тутъ же, средь грома музыки и литавръ, слышишь звонкіе соловьиные свисты? Одни съ свѣтлой стихіи пріятнымъ движеніемъ, а другіе изъ отдаленной мрачности прерывающимся сладкимъ пѣніемъ, жадные слухъ и взоры несказаннымъ увеселеніемъ наполняютъ. Такая необыкновенная и восхитительная внезапность совсѣмъ новое чувствіе раждаетъ. Но что съ тобою будетъ, когда посреди всѣхъ оныхъ дивъ представится тебѣ въ сапфирныхъ, розовыхъ и янтарныхъ лучахъ горящій и всеосвѣщающій памятникъ любезной Матери твоего отечества, олтарь Ея и образъ, вокругъ которыхъ по сторонамъ, въ зеленыхъ и лиловыхъ заряхъ видны дражайшія имена всего Ея наслѣдія (*)? Всякой Россіянинъ вообразитъ и почувствуетъ ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе, отъ благодарности за прошедшее, отъ любви за настоящее и отъ надежды ожидаемаго блага. Ежели онъ благоразуменъ, то въ умиленіи сердца скажетъ: «Сей чистый и ясный огнь есть истинное подобіе моего къ ней усердія; сіе лиловое и зеленое пламя образъ безсмертной моей и потомства моего на Нихъ надежды.«

(*) Сквозь транспаранты сіяли вензловыя Имена Его Императорскаго Высочества, Наслѣдника Престола, Его Супруги, Великихъ Князей и Княженъ, озаренныя фіолетовымъ и зеленымъ цвѣтами, знаменующими безсмертіе и надежду.

Если же онъ чувствителенъ, то пролiетъ ангельскiя слезы, и божествомъ своимъ приближится къ небожителямъ, созерцающимъ непостижимое, вѣчное сiянiе.

Не такъ ли солнцевъ домъ среди небесъ,
Весь радугой объятъ, и весь покрытъ зарями?
Моря сверкаютъ въ немъ, поля, долины, лѣсъ;
Рубина рдянаго поддержанъ онъ горами;
Въ сапфирѣ, кристалѣ, въ немъ звѣзды какъ свѣщи,
Кругомъ и внутрь его колеблются лучи.
Въ каленомъ златѣ въ вѣкъ горитъ и не сгараетъ,
И око смертное сiяньемъ притупляетъ.

Щедротою своею Виновница блеска сего, достойная, чтобъ и въ позднѣйшiя времена такiе храмы въ честь Ея воздвигаемы были, ходитъ вокругъ, осматриваетъ все съ обыкновенною Ей милостiю. Предъ Нею, кажется, все живѣе становится, все прiемлетъ большее сiянiе; слѣды Ея суть блистательныя волны тѣснящагося за Нею веселаго, радостнаго, торжествующаго собранiя. Сiе паче всего Ее утѣшаетъ. Свѣтлое лице Ея ободряетъ улыбки, игры, пляски, лики, забавы. Се подобiе Матери, се Монархиня, окруженная славою, любовiю, великолѣпiемъ!

Всѣ три,
Казалось, оны божества
Съ Владычицею душъ, съ небесъ
Пришли

Умножишь блески, звуки, радость
Торжества.
Всѣ три,
Казалось, межь собою
Какъ будто споръ вели:
Кому быть празднества душою?
Но слава здѣсь съ вѣнцемъ лавровымъ,
Съ короною изъ звѣздъ,
На подвиги душамъ готовымъ
Трубой съ высокихъ мѣстъ
Свой огнь вливала;
Во всѣхъ сердцахъ одна торжествовала.
И Нимфъ, и Сильфъ соборы
Ея всѣ пѣли хоры,
Ея твердили гласъ,
Плясали, бѣгали, скакали,
Качались (*), въ воздухѣ летали,
И всѣ согласно восклицали:
«Утѣхамъ время, дѣлу часъ!»

Между прочими танцами были также пляски по Малороссійскимъ и Русскимъ простымъ пѣснямъ, изъ которыхъ одна ниже сего слѣдуетъ. А какъ собственное народное пѣніе любящимъ свое отечество нравится болѣе иностраннаго: то какое было удовольствіе видѣть предъ лицемъ Монарха одобреніе къ своимъ увеселеніямъ? О вы, которые не плѣняли такимъ образомъ сердецъ, а хотѣли быть страшными, Цари! могли ль вы наслаждаться такими пріятными зрѣлищами?

(*) Внутри покоевъ поставлены были великолѣпныя качели.

ХОРЪ V.

На бережку у ставка
На дощечкѣ у млинка, и проч.

Между тѣмъ, какъ такими забавами занимались въ покояхъ, во внѣшнемъ, весьма пространномъ и прекрасномъ саду вожжены были увеселительные огни. Хотя пасмурная погода не позволяла всѣмъ утѣшаться ими, но любопытство примѣтило оные. Тамъ, на прекрасныхъ прудахъ, тенуящихся между открытою пологою зеленью, а индѣ древами осѣненныхъ, зыблилася флотилія, изъ нѣсколькихъ судовъ состоявшая, украшенная разноцвѣтными флагами и фонарями, со множествомъ матрозовъ и гребцовъ, богато одѣтыхъ. Рощи, пріятно разбросанныя, и алеи, далеко простирающіяся, также испещрены были разными огнями. Всего пріятнѣе казалось помаваніе деревъ, надъ водами стоящихъ, которыя отъ случившагося тогда нарочитаго вѣтра наклоняясь и возвышаясь, заставляли по колеблющемуся подъ ними стеклу пробѣгать то зеленыя, то красныя струи. Всѣ дороги были покрыты народомъ, толпящимся подобно рою пчелъ, привившихся къ тому мѣсту, гдѣ матка ихъ находится. Шорохъ деревъ, шумъ водъ катящагося водопада, жужуканье говорящихъ, гласъ въ далекѣ гребецкаго рога и пѣсенъ, слышимый съ гуломъ музыки, вырывающимся изъ дому, погружали мысли въ нѣкую забывчивость. Какіе разговоры, какіе вопросы о причинѣ праздника и щедрости хозяина! Мнѣ слышится отвѣтъ его:

Я чѣмъ могу воздать Ея ко мнѣ щедротѣ?
Величіе мое — творенье рукъ Ея;
Все счастіе мое — души Ея въ добротѣ,
И слава торжества — Ея, а не моя.

Угощенные толь пріятнымъ образомъ, посѣтители внутри и внѣ дома (*) ничего уже болѣе не ожидали, что бы могло усугубить ихъ удовольствіе; но вдругъ, по данному отъ хозяина знаку, театръ уничтожается; на мѣстѣ же его и еще въ нѣсколькихъ другихъ покояхъ являются для 600 человѣкъ накрытые столы, кромѣ тѣхъ, которые приставлены были къ стѣнамъ для всякаго, кто чего мимо ходомъ пожелаетъ. Гдѣ были театральное дѣйствіе и зрители, тамъ чрезъ нѣсколько минутъ открылись горы серебра съ разнымъ кушаньемъ, вокругъ съ золотыми подсвѣчниками. Достойны были удивленія расторопная услуга и порядокъ, а паче хозяйское распоряженіе и присмотръ его повсюду.

Онъ мещетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и берегъ;
Волшебны созидаетъ домы,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой Гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою чиститъ бриліанты
И тѣшится, на нихъ смотря.

(*) Въ продолженіе бала разносимы были чай, коѳе, оршадъ, лимонадъ и всякіе другіе конѳекты.

Сегодни бурю представляешъ,
Летаешъ завтра какъ зефиръ,
И лавръ и мирты собираешъ,
И бой ведетъ, и строитъ миръ;
То крылья вдругъ берешъ орлины,
Паришъ къ лунѣ, и смотришъ въ даль;
То рядишъ щеголей въ ботины (*),
Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль (**).
И если бъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
Согласны бъ были всѣ они:
Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,
Который жилъ въ златые дни.

Начался ужинъ. Мѣста театра и оркестра удостоены были Высочайшаго Императорскаго присутствія. На первомъ, въ числѣ кадрили, изволили кушать Государи Великие Князья Александръ и Константинъ Павловичи; а на второмъ Всемилостивѣйшая Государыня и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Престола съ Высочайшею Его Супругою: партеръ и нѣсколько картинныхъ покоевъ заняты были прочими обоего пола особами. Порядокъ поставленныхъ столовъ достоинъ примѣчанія. Всѣхъ взоры обращены были къ лицу Государыни, и отъ сцены по степенямъ до нѣкоего особаго возвышенія возносилася освѣщенная гора съ приборами, услугою и

(*) Легкіе сапожки, которые ввелъ Его Свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ.

(**) Азіятскія тонкія покрывала, которыми Его Свѣтлость дарилъ Дамъ.

гостями, подобно какъ бы съ зрителями. На самой высотѣ оной сіяли стекляные разноогненные сосуды, что также представляло нѣкое необычайное зрѣлище. Казалось, что вся Имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей Владычицы, и тѣснилась даже на высотахъ, чтобъ насладиться Ея лицезрѣніемъ.

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато и сребро:
Восточный, Западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметисты
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выстава, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Вскорѣ послѣ ужина, Высочайшая Посѣтительница, обозрѣвъ еще веселящихся, соизволила со всѣмъ Своимъ Августѣйшимъ Домомъ уклониться къ покою. Уже подвезены были колесницы: внезапу раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, нисходящее съ висящихъ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными озаренными яркимъ цвѣтомъ стеклянными сосудами. Всѣ безмолвствуютъ, внимаютъ и обращаютъ всюду взоры свои, и не видя поющихъ, въ пріятномъ восхищеніи думаютъ созерцать облака, или зари, съ которыхъ слышалось Ангельское пѣніе, сопровождаемое небесною гармоніею.

ХОРЪ VI.

Царство здѣсь удовольствій,
Владычество щедротъ Твоихъ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ.

Что въ богатствѣ и честяхъ?
Что въ великости моей,
Если мысль, Тебя не зрѣть,
Духъ ввергаетъ въ ужасъ?

Стой и не лети, ты, время!
И благъ нашихъ не лишай.

Жизнь наша путь есть печалей:
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*).

По окончаніи хора, хозяинъ съ благоговѣніемъ палъ на колѣни предъ своею Всемилостивѣйшею Самодержицею и облобызалъ Ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе. Паки новая и трогающая сердце картина! Великолѣпный Дворъ и все многочисленное собраніе видятъ толь славную Монархиню съ величественнымъ и милостивымъ взоромъ стоящую предъ Своимъ подданнымъ, который нѣсколько минутъ держалъ Ея десницу съ нѣкакимъ особливымъ душевнымъ умиленіемъ. Тако оставляла божественная Минерва сына Улиссова.

Нисшедшимъ облакамъ,
Богиня въ нихъ возсѣла;
Подъемлясь къ высотамъ,
Къ нему съ улыбкой зрѣла.
Отъ брони вѣтромъ звуки,
Отъ взоровъ лучь летѣлъ:
Воздѣвъ онъ къ небу руки,
Ей въ слѣдъ безмолвно зрѣлъ.

(*) Сей хоръ, взятый изъ Италіянской оперы, пѣтъ на Италіянскомъ языкѣ; но здѣсь съ перемѣною нѣкоторыхъ словъ согласенъ съ тою музыкою.

IV.

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО,

НА

БРАЧНОЕ ВОСПОМИНАНІЕ

КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢЕВИЧА

И

КНЯГИНИ

ЕЛЕНЫ НИКИТИШНЫ

ВЯЗЕМСКИХЪ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ НЕВЗНАЧАЙ

СЕМЕЙСТВОМЪ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА

ВАСИЛЬЕВА

въ селѣ Александровскомъ, въ саду,

18 Іюля 1791.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Флора . . . . . Катерина	}	Алексѣевны Васильевы, малолѣтнія дѣвицы.
Помона . . . . Марья		

РОДСТВЕННОЕ ПРАЗДНЕСТВО.

Зрѣлище представляетъ въ саду бесѣдку и въ ней сидящихъ хозяина съ хозяйкою, украшенныхъ лѣтами, почестями и добродѣтелями, окруженныхъ ихъ семействомъ. Къ нимъ входятъ, въ убранствѣ Флоры и Помоны, двѣ младыя дѣвицы съ корзинами, одна неся цвѣты, а другая плоды.

ФЛОРА.

И мы въ сіи мѣста,
Почтенная чета!
Среди семьи твоей
Пришли сораздѣлить
Пріятный праздникъ сей,
И въ сельскихъ пѣсняхъ возгласить
Тебя, почтенный мужъ!
Тебя, почтенная супруга!
Сколь счастлива семья сія, сія округа,
Познайте то въ восторгѣ нашихъ душъ.

ПОМОНА.

Взгляните вы на всѣхъ здѣсь взоры:
Во всѣхъ течетъ здѣсь ваша кровь;
Внемлите тамъ поющихъ хоры:
Они поютъ вашъ бракъ, любовь.

ХОРЪ I.

(Вдали.)

Да царствуешъ веселье здѣсь,
Утѣхи, радость, восхищенье!
Любовь! твое воспламененье,
Твой даръ мы торжествуемъ днесь.
О нѣжные супруги!
Се вашихъ день прохладъ,
Се вамъ здѣсь предстоятъ
Любезны ваши дѣти, други
И чада вашихъ чадъ.

ФЛОРА.

За вашу къ намъ любовь, за милость, за труды,
О счастьѣ нашемъ попеченья,
Я въ даръ сіи цвѣты. . . . .

ПОМОНА.

А я сіи плоды
(обѣ вмѣстѣ)
Подносимъ вамъ во знакъ почтенья:
Примите ихъ отъ насъ, отъ искреннихъ сердецъ,
Сего семейства мать, и ты, его отецъ!

(Ставятъ предъ ними корзинки.)

ХОРЪ II.

Мы васъ всѣ любимъ сердечно,
Милы намъ, милы вы вѣчно,
Наши плѣнили сердца;
Видимъ въ васъ мать и отца.
Будьте счастливы и здравы,
Полны утѣхи и славы!

Всякой дамъ съ вами есть край
Радость, блаженство и рай,
Рай, рай, рай!

ФЛОРА.

Любезная сестра! подъ симъ совосклицаньемъ
Почтимъ сей день своимъ невиннымъ мы плясаньемъ.

ХОРЪ III.

О чета почтенна рода!
Для того тебѣ Природа
Бытіе дала,
Чтобъ была его хвала!
Мы твои усердны чада
Просимъ Небо, чтобъ досада
Васъ не знала никогда;

Печаль отъ васъ бы удалилась,
Надежда, радость водворилась
Въ почтенный домъ вашъ навсегда:
Да мы, среди утѣхъ, забавы,
Среди довольствъ, блаженства, славы,
Живъ будемъ вѣчно безъ вреда.

По окончаніи хора, Флора и Помона берутъ другъ друга за руки и начинаютъ Польскій танецъ; прочіе жь молодые люди почтеннаго сего семейства встаютъ съ мѣстъ своихъ, и попарно слѣдуютъ за ними. Потомъ Флора и Помона подходятъ

къ хозяевамъ, въ честь которыхъ празднество сіе было, и цѣлуютъ ихъ руки. Подражая сему, и другіе дѣлаютъ имъ пристойные знаки почтенія, и тѣмъ оканчивается сіе родственное празднество.

V.

ПРОЛОГЪ

АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ

ЛЮБВИ,

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Любовь.
Жрецы.
Юноши.
Дѣвы.
Народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сѣверѣ.

Сей прологъ былъ сочиненъ на случай разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини Елисаветы Алексѣевны Великою Княжною Маріею Александровною, по соображенію тогдашняго времени и обстоятельствъ; но какъ отъ автора Двору представленъ не былъ, то и не игранъ.

ПРОЛОГЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКІЙ.

Театръ представляетъ на разсвѣтѣ лѣсъ, покрытый инеемъ. Въ срединѣ лѣса купа дубовъ, подъ которыми семь жрецовъ сидятъ въ бѣломъ одѣяніи. Предъ ними олтарь. Вдали видны каменныя скалы съ висящими съ нихъ оледенѣлыми источниками. Музыка сообразуется дикой замерзлой природѣ, сливаясь съ шумомъ вѣтра.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Тихій, унылый, безъ музыки, изъ теноровъ и басовъ составленный.)

Долго ль инеемъ покрытый
Будешь сей ужасенъ лѣсъ?
Свѣтлы дни уже забыты,
Видимъ въ стужѣ гнѣвъ небесъ!

ЖРЕЦЪ.

(Тенором поющій, приступая къ олтарю, поставляетъ предъ нимъ жертвенный треножникъ, покрытый бѣлымъ полотномъ.)

Съ первымъ бы цвѣткомъ явиться
Къ намъ должна была весна;
Но земля безплодна зрится,
Холодомъ умерщвлена.

ВТОРОЙ ЖРЕЦЪ.

(Старшій, басомъ поющій, снимаетъ съ треножника покрывало.)

Часто покрываешъ мглою
Блески своего чела,
Чтобъ съ сугубой красотою
Послѣ возсіять могла.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Съ музыкою, возставъ и приближаясь къ олтарю.)

Принесемъ же мы моленье
Благодѣтельнымъ богамъ,
Чтобъ твое произреченье
Скоро совершилось намъ.

ТРИ ЖРЕЦА.

(Старшій и два младшіе, съ музыкою.)

Боги! наши голоса
Да коснутся неба свода!
Озарите небеса,
И воскреснетъ вся Природа!

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Безъ музыки.)

Чада! чада! къ намъ идите
И мольбы соедините.

(Показывается народъ, юноши и дѣвицы.)

ХОРЪ ОБЩІЙ.

(Съ музыкою. Народъ, жрецы, юноши и дѣвицы.)

О небо! преклонись къ моленьямъ
Ты сокрушенныхъ нашихъ душъ.
Весна, приди! и дуновеньемъ
Оковы мразныя разрушь.

Вели дыхать благоуханьямъ,
Вели раскинуться цвѣтамъ,
Да мы щедротъ ея даяньемъ
Здѣсь жертвы принесемъ богамъ.

(Подъ симъ хоромъ хороводъ дѣвицъ и юношей составляютъ вкругъ олтаря и жертвеннаго треножника медленный священный танецъ. Между тѣмъ старшій жрецъ возжигаетъ на треножникѣ огонь. Хоръ прерывается слышимымъ вдали троекратнымъ гуломъ грома, при каждомъ коего отголоскѣ пламя на треножникѣ вспыхиваетъ, и хоръ, возобновляясь трикраты, постепенно тихо умолкаетъ.)

ТРИ ЖРЕЦА.

Смягчилося стремленье
Холодныхъ бурь и стужъ,
Услышано моленье
Усердныхъ вашихъ душъ.

ХОРЪ.

(Изъ народа, юношей и дѣвицъ.)

Услышаны мольбы сердечны,
Молитва наша принята!

О богини праведны и вѣчны!
Обрадуйте сіи мѣста.
Надежда, утѣшай, драгая!
Приди скорѣй, весна златая!

(Сей народный хоръ пересѣкается сильнымъ громовымъ ударомъ. Театръ постепенно освѣщается, сходятъ облака и часть лѣса; а сцена мало по малу перемѣняется въ весеннія явленія.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Оживитесь, почвы льдисты!
Распуститеся, цвѣтки!
Да сплететъ изъ васъ душисты
Милымъ и себѣ вѣнки.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Раздѣлитеся зелены
Намъ на подвиги луга,
Чтобъ бросать огнь военный
Мы учились на врага.

(Въ сіе время спускаются облака ниже во глубинѣ театра, и составляетъ изъ себя группу.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Поспѣваетъ наша дань
Дѣвамъ юнымъ и прекраснымъ.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Ужь открылося на брань
Поле юношамъ безстрашнымъ.

(Сіи хоры одинъ послѣ другаго повторяются.)

ОБЩІЙ ХОРЪ.

(Изъ юношей и дѣвъ.)

Всѣ утѣхи обѣщаетъ
Сердцу радостна весна;
Но еще не доставляетъ
Нѣжныхъ намъ блаженствъ она.

Тутъ указываетъ народъ на сгущенную группу облаковъ, и приближается къ ней вмѣстѣ съ жрецами.)

ХОРЪ НАРОДА И ЖРЕЦОВЪ.

(Фуга.)

Что за явленье
Снисходитъ съ небесъ?
Странно видѣнье
Рѣдкихъ чудесъ!

(Нижняя часть густыхъ облаковъ, садясь на землю, раздвигается и появляется изъ нея розовый кустъ.)

ХОРЪ ДѢВЪ.

Весна открылась красотою,
Сплетемъ вѣнки себѣ мы вновь.

(Подбѣгаютъ къ кусту рвать цвѣты: въ немъ показывается любовь въ видѣ младенца. Въ сіе мгновеніе разрѣшаются замерзлыя воды, текутъ водопады; лѣсъ и земля покрываются цвѣтами.)

ХОРЪ.

(Изъ народа, жрецовъ, юношей и дѣвицъ.)

Мы видимъ, съ юною весною
Родилась нѣжная любовь.

(Дѣвицы поднимаютъ на рукахъ Любовь, и несутъ ее, при повтореніи сего хора, на олтарь, украшенный тогда же цвѣтами, на которомъ и поставляютъ.)

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

Лишъ взглянешъ только, вспламенитъ
Намъ къ мужеству сердца.

ХОРЪ ДѢВЪ.

Въ насъ пламенну любовь родитъ
Улыбкою лица.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

О твердая любовь! златая
Всего народа цѣпь сердецъ!
Прославимъ, праздникъ составляя,
Въ тебѣ залогъ благихъ небесъ.

ЮНОШИ И ДѢВИЦЫ.

(Выступя на средину театра и обращаясь къ Любви.)

Сладкая души отрада!
Тяжесть золотыхъ оковъ!
Твоего едина взгляда
Ищемъ, жаждемъ мы, Любовь.

ДѢВИЦА.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милый мой! одними тобой,
И ты любишь, — все прекрасно,
Все прелестно предо мной.

ЮНОША.

Если сердце нѣжно, страстно,
Милая! одной тобой,
И ты любишь, — я безстрашно
За тебя иду на бой.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ И ДѢВИЦЪ.

Обладай, Любовь, ты нами!
Обладай, взаимна страсть!
Царствуй, царствуй надъ сердцами:
Всѣмъ твоя пріятна власть.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(Поднося Любви розовый вѣнокъ.)

Весенни мы приносимъ дары,
Да розой жизнь твоя цвѣтетъ.

ХОРЪ ЮНОШЕЙ.

(Поднося лавровый вѣнокъ.)

А мы тебѣ подносимъ лавры,
Да удивится славѣ свѣтъ.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Поднося вѣнокъ дубовый.)

Явися, общихъ благъ Содѣтель,
Народа радость и краса!
Любя святую добродѣтель,
Преклонь на насъ Ты небеса.

(Весь народъ повторяетъ послѣдніе два стиха жрецовъ.)

Сей хоръ сопровождается трубами и литаврами, подъ которымъ Корифеи производятъ пляски,

*

и на посохахъ, увѣшанныхъ цвѣтючными плетеницами, составляютъ около олтаря подобіе Храма. Съ небесъ спускаются къ Любви трофеи, въ которыхъ видны лукъ, колчанъ и пламенникъ. Она надѣваетъ на себя колчанъ, беретъ лукъ и пламенникъ, который въ рукахъ ея зажигается. Имъ она касается трофеевъ, между которыми освѣщается вензловое имя новорожденныя. Жрецы подносятъ къ Любви жертвенный треножникъ, на которомъ она пламенникомъ своимъ зажигаетъ ароматъ. На олтарѣ является огненная надпись:

Блаженство, счастье водворится,
И именемъ Ея весь Сѣверъ озарится.

Сей стихъ воспѣвается всеобщимъ хоромъ и дѣйствіе тѣмъ кончится, что всѣ съ колѣнопреклоненіемъ поклапяются Любви.

VI.

ПРОЛОГЪ

НА РОЖДЕНІЕ ВЪ СѢВЕРѢ

ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА,

ПОЧЕРПНУТЫЙ

ИЗЪ ДРЕВНЯГО ВАРЯГО-РУССКАГО

БАСНОСЛОВІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Рюрикъ . . . . Великій Князь Новогородскій, родоначальникъ Монарховъ Русскихъ, происшедшій отъ Сѣвернаго бога Одина.

Едвинда . . . . его супруга.

Зничь . . . . или Май.

Зимцерла . . . . или Весна, его супруга.

Лель . . . . или Купидонъ, ихъ сынъ.

Валки . . . . Небесныя дѣвы, или Граціи.

Жрецы . . . Богослужители. } первые отличаются на
Барды . . . . Пѣснопѣвцы. } главахъ вѣнцами.

Дажъ-богъ . . . . Духъ, покровитель Сѣвера.

Огняны . . . .
Вѣтряны . . . .
Моряны . . . .
Земляны . . . .
} Духи, повелѣвающіе стихіями, то есть: Саламандры, Сильфы, Наяды и Гномы.

Богъ Одинъ, и прочіе. } пирующіе въ Валкалѣ,
Боги и Герои сѣверные } или въ раѣ храбрыхъ.
Дагоды . . . . или Зефиры.
Кикиморы . . . . или Мечты.
Русалки . . . . или Нимфы рѣчныя.
} безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Старой Ладогѣ, на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ Рюриковъ.

Сей прологъ, какъ и первый, сочиненъ въ одно время, на случай разрѣшенія отъ бремени Великимъ Княземъ.

ПРОЛОГЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ лунную ночь и рощу на берегу рѣки Волхова. Нѣсколько купъ старыхъ дубовъ. Въ ближайшей изъ нихъ виситъ съ огнемъ лампада. Нѣсколько скамей и арфъ. Сквозь шумъ пороговъ и бушующаго лѣса слышны изрѣдка звуки арфъ. Музыка сообразуется видимымъ предметамъ. Со стороны выходятъ Барды, не менѣе пяти.

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Бурлива ночь!

ВТОРОЙ.

А вѣтръ часъ отъ часу крѣпчаетъ.

ТРЕТІЙ.

Луна сквозь тучь едва на Волховѣ сверкаетъ,
И слышанъ громъ вдали.

(Луна покрывается облаками, и близится громъ.)

ПЕРВЫЙ.

Во кущу поспѣшимъ
Утреневать богамъ.

(Въ сіе время спускается на облакѣ Дажъ-богъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дажъ-богъ.

ДАЖЪ-БОГЪ.

(Не видя жрецовъ.)

О роща, гдѣ Одинъ,
И Рюрикъ сѣверный съ Эдвиндой воспѣваемъ!
Жилище Бардовъ! край, богами соблюдаемъ!
Какую радостну тебѣ я вѣсть принесъ!
Судьбы провозвѣщу тебѣ благихъ небесъ.

БАРДЫ.

(Въ сторонѣ между собою.)

Ахъ! что такое? Что? кто слелъ со облаковъ?

ДАЖЪ-БОГЪ.

(Не усматривая ихъ.)

Арія.

Духъ вѣсть радостна волнуетъ,
Въ сердце льется живо кровь;
Мною богъ предзнаменуетъ
Сѣверу свою любовь:
Веселись, страна блаженна,
Озаренна небомъ днесь!

(Гроза умножается.)

Молнія въ ночи блистаетъ, —
Это знакъ щедротъ боговъ;
Громъ на Западъ ударяетъ, —
Это гнѣвъ на злыхъ умовъ:
Трепещи, страна мятежна!
Казнь тебѣ летитъ съ небесъ.

(Страшно громъ ударяетъ, и роща молніей вся освѣщается, какъ пожаромъ.)

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Увы! знать гнѣвъ боговъ!

ВТОРОЙ.

О милосердый духъ! и роща вся пылаетъ.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Не бойтесь! Небо вамъ блаженство предвѣщаетъ.
Я Дажъ-богъ, я вашъ другъ, я не предвѣстникъ
бѣдъ.
Пускай Перунъ тамъ гидръ стрѣлами грома бьетъ:
Я вамъ Одиново принесъ благословенье.
Внимайте: «Онъ вчера, низведъ съ Валкала зрѣнье,
Окинулъ взглядомъ міръ, зря въ Западѣ раздоръ,
На Сѣверѣ покой, склонилъ съ улыбкой взоръ,
И повелѣлъ боговъ позвать на пированье.
Усладъ исполнилъ вмигъ всесильно приказанье.
Всѣ боги собрались, и въ дружной чашѣ медъ,
Какъ золото, блисталъ розъ на ланитахъ цвѣтъ.
Глава боговъ сосудъ изъ злата и порфира
Велѣлъ себѣ подать, гдѣ жребьи крылись міра.
Онъ крышку снялъ, и всѣхъ прекраснѣйшей изъ
Валкъ
Веселымъ маніемъ очей онъ подалъ знакъ.
Дѣвица розову десницу простираетъ,
И нитокъ клубъ златыхъ изъ урны вынимаетъ.
Размазываетъ клубъ, по воздуху летитъ,
И свитокъ на помостъ вдругъ падаетъ священный,
Печатью огненной со внѣ запечатлѣнный.

Богъ Царь открылъ печать, внутрь свитка письмена!
Въ молчаньи чтутъ, и вдругъ,—счастливы племена
Народовъ сѣверныхъ!— всѣ боги восклицаютъ :
«Потомство Рюрика, какъ онъ подобно самъ,
«Войною нанесетъ страхъ Сены берегамъ;
«Весь Сѣверъ съединитъ въ подсолнечну едину,
«Поклонятся всѣ въ немъ всесильному Одину:
«Героевъ тма, Царей, сольетъ свою съ нимъ кровь,
«Отъ Мая и Весны произойдетъ Любовь.»—
Такъ боги въ свиткѣ чли, и всѣ единодушно,
Что время Сѣверу грядетъ благополучно,
Велѣли мнѣ предречь младенца рождество:
Устройте жь жертвы вы, устройте торжество,
Идите спѣшно въ храмъ. . . . »

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

О благотворный духъ!
О покровитель нашъ! Но чей повѣритъ слухъ
Такому божескихъ судебъ предъизреченью
И твоему предъ насъ толь чудному явленью?

ВТОРОЙ.

Родится отрокъ ли, иль красна дѣва намъ?

ДАЖЪ-БОГЪ.

О смертны слабые! не мнѣ, такъ симъ древамъ
Повѣрьте, и звѣздѣ сей блещущей надъ вами.

ЯВЛЕНІЕ III.

Показывается межь облаковъ Сѣверная звѣзда. На дубахъ огненныя надписи: *Отрокъ.* Дажъ-богъ на облакѣ тихо возносится. Барды падаютъ на колѣни, и съ умиленіемъ поютъ.

ДУЭТЪ.

Духъ добрый, свѣтлый, лучезарный!
Мы вѣруемъ тебѣ.
Виждь наши души благодарны,
Внемли ты сей мольбѣ,
И вознеси ее въ чертоги,
Гдѣ вѣчно торжествуютъ боги.

ТРЕТІЙ БАРДЪ.

Нашъ долгъ провозвѣстить, что сдѣлалося съ нами.

(Входятъ въ кущу, принимаются за арфы, и составляютъ съ повтореніемъ оныхъ общій хоръ, смотря съ восторгомъ на звѣзду.)

ХОРЪ.

Внемлите всѣ народы свѣта!
Одиновъ растворенъ чертогъ,
Благословляетъ Сѣверъ Богъ,
Сіяетъ новая планета!

ПЕРВЫЙ БАРДЪ.

Теперь мы поспѣшимъ въ Одиновъ храмъ,
И жертву принесемъ съ жрецами тамъ богамъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ царство Сѣвера. Дремучій лѣсъ, покрытый инеемъ, посреди коего готическій серебряный чертогъ и тронъ. На возвышеніи онаго сидятъ Рюрикъ и Эдвинда. Ниже предъ ними виситъ колыбель подъ туманомъ. Ее качаютъ сѣдые мразы и океаны. Съ небесъ, подобно лѣствицѣ, къ трону облака̀. На нихъ видны Мечты и Зефиры, помавающіе на колыбель крылами. Съ самаго верха слышны голоса четырехъ Валкъ.

КВАРТЕТЪ.

(Тихо.)

Спи, дитя, ты спи, любезно,
Въ буряхъ, мразахъ возрастай:
Мужество тебѣ полезно,
Нѣгу, роскошь презирай.
Ты рожденъ на свѣтъ судьбою
Ради царскаго вѣнца,
Въ нуждахъ дай примѣръ собою,
Правдой покори сердца.

РЮРИКЪ.

Военны зрѣлища вы, сны! ему мечтайте,
Мечами о мечи въ слухъ тихо ударяйте;
Пускай онъ въ юности привыкнетъ видѣть брань
И поражать, какъ я.

(Мечты, сошедъ съ облаковъ, въ балетѣ сѣкутся мечами, и представляютъ разныя военныя дѣйствія.)

ЭДВИНДА.

А вы, Зефиры! дань

Играніемъ ему и рѣзвостью платите.
Порфирородныхъ долгъ, не брань одна, внушите,
Имъ надлежитъ еще изящнѣйшая часть:
Быть кроткими, какъ я.

(Зефиры сходятъ съ облаковъ, и въ другомъ балетѣ представляютъ разныя дѣйствія милосердія и щедротъ; потомъ совокупно съ Мечтами составляютъ веселый танецъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Огняны, Вѣтряны, Моряны и Земляны, предводительствуемые подъ великолѣпнымъ маршемъ Дажъ-богомъ, приносятъ съ собою въ разныхъ сосудахъ новорожденному дары.

ДАЖЪ-БОГЪ.

Надъ всѣмъ имущій власть,
Богъ неба и земли и всей Господь вселенной,
И боги прочіе изъ вѣчности священной
Прислали отроку дары.

ОГНЯНЪ.

Со мною огнь и громъ,
Духъ мужественный, мечь, тулъ стрѣлъ, шеломъ.

РЮРИКЪ.

Къ защитѣ нужный даръ.

(Помаваетъ, и духи кладутъ дары предъ трономъ.)

ВѢТРАНЪ.

Со мной красу прелестну
Лица, пріятности и чистоту небесну.

ЭДВИНДА.

Любезный всѣмъ!

(Тоже по мановенію дѣлаютъ.)

МОРЯНЪ.

Со мной, раждаемы въ моряхъ
Кораллы и жемчугъ, и счастье на водахъ.

(То же.)

ЗЕМЛЯНЪ.

Со мною прислано обиліе, убранство,
И злато и сребро, несмѣтное богатство,
Которое творитъ блаженство на земли,
И все, чѣмъ смертные блистали гдѣ, цвѣли.

(То же.)

ДАЖЪ-БОГЪ.

А мнѣ ему еще къ тому всѣхъ благъ Содѣтель
Во грудь вдохнуть велѣлъ небесну добродѣтель.

(Подходитъ къ колыбели и дуетъ на младенца.)

РЮРИКЪ.

О коль прекрасный даръ!

ЭДВИНДА.

Прекраснѣйшій изъ всѣхъ!

ДАЖЪ-БОГЪ.

Въ единомъ дарѣ семъ несчетны тмы утѣхъ.

ВСЕОБЩІЙ ХОРЪ.

Ты, добродѣтель! всему красота,
Дщерь ты небесъ!
Солнце и свѣта ты лѣпота,
Краше ты звѣздъ!
Отроку въ перси юны и нѣжны
Чаще дыхай,
Въ сердце страхъ Божій, мысли смиренны
Въ душу вливай.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ зеленый священный холмъ, на немъ въ отверстой ротондѣ преизящный храмъ, а предъ ними лугъ, окруженный рощами. Рюрикъ и Эдвинда сидятъ въ сторонѣ подъ балдахиномъ на полукружномъ тронѣ. Жрецы и Барды внутрь храма предъ олтаремъ, на которомъ горитъ благоуханный огнь. Надъ храмомъ въ свѣтлыхъ облакахъ вѣденъ Валкалъ, гдѣ по срединѣ во всемъ оружіи богъ Одинъ; а по обѣ стороны его другіе Сѣверные боги, Герои и Валки. Дажъ-богъ внизу у трона Рюрикова.

ДУЭТЪ Жрецовъ и Валкъ, повторяемый Бардами на арфахъ.

ЖРЕЦЫ.

Се жертва непорочна,
Горитъ чистѣйшій огнь:

Изображаетъ точно
Душъ нашихъ пламень онъ.

(Имъ отвѣтствуютъ, какъ эхо, съ Валкала, двѣ Валки)

ВАЛКИ.

Какъ розъ благоуханье,
Восходитъ къ нему дымъ:
Такъ душъ сихъ изліянье
Взнеслось къ мѣстамъ святымъ.

ЖРЕЦЫ.

Услышь, услышь моленье,
И нашихъ гласъ похвалъ;
Исполнь благоволенье,
Которо обѣщалъ.

ВАЛКИ.

Услышано моленье,
Пѣснь ваша принята;
Боговъ благоволенье
Вамъ: Май, Любовь, Весна.

ОБЩІЙ ХОРЪ

ЖРЕЦОВЪ И ВАЛКЪ

(Громогласно.)

Услышано моленье,
Пѣснь наша принята,
Небесъ благоволенье
Грядетъ въ сіи мѣста.

ДАЖЪ-БОГЪ.

О какъ я радуюсь! какъ духомъ веселюся!
Молитва принята! Дождуся я, дождуся,

Когда сюда слетятъ младыя божества
Въ сіяньи ихъ лучей, во славѣ торжества.

СТАРШІЙ ЖРЕЦЪ.

(Въ священномъ восторгѣ предъ олтаремъ.)

Я вижу отроча, неслыханно, чудесно,
И тѣломъ и душей божественно, прелестно!
Печатью въ вѣчности онъ былъ запечатлѣнъ,
Во знакъ: что рѣдкій даръ имъ въ свѣтъ произведенъ.
Что съ клуба въ бездну нить тянулася златая,
То знаменье, что жизнь продлится дорогая:
Что благовонная изъ урны вышла мгла,
То пользой осѣнятъ весь міръ его дѣла,
И словомъ: будетъ онъ великъ между Царями.
Уже растетъ!

МЛАДШІЙ.

Но будто пѣнный холмъ встаетъ между цвѣтовъ.
Его священное названье: Лель, Любовь!

СТАРШІЙ.

Его родитель Зничь. Такъ свѣтлъ, какъ Май, лучами.

МЛАДШІЙ.

Зимцерла мать его — весна, заря красами!

РЮРИКЪ.

Ужь вижу обоихъ я ихъ небесъ въ лучахъ!

ЭДВИНДА.

Летятъ любезные на легкихъ облакахъ!

ДАЖЪ-БОГЪ.

Летятъ всѣмъ милые, прекрасные, младые,
Летятъ сюда отецъ и мать и сынъ съ высотъ:
Какое множество въ сихъ божествахъ красотъ!

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Восторгъ нашъ умъ плѣнитъ,
Вся млѣетъ кровь:
Весна и Май летитъ,
При нихъ Любовь!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, и на свѣтломъ облакѣ являются

ЗНИЧЬ, ЗИМЦЕРЛА И ЛЕЛЬ,

(которые поютъ)

ТРІО.

По вашему прошенью
Съ небесъ летимъ,
Боговъ по мановенью
Природу обновимъ.

ЗНИЧЬ.	ЗИМЦЕРЛА.	ЛЕЛЬ.
Я васъ лучами Потщуся про- свѣтить, Наукъ вѣнцами И счастьемъ на- дѣлить.	А я цвѣтами Потщуся рас- цвѣтить, Златыми днями, Блаженствомъ наградить.	А я стрѣлами Потщуся уяз- вить; Владѣть сердца- ми, Любя, люби- мымъ быть.

(Мечутъ на землю цвѣты и золотыя стрѣлы.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Множество Зефировъ и Нимфъ, выбѣгая изъ рощей, подбираютъ цвѣты и стрѣлы: одни прикалываютъ ихъ къ груди, другія втыкаютъ за поясъ. Въ концѣ составляютъ торжественный балетъ. Рюрикъ и Эдвинда смотрятъ съ трона, Жрецы и Барды изъ Храма; Зничь, Зимцерла и Лель съ облаковъ, а Дажъ-богъ близъ трона.

РЮРИКЪ И ЭДВИНДА.

(По окончаніи балета, подошедъ къ облаку.)

РЮРИКЪ.

Сойдите, милые, боговъ по повелѣнью.

(Въ сіе время въ Валкалѣ богъ Одинъ и прочіе боги и Герои Сѣверные звучатъ въ щиты, показывая тѣмъ свое согласіе.)

ЭДВИНДА.

Утѣшьте нашъ народъ.

ЗНИЧЬ.

Я ихъ соизволенью
Покорствую всегда.

ЗИМЦЕРЛА.

Сойду.

ЛЕЛЬ.

И я сейчасъ.

(Облака осѣдаютъ на землю.)

ЖРЕЦЫ.

Уже священный щитъ готовъ тебѣ у насъ.

(Барды берутъ изъ храма щитъ, а изъ рукъ Знича и Зимцерлы Леля, котораго ставятъ на щитъ, и несутъ на тронъ, на коемъ сидящіе Рюрикъ, Эдвинда, Зничь и Зимцерла принимаютъ его на свои руки.)

ДАЖЪ-БОГЪ.

Се отрокъ, мною вамъ, о Барды! предреченный:
Воскликнемъ гимнъ ему торжественный, священный!

ХОРЪ.

(Общій на театрѣ и въ Валкалѣ.)

О юноша! о плодъ прекрасный!
Намъ купно съ розами родясь,
Какъ утренней зари блескъ ясный,
Какъ нѣжна лилія, смѣясь,
Расти, дитя, Зимцерлы въ лонѣ
И Знича подъ златымъ щитомъ;
Блистай на Рюриковомъ тронѣ
Нашъ юный Лель, какъ лучь лицомъ!

VII.

ДОБРЫНЯ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

СЪ МУЗЫКОЮ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ, Великій Князь Кіевскій.

Силоумъ, первый его Бояринъ.

Добрыня, богатырь Новгородскій, сродникъ Владиміра.

Прелѣпа, Княжна Изборская, невѣста Владимірова.

Змѣй Горынычь
Змѣуланъ Змѣуланычь
Тугаринъ Тугаринычь
} Царь и чародѣй Болгарскій.

Спорада, наперсница Прелѣпы.

Торопъ, конюшій Добрынинъ.

Доврада, жрица и волшебница Холмогорская.

Сребробрады, Бояре Владиміровы, составляющіе Верховную Думу.

Жрецы, изъ нихъ главный только съ рѣчьми.

Сотникъ, начальникъ стражи вратъ градскихъ.

Часовой, на башнѣ.

Два вѣстника.

Герольдъ.

Бирючь, Герольдъ Татарскій.

Дворъ Владиміровъ,—Рынды, или Пажи, боярышни, или дѣвицы, живущія въ Княжескомъ теремѣ.
Вѣдьмы.
Войски. } Русскія.
Народъ. } Татарскія.
} Всѣ безъ рѣчей, а только составляютъ хоры.

Дѣйствіе въ столичномъ городѣ Кіевѣ, при окончаніи идолопоклонства.

ДОБРЫНЯ,

ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ въ утреннемъ мракѣ при рѣкѣ Днѣпрѣ городъ Кіевъ. На стражевой башнѣ часовой; вблизи, въ кустарникѣ, лежитъ градская стража, а вдали шатры.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОБРЫНЯ И ТОРОПЪ.

ТОРОПЪ.

На Княжескомъ лугу, въ зеленомъ лукоморьѣ,
Добрыня! твоего пустилъ гулять коня.

ДОБРЫНЯ.

Спасибо Торопу! утѣшилъ ты меня.

ТОРОПЪ.

Да тамъ же на раздольѣ,
Какой-то страшный чортъ, знать витязь, Князь Татарской,
Къ намъ подсосѣдилъ свой шатеръ.

ДОБРЫНЯ.

Хотя бы напримѣръ
И Царь Чипчатской:
Какая въ томъ бѣда?

ТОРОПЪ.

Однако жь вѣдь Орда
Не шутитъ иногда.

ДОБРЫНЯ.

Не бойсь!

(По воздуху летитъ огненный змѣй.)

ТОРОПЪ.

Ай змѣй! ай змѣй по воздуху летитъ!
И слышь, какъ искрами оретъ, свиститъ, шумитъ.

ДОБРЫНЯ.

Стой знай, и не страшися.
Три раза молвь: аминь, аминь, (*) разсыпься!

(Поютъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпься!
Боюся я его!

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будешъ ничего.

ТОРОПЪ.

Вѣдь эдакіе змѣи
Тмы дѣлаютъ проказъ.

ДОБРЫНЯ.

То басни и затѣи
И глупыхъ бабъ разсказы.

(*) Слово сіе и у язычниковъ какъ прежде, такъ и нынѣ употребляется.

ТОРОПЪ.

Влетаютъ въ домы, въ башни,
Пролазятъ и сквозь стѣнъ.

ДОБРЫНЯ.

Любовныя то шашни,
Дѣвъ выдумки и женъ.

ТОРОПЪ.

Цѣлуютъ и милуютъ
Украдкой и во снѣ.

ДОБРЫНЯ.

Старухи такъ толкуютъ,
И вздоръ, повѣрь въ томъ мнѣ.

ТОРОПЪ.

Аминь, аминь, разсыпься!
Боюся я его.

ДОБРЫНЯ.

Пустое! не страшися,
Не будетъ ничего.
И мы межь тѣмъ, какъ здѣсь встаетъ заря златая,
Природу освѣщая,
Хоть полюбуемся, на городъ глядя сей.
(Восходитъ солнце.)
Какой восторгъ очей!

ТОРОПЪ.

Ужь подлинно сказать! — Вѣдь это Кіевъ?

ДОБРЫНЯ.

Во всей подсолнечной межь городовъ звѣзда.

(Поетъ одинъ.)

Ахъ! Столица это солнышка
Святослава, Князя Русскаго.
Ахъ! того ли Володиміра!
Сколько башенъ бѣлокаменныхъ!
Сколько златоверхихъ теремовъ!
Словно жаръ, они въ печи горятъ.

ТОРОПЪ.

И впрямъ, смотри, какъ тамъ отъ терема прекрасна
Поверхъ Днѣпра струя, что свѣчка блещетъ ясна.

ДОБРЫНЯ.

Не въ семъ ли теремѣ, что краше въ свѣтѣ нѣтъ,
Моя возлюбленна живетъ?

ТОРОПЪ.

Твоя возлюбленна? — Ба, Рыцарь мой любимый!
Желѣзный, каменный, никѣмъ непобѣдимый!
Свое ли говоришь мнѣ ты?

ДОБРЫНЯ.

Увы, Прелѣсты красоты. . . .

ТОРОПЪ.

Ну, вотъ тебѣ и сказка!
А тамъ хоть объ закладъ, не мудрена развязка:
Влюбился молодецъ
Въ владычицу сердецъ!

(Поетъ одинъ, передразнивая.)

У ней очи соколиныя,
У ней брови соболиныя,
Поступь тихая, павлиная,

Грудь высока, лебединая:
Не шакъ ли, какъ во всемъ красавицѣ бышь должно?
Какъ въ солнце, на нее, слышь, посмошрѣшь не
можно.

ДОБРЫНЯ.

Ты шушишь, Торопъ, мной.

ТОРОПЪ.

Да гдѣ же, разскажи, когда въ нее влюбился?
Мы шридевяшь земель проѣхали съ шобой;
А шы чрезъ шри года мнѣ въ эшомъ изъяснился.

ДОБРЫНЯ.

Завѣдала одна шо молодецка грудь. —
Но слушай, если шакъ, лишь скроменъ будь,
Я шайну всю шебѣ опікрою,
Чѣмъ сшоль себя я безпокою.
Мнѣ помощь, вѣрный другъ, шеперь швоя нужна:
Прелѣпа милая, Изборская Княжна,
Влюбленною въ меня была еще изъ-млада,
И, словомъ, съ шой поры, какъ мудрая Добрада
Во капищѣ боговъ, во Холмоградѣ, насъ
Воспишывала съ нею вмѣсшѣ,
Не выпускаючи ее изъ сшрасшныхъ глазъ,
Вздыхаю я о ней, какъ о моей невѣсшѣ.
Средь пиршесшвъ, средь боевъ, средь рыцарскихъ
шревогъ,
Средь женскихъ прелесшей, заняшься я не могъ
Никѣмъ другимъ, какъ ей. — Вездѣ искали очи
Ее, средь свѣшла дня, средь шемной ночи.
Ее одну люблю, храню въ душѣ моей:

А днесь, о боги!
Колико мнѣ явилися вы строги!
Я слышу, что она въ столицѣ сей.

ТОРОПЪ.

Такъ сильно, знать, тебя кручина обуяла,
О милый Рыцарь мой? Да дѣло-то, ну, въ чемъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Звукъ слышанъ рога, и тогда же упадаетъ стрѣла предъ башнею.

ЧАСОВОЙ.

(На башнѣ.)

Къ ружью! стрѣла упала.

(Стража становится въ порядокъ.)

СОТНИКЪ.

Ахти! еще и съ ерлыкомъ!
Иль бусурманска нѣка сила
Откуда привалила,
И богатырь какой
Нахлынулъ къ намъ съ грозой? —
Да что жь? Вѣдь Русскіе не кажутъ тыла,
Намъ не знакомиться съ войной;
Пойду я къ Князю со стрѣлою,
А вы здѣсь безъ меня управьтеся съ зарею.

(Уходитъ.)

(На башнѣ слышны бубны и съ сиповками тихое пѣніе; стража, снявъ шапки, преклоняетъ копья.)

ХОРЪ.

О Хорсъ! Перунъ! О Лель! О Лада!
Храните Князя, стѣны града;
И тихой какъ зари восходъ,
Да Русскій такъ цвѣтетъ народъ!

ДОБРЫНЯ.

Врата ужь града отворились!

ТОРОПЪ.

И люди, посмотри, какъ въ нихъ зашевелились!

ДОБРЫНЯ.

Великій Князь идетъ, пойдемъ:
Иль нѣтъ, останься здѣсь съ собраньемъ ты придворнымъ,
Развѣдай о Княжнѣ, развѣдай обо всемъ:
Я жь, скрывшись до поры, пребуду незнакомымъ.
(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

А! а! чтобъ отгадать, не тратя много словъ,
Я вижу, для чего вильнулъ соколъ въ столицу:
Ну, сирѣчь, поимать подъ небомъ тамъ синицу.
Да что бы ни было, я съ нимъ на все готовъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Владиміръ съ Княжескимъ жезломъ въ рукахъ, сопровождаемый Силоумомъ и придворными.

ВЛАДИМІРЪ.

Кто такъ на Русскіе предѣлы
Дерзаетъ смѣло наступать,

Метать на нихъ враждебны стрѣлы,
И браннымъ рогомъ возбуждать
Отъ сна Владыку полвселенной? —
Или не знаетъ онъ, невѣрной,
Какъ страшенъ Русскій Князь, какъ силенъ, знаменитъ?
И можетъ ли онъ чьихъ въ брань вызововъ бояться?
Война Россіянамъ — лишь случай прославляться.
Взойди скорѣе ты на башню, Силоумъ!
И въ сребряный ударь тамъ дѣдовъ звучный щитъ,
Да потрясетъ его сердца и души шумъ,
Въ странахъ раздавшися полсвѣта.

СИЛОУМЪ.

Усердіемъ къ тебѣ грудь Русская согрѣта:
Исполнится сейчасъ Владиміра приказъ.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и два вѣстника.

ВѢСТНИКИ.

(Оба вмѣстѣ.)

Спасай и защищай, Великій Князь!

ПЕРВЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Татары все твое владѣнье разорили.

ВТОРОЙ ВѢСТНИКЪ.

Разграбили жилье, народы порубили.
(Оба вмѣстѣ.)

И головнею всю Россію покатили.

ВЛАДИМІРЪ.

О боги праведны! О злобный, строгій рокъ!
Для добраго Царя какъ сей урокъ жестокъ!
(Стоитъ въ задумчивости.)

ХОРЪ ПРИДВОРНЫХЪ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту. . . .
(Слышенъ звукъ щита.)

ВЛАДИМІРЪ.

Но ежели на брань итти мнѣ неизбѣжно
И проливать народа кровь:
Не должно ли сперва размыслить намъ прилѣжно,
Начать войну велитъ къ отечеству ль любовь?
Пожду, что скажетъ Дума мнѣ?

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Силоумъ и Сребробрады.

СИЛОУМЪ.

Щитъ прогремѣлъ твоей странѣ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Предъ свѣтлое лице явились Сребробрады:
Что повелитъ Великій Князь?

ВЛАДИМІРЪ.

Отечества сына, щиты, столпы, ограды!
Совѣта я прошу у васъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Мы рады.

ВЛАДИМІРЪ.

По мѣстамъ!

(Сребробрады становятся въ полциркуля. Владиміръ сперва на правой, потомъ на лѣвой рукѣ, шепчетъ на ухо близъ себя стоящимъ, и, отходя, говоритъ:)

Я время вамъ
Даю на размышленье.

(Сребробрады тихо совѣтуются между собою.)

ХОРЪ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,
Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духу нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту. . . .

СИЛОУМЪ.

(Сребробрадамъ.)

Князь ждетъ рѣшенья.

СРЕБРОБРАДЫ.

Сердца Царей въ рукѣ боговъ.

СИЛОУМЪ.

(Будто про себя.)

Не рубятъ, не казнятъ пословъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Хотите вы принять посольство отъ злодѣя?

СРЕБРОБРАДЫ.

Мы тако разумѣя. . . .

(Кланяются.)

СИЛОУМЪ.

Глаголъ твой намъ законъ святой:
Всѣ соглашаются съ тобой.

ВЛАДИМІРЪ.

Велите жь мнѣ принесть скорѣе лукъ и стрѣлы.

СИЛОУМЪ.

(Отходя.)

Велико дѣло есть совѣты подавать,
Но болѣе того умѣть ихъ принимать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашимъ разумомъ спасу мои предѣлы,
И, безъ сомнѣнія, совѣтъ вашъ будетъ благъ;
Онъ поданъ ревностью, къ Отечеству любовью,
И вѣрно не въ однихъ исполнится словахъ:
Не придетъ больше врагъ багриться Русской кровью.

ХОРЪ.

Кто въ бѣдствахъ стонетъ, унываетъ,
Великія души въ томъ нѣтъ:
Война обиды отмщеваетъ,

Въ согласіи содержитъ свѣтъ.
И нынѣ ль въ Русскихъ духа нѣту?
Вели, — пойдемъ, покажемъ свѣту. . . .

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Силоумъ въ великолѣпномъ послѣдованіи народа. За нимъ Рынды на богатыхъ подушкахъ несутъ въ налучьѣ лукъ, а въ тулѣ стрѣлы, изъ коихъ къ одной привязанъ ерлыкъ.

СИЛОУМЪ.

Насилу шестеро мы лукъ напрягли твой,
Что прадѣдъ натягалъ одинъ твой, самъ собой.

ВЛАДИМІРЪ.

Къ чему же съ пышностью такою,
Притомъ съ народною толпою?
Я блеска не терплю.

СИЛОУМЪ.

За тѣмъ, что я тебя люблю.

(Тихо.)

Народъ души твоей никакъ не постигаетъ,
На внѣшность смотритъ онъ, по оной уважаетъ;
И повинуется охотнѣе тому,
Неравнымъ зрится кто ему.

ВЛАДИМІРЪ.

Куда пустить стрѣлу: на лѣво, иль на право?

СРЕБРОБРАДЫ.

(Кланяются.)

Царь судитъ здраво.

СИЛОУМЪ.

(Указывая.)

Шатры раскинуты, мнѣ мнится, тамъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, впрямъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Спуская стрѣлу.)

Счастливый путь!

ТОРОПЪ.

(Выскоча изъ народа въ сторону.)

Ужь какъ
Воструха загремѣла,
Запѣла, засвистѣла,
И прямо къ небу полетѣла!

СИЛОУМЪ.

(Къ народу.)

Счастливый это знакъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Знать, дѣло наше право.

(Уходитъ, и всѣ за нимъ.)

ХОРЪ НАРОДА.

Стрѣла запѣла, засвистѣла,
И прямо къ небу полетѣла;

Такъ дѣло наше право;
Царь судитъ здраво,
Здраво, здраво,
Право, право!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ готическій златоверхій Княжны Прелѣпы теремъ, окнами и лѣстницею на берегъ рѣки Днѣпра. Противъ его съ другой стороны площадь, на коей для зрителей ложи, а между ними мостъ чрезъ рѣку, вновь устроенные.

ЯВЛЕНІЕ I.

СПОСОБА.

(Одна.)

И мостъ готовъ!—Такъ, знать, великолѣпный
Назначенъ въѣздъ. Но что здѣсь не видать Прелѣпы
Въ ея прогулки часъ?

ПРЕЛѢПА.

(Въ теремѣ подъ окошкомъ поетъ, сопровождая голосъ свой арфою.)

О отрада дней мучительныхъ!
Въ скукѣ, въ грусти облегченье мнѣ!
Образъ мыслей восхитительныхъ,
Гдѣ ты? гдѣ ты? во какой странѣ?
Посреди ли лѣса шумнаго?
Посреди ли степи знойной ты?

Посреди ли моря бурнаго?
Гдѣ твои сокрылись красоты?
Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;
Въ душу страстно воспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.

СПОСОБА.

Что за унылый тонъ?
И пѣсенки такой причина бы какая?
А! вотъ она сама.

(Прелѣпа сходитъ по лѣстницѣ, а Способа устраняется.)

ПРЕЛѢПА.

О сонъ! о страшный сонъ!
Мечта ужасная, толь лютая, толь злая!
Казалось, змѣй его сглотилъ! — Я трепещу!
Добрады только щитъ. . . .

СПОСОБА.

(Подходя къ Прелѣпѣ.)

Давно тебя ищу
Я, милая Княжна! — Но что ты такъ уныла?

ПРЕЛѢПА.

Какая радость мнѣ?

СПОСОБА.

Какъ! развѣ ты забыла
О счастіи своемъ?

ПРЕЛѢПА.

Какомъ?

СПОСОБА.

Ну что невѣста ты Владѣтеля такова,
Монарха Русскаго, прекраснаго, младова,
Который славою, сіяньемъ окруженъ,
Предметъ вздыханія прелестныхъ многихъ женъ;
О комъ ни написать,
Ни разсказать
Нельзя красиво:
А ты на все сіе такъ смотришь горделиво!

ПРЕЛѢПА.

Да кто тебѣ сказалъ, чтобы невѣстой я
Изъ всѣхъ моихъ подругъ ему ужь нареченна?

СПОСОБА.

Изрядно! коль теперь усердная моя
И вѣрная тебѣ такъ служба заплаченна,
Притворствуй, лицемѣрь, лукавь, скрывай, Княжна,
О томъ, что вѣдаетъ ужь вся сія страна.

ПРЕЛѢПА.

Ахъ! нѣтъ, Способа, нѣтъ! толь скромностію злою
Не упрекай меня.

СПОСОБА.

Да Князь помолвилъ вѣдь съ тобою?

ПРЕЛѢПА.

Никакъ.

СПОСОБА.

Да городъ весь. . . .

ПРЕЛѢПА.

Напрасно до тебя дошла толь лжива вѣсть.

СПОСОБА.

Гласъ Божій говоришъ, коль говоришъ сшолица.

ПРЕЛѢПА.

Не знаю ничего.

СПОСОБА.

Послушай же меня
Ты, юная дѣвица!
Скажу, не льсшя шебя и не маня,
О чемъ всѣ знаюшъ совершенно:
Твоею красошой Княжое сердце плѣнно.

ПРЕЛѢПА.

Способа! шы меня въ шомъ хочешь увѣряшь,
О чемъ, мнѣ кажешся, нельзя шебѣ и знашь.

СПОСОБА.

(Разсердяся, поешъ.)

Знаю, знаю я не ложно:
Льзя ль наперсницамъ не знашь,
Чшо имъ надобно и должно,
И чшо можешъ сосшавляшь
Ихъ госпожъ въ любви успѣхи,
Тайны, радосши, ушѣхи!
Знаю, знаю я неложно:
Льзя ль наперсницамъ не знашь,
Чшо имъ надобно и должно,
И чшо можешъ исполняшь
Ихъ госпожъ сердецъ желанья,
Вздохи, грезы, ожиданья?

Знаю, знаю я не ложно:
Льзя ль наперсницамъ не знать?

ПРЕЛѢПА.

Коль знаешь, такъ скажи, пожалуй, какъ?
Какимъ то образомъ, какой судьбою,
Я стала у тебя невѣстою Княжою?

СНОСОБА.

Послушай же, вотъ такъ:
По волѣ какъ его здѣсь собраны дѣвицы,
Въ супруги чтобъ ему краснѣйшую понять,
Къ великолѣпью сей родитель твой столицы
Позволилъ и тебѣ въ ихъ теремѣ предстать.
Ужь годъ прошелъ, какъ ты въ кругу сего собранья
Оспориваешь всѣхъ достоинства, Княжна!
Хоть потемняются предъ солнцемъ звѣздъ сіянья,
Но часто безъ друзей и прелесть не сильна:
А для того, чтобъ нравъ твой оказать и душу,
И внутренню красу съ наружной согласить,
Старалась я склонить наперсницу Малушу,
Чтобъ чрезъ нее тебя предъ Княземъ отличить.
Достигла до того: она мнѣ другомъ стала,
И, возведя къ себѣ ночныхъ сидѣльницъ въ ликъ,
Ни въ чемъ передо мной себя ужь не скрывала,
Свободный даже входъ отверзла и въ тайникъ,
Отколь не рѣдко мы на садъ смотрѣли чудный,
На васъ прекрасныхъ дѣвъ!—Я вижу какъ теперь,
Въ одну тишайшу ночь, въ блистательный часъ
лунный
Съ наперсницей отверзъ въ повалушу Князь дверь,
И тихо проходя ряды красавицъ нѣжныхъ,

Смотрѣлъ, ихъ обходя, въ глубокомъ спящихъ снѣ!
Но свѣтъ луны какъ палъ на верхъ возглавій снѣжныхъ,
И ясно освѣтилъ ихъ лица въ тишинѣ:
Какія красоты во мракѣ возблистали!
Румянецъ на щекахъ, казалося, горѣлъ,
Лилеи на грудяхъ сквозь тонку ткань блистали.
Великій Князь, смотря на нихъ, оцѣпенѣлъ
И долго онъ, стоя въ безмолвьи, колебался;
Не зналъ, которую которой предпочесть:
Замѣтя жь между нихъ, что ангелъ улыбался,
И, руки вверхъ взмахнувъ, хотѣлъ какъ бы летѣть,
Онъ взялъ одну изъ нихъ, и въ жилки голубыя
Увидя розову текущу тихо кровь,
Прижалъ къ своимъ устамъ, чтя признаки благія,
«Въ сей дѣвѣ,»-возгласилъ:-«живетъ моя любовь!»—
Сказалъ,—и взоръ возвелъ на встедшую зарницу:
«О Лада, мать утѣхъ! такъ ты своимъ лучемъ
Мнѣ показала всѣхъ краснѣйшую дѣвицу —
Благодарю тебя.» — И вышелъ тотчасъ вонъ
Изъ спальни, крадучись и тихими стопами;
Малушѣ повелѣлъ предъ всѣми отличать
Тебя почтеніемъ, уборами, столами;
Жемчугомъ, серебромъ и златомъ осыпать. —
И я сама съ тѣхъ поръ богаче содержуся:
Ну послѣ-то сего, что скажешь ты теперь?

ПРЕЛѢПА.

Увы!

СПОСОБА.

Пожалуй, хоть еще не вѣрь.

ПРЕЛѢПА.

Тревожуся, мяшуся!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ТОРОПЪ.

(Который, пришедъ шихо, весь слышалъ разговоръ Способы.)

ТОРОПЪ.

Я вашей милосши, Царевна, покланяюсь.

ПРЕЛѢПА.

Кшо шы? о чемъ? . . .

ТОРОПЪ.

Я Торопъ называюсь;
И вошъ о шомъ
Я даже до лица земнаго. . .

(Кланяешся въ землю.)

ПРЕЛѢПА.

О чемъ, о чемъ?
И мнѣ?

ТОРОПЪ.

Ошъ Рыцаря младаго.

СПОСОБА.

Да кшо шы? говоряшъ: зачѣмъ? и ошъ какаго
Ты Рыцаря сюда къ кому пришелъ?

ТОРОПЪ.

Я конюхъ богатырской
И вошъ пришелъ. . . (*въ сторону*) какъ бишь? . . .
Захряснуло въ умѣ.
(Пошираешъ лобъ.)

ПРЕЛѢПА.

На что жь ко мнѣ? . . .

ТОРОПЪ.

Поклонъ отдать здѣсь низкой
(Кланяется.)
Пресвѣтлому лицу Царевны молодой,
И у нея спросить: не любъ ли Рыцарь мой?

СПОСОБА.

На что?

ТОРОПЪ.

Въ прислугахъ быть у ней, или въ посылкахъ.

ПРЕЛѢПА.

Не нужно.

СПОСОБА.

Слышь, слуга не надобенъ такой.

ПРЕЛѢПА.

Явися къ Князю ты.

СПОСОБА.

А кто же Рыцарь твой?

ТОРОПЪ.

Кто Рыцарь мой? —
Онъ невидимкой сталъ.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

(Смѣются.

Вотъ толкъ какой!

СПОСОБА.

Изволь, пожалуй, съ нимъ ты скоро разойтиться.

(Слышится вдали маршъ войскъ.)

ПРЕЛѢПА.

Однако мнѣ пора пойти принарядиться,
Чу! войски ужь идутъ для встрѣшенья посла.

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Подступя къ Способѣ.)

Я саду вашему не могъ не удивляться:
Куда бы хорошо, какъ бы въ него. . . !

СПОСОБА.

Кого?

ТОРОПЪ.

Меня.

СПОСОБА.

(Съ насмѣшкою.)

Козла?

ТОРОПЪ.

(Пріосамяся.)

Эй, барска барыня! изволишь насмѣхаться,
Не выслушавъ, не знавъ, въ чемъ дѣло состоитъ.

СПОСОБА.

Ба! конюхъ балагуръ совсѣмъ другой взялъ видъ.

ТОРОПЪ.

Прости, сударыня! . . .

СПОСОБА.

Годится ль разговоры
Подслушивать другихъ? Чѣмъ оправдаться тутъ?

ТОРОПЪ.

Мнѣ праведны твои, боярыня, укоры;
Повинну голову не рубятъ, не сѣкутъ:
Я присланъ Рыцаремъ съ тобою объясниться,
И помощи твоей намъ дружеской просить.

СПОСОБА.

(Про себя.)

Другая пѣсенка. (*Вслухъ.*) Я чѣмъ могу служить?

ТОРОПЪ.

По обстоятельствамъ: мой Рыцарь безъименный
Желаетъ разговоръ имѣть уединенный
Съ Прелѣпой, и меня прислалъ онъ для того,
Чтобъ попросить на то согласья твоего.

СПОСОБА.

На что же тайныя съ дѣвицами свиданья?

ТОРОПЪ.

О нуждѣ, можетъ быть, поговорить. . . .

СПОСОБА.

Какой!

ТОРОПЪ.

Не знаю.

СПОСОБА.

(Про себя.)

А, постой!
Не отъ того ль у насъ смятенья, воздыханья?
Изрядно, господинъ конюшій! Мы пойдемъ
Отселѣ въ мой теремъ,
И тамъ поговоримъ мы обо всемъ подробно:
Ты видишь, здѣсь теперь народно.

(Указываетъ на входящія войска, и оба уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Войска Русскія и Татарскія, въ сопровожденіи народа, переходятъ чрезъ мостъ, каждое подъ своимъ знаменемъ и своимъ маршемъ, и становятся въ порядокъ другъ противъ друга. Въ ложахъ зрители, между коими и Прелѣпа. На Русскихъ знаменахъ летящій орелъ держитъ пукъ громовыхъ стрѣлъ, а на Татарскихъ крылатый змѣй свѣтящуюся луну.

ХОРЪ РУССКИХЪ.

Ступай, Россійская дружина!
Куда твой Князь и честь велитъ.
Перунъ и молнія орлина
Вездѣ во слѣдъ тебѣ летитъ:
Ступай! ура, ура!

ХОРЪ ТАТАРЪ.

Гайда, Татарская станица!
Куда твой Ханъ и месть велитъ.
Несмѣтной силы вереница,

На васъ Магметъ, Луна глядитъ:
Гайда! Алла, алла!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ продолженіе хоровъ, Великій Князь верхомъ на конѣ, окруженный богатырями, во многочисленномъ провожаніи Двора и народа, въ числѣ котораго и Торопъ; а потомъ Тугаринъ, въ личинѣ крокодила, на двухъ крылатыхъ трехглавыхъ змѣяхъ, выѣхавъ на колесницѣ, останавливаются у моста; и сошедъ съ коня и колесницы, каждый становится предъ своимъ войскомъ.

ТУГАРИНЪ.

Речитативъ.

Царь Казанской,
Астраханской,
Чипчакской золотой орды
Всемощный повелитель,
Другъ солнцевъ, братъ луны и зять звѣзды
Блистающей съ Востока,
Сынъ Магомета, всѣхъ сильнѣйшаго Пророка,
Священныхъ Алкорана словъ
Благоговѣйный исполнитель,
Ближайшій родственникъ ословъ
Абубекировыхъ; престрашный чародѣй,
Горынычь Змѣй,
Надъ всей вселенной Князь Князей
Россійскому Князьку повелѣваетъ,
И исполненья ожидаетъ:

Чтобъ онъ ему
Сей часъ въ его гаремъ
Прекрасную Княжну
Прелѣпу возвратилъ,
И золотой
Казной
Безчестно надѣлилъ,
На что онъ и ея согласіе имѣетъ.
Но воспротивиться Владиміръ коль посмѣетъ,
То Русь всю истребитъ огнемъ онъ и мечемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Великій Русскій Князь угрозы столь нелѣпы,
Несходныя ни съ чѣмъ,
Умѣетъ презирать:
Но было съ Змѣемъ чтобъ согласіе Прелѣпы,
Ты чѣмъ то можешь доказать?

ТУГАРИНЪ.

Спроси ее о томъ: она не отречется.

ВЛАДИМІРЪ.

Отъ клеветы такой весь духъ во мнѣ мятется!
Но пусть придетъ Княжна! — Скажи ей, Силоумъ.

СИЛОУМЪ.

Велѣньемъ таковымъ грудь нѣжная пронзится,
(Слышно взвизгиваніе.)
И вотъ ужь слышу въ ложѣ шумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Но что же дѣлать мнѣ? Ей нечего страшиться;
Открыть я долженъ ложь, и дерзость наказать.
(Силоумъ отходитъ.)

ТУГАРИНЪ.

Казнь можетъ сила лишь одна опредѣлять.

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ, правосудіе.

ТУГАРИНЪ.

Ты можешь забавлять
Себя и свой народъ пріятной сей мечтою.
Коль раздавишь тебя могу одной рукою:
То истина твоя, права, законъ святой
Не что, какъ только бредъ пустой.

ВЛАДИМІРЪ.

Безстрашный твердый духъ и разумъ просвѣщенной
Противное тому являли всякой разъ.

ТУГАРИНЪ.

О нѣтъ! Агарянъ родъ вѣкъ будетъ бичь вселенной.

ВЛАДИМІРЪ.

Покажетъ время то! . . . .

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПРЕЛѢПА, СПОСОБА И СИЛОУМЪ.

СИЛОУМЪ.

Исполненъ твой приказъ.

ПРЕЛѢПА.

Я здѣсь.

ВЛАДИМІРЪ.

Скажи, Княжна, рѣши мое сомнѣнье:

Посолъ сей предлагалъ тебѣ со Змѣемъ бракъ,
И будто есть твое на то соизволенье?

ПРЕЛѢПА.

Отвѣтствуетъ тебѣ мой огорченный зракъ;
Услыша твой приказъ, осталась чуть живою.

ТУГАРИНЪ.

Пускай она одна поговоритъ со мною.
(Беретъ Прелѣпу за руку къ сторонѣ.)

Слухъ о Горынычѣ, какъ страшный громъ, гремитъ;
Онъ звѣзды красотой и славой солнце тмитъ:
Я бракъ тебѣ, Княжна, съ Царемъ симъ предлагаю.

ПРЕЛѢПА.

Плѣнись кто хочетъ имъ, а я его не знаю.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ, вѣроломная! должна его знать ты,
Прочти: вотъ хартія, и чьи на ней черты?

ПРЕЛѢПА.

(Про себя.)

Ахъ! что это? мои!

ТУГАРИНЪ.

Ты то ко мнѣ писала!
Я не чудовище.

(Снимаетъ съ себя личину, и поетъ окончаніе той аріи, которую пѣла Прелѣпа въ теремѣ.)

«Пролетая всю вселенную,
Мыслью въ ней тебя вездѣ ищу;

Въ душу, страстью вспламененную,
Возвратить тебя себѣ хочу.»
Почто же лишь теперь меня ты не узнала,
Столь пламенно свою являя прежде страсть?

ПРЕЛѢПА.

(Съ удивленіемъ.)

Ты выдумалъ сію толь злую мнѣ напасть!

СПОСОБА.

Сама ты въ теремѣ такую пѣсню пѣла.

ПРЕЛѢПА.

(Съ досадою.)

Такъ что же изъ того? Я пѣть ее хотѣла;
Отчетомъ никому я въ чувствахъ не должна.
Баянова то пѣснь, извѣстна всѣмъ она.

ТУГАРИНЪ.

Нѣтъ тѣмъ, коварная, ты не отговоришься:
Ты принадлежишь мнѣ, и съ хищникомъ простишься.

(Схватываетъ ее и хочетъ увести.)

ПРЕЛѢПА.

О варваръ!

(Бросается къ Способѣ.)

СПОСОБА.

Ахъ! спаси, спаси, Великій Князь!
Отъ лютаго толь змѣя,
Спаси скорѣе насъ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Бросается съ мечемъ.)

Я дерзость накажу злодѣя!

(Въ сіе время Прелѣпа и Способа уходятъ.)

ТУГАРИНЪ.

И я мои права умѣю защитить!

(Про себя.)

Я силой отниму, когда не могъ прельстить.

ВЛАДИМІРЪ.

Россіяне!

ТУГАРИНЪ.

Агаряне!

(Оба сіи войска устремляютъ другъ на друга свои копья, а Владиміръ и Горынычь замахиваются мечами.)

СИЛОУМЪ.

(Ставъ между ними.)

Столь скороспѣшная должна ль смущать васъ ссора?

Тріо.

СИЛОУМЪ.

На что такъ горячиться,
Сердиться и браниться?
Сыскать бы лишь вину,
И объявить войну.

ВЛАДИМІРЪ.

Мнѣ честь велитъ рѣшиться
Отъ Змѣя борониться,
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Чтобы спасти Княжну.

ТУГАРИНЪ.

Мой духъ во мнѣ ярится,
Хоть съ свѣтомъ радъ сразиться!
Въ томъ сыщемъ мы вину:
Хочу имѣть Княжну.

ВСѢ.

Войну, войну, войну!

СИЛОУМЪ.

Войну! — Но токмо лишь, по силѣ договора,
Когда, гдѣ, какъ и кѣмъ начать,
Условье должно вамъ другъ другу дать.

ВЛАДИМІРЪ.

Я радъ договориться.

ТУГАРИНЪ.

Знакъ трусости!— Да пусть! Вѣдь силой бой рѣ-
шится.

(Они кладутъ мечи въ ножны,
а войски — копья на плечо.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Владиміръ и Тугаринъ даютъ знакъ. Конь верховой, богатыри и колесница удаляются; а на мѣсто ихъ по прежнему полукружіемъ смыкаются Русскія и Татарскія войски, по срединѣ коихъ, между Владиміромъ и Горынычемъ, Силоумъ предлагаетъ договоръ, котораго окончательныя слова музыка повторяетъ речитативомъ.

СИЛОУМЪ.

«Избрать вамъ рыцарей сперва между собой,
«И имъ велѣть вступить единоборствомъ въ бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Изрядно.

ТУГАРИНЪ.

«Ну, ладно.

СИЛОУМЪ.

«Коль Рыцарей шакихъ не можешъ отыскашься,
«То Князю самъ на самъ съ Горынычемъ сражашься.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мечомъ!

ТУГАРИНЪ.

«Не спорю и о шомъ.

СИЛОУМЪ.

«Въ сраженьи коль Князья ослабѣвашь начнушъ,
«А кровію своей вражды не пресѣкушъ:
«Тогда ужь войскамъ ихъ другъ на друга полками
«Ишши сшѣной
«На рукопашный бой.

ВЛАДИМІРЪ.

«Пусшь честь свою Князья защишяшъ прежде сами.

ТУГАРИНЪ.

«Чшо нужды въ шомъ, хошя чужими головами?

СИЛОУМЪ.

«И съ побѣжденныхъ дань, кшо побѣдишъ, возмешъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Не ошягчивъ народъ.

ТУГАРИНЪ.

«Нѣтъ, нѣтъ, пусшь грабитъ все своими всякъ руками :

«И Князь съ Княжною самъ,
«И все его владѣнье
«Подъ рабственное мнѣ сей часъ плѣненье
«Повергнется къ моимъ стопамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Коль иго страшное!—Но всѣ твои мечты,
«Быть можетъ, что пройдутъ, когда падешь самъ ты.

ТУГАРИНЪ.

«Паду, когда мой взоръ тма скроетъ ночи вѣчной.

СИЛОУМЪ.

«Но рѣдко у Князей обѣтъ чистосердечный
«Бывалъ въ такихъ дѣлахъ, а видомъ лишь однимъ.

ВЛАДИМІРЪ И ТУГАРИНЪ.

(Вмѣстѣ.)

«Мы клятву въ томъ дадимъ.»

(Владиміръ и Тугаринъ, ставъ каждый на колѣни предъ своими знаменами.)

ВЛАДИМІРЪ.

«Перуну свѣтъ!

ТУГАРИНЪ.

«О Магометъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Услышьте насъ!

ТУГАРИНЪ.

«Въ сей страшный часъ.

ВЛАДИМІРЪ.

«Мы клясться смѣемъ.

ТУГАРИНЪ.

«Я этимъ змѣемъ!

ВЛАДИМІРЪ.

«Я симъ орломъ!

(Оба вдругъ.)

«И вѣрно слово мы даемъ!

СИЛОУМЪ.

«А если клятвы вамъ не удержать случится?

ВЛАДИМІРЪ.

«Перунъ пусть погасится!

ТУГАРИНЪ.

«Померкнетъ пусть луна!

ОБА.

(Вставая вмѣстѣ.)

«И ввергнетъ въ плѣнъ сія преступника война.»—

(При сихъ словахъ на знамѣ Русскомъ изъ пучка перуновъ пышетъ пламя, а на знамѣ Татарскомъ луна блѣднѣетъ.)

ВЛАДИМІРЪ.

Что вижу я!

ТУГАРИНЪ.

Я весь отъ ужаса трясуся!

ВЛАДИМІРЪ.

Я вашей помощи, о Небеса! ищу:
Ужь не предвѣстье ль это?

ТУГАРИНЪ.

Ничѣмъ не устрашуся!
Пусть адъ и небеса противъ меня: — отмщу!
(Уходитъ, а за нимъ и Владиміръ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оба войска становятся въ прежній порядокъ другъ противъ друга. Герольдъ и Бирючь съ трубами, имѣя на высокихъ стягахъ, Русской шапку, а Татарской чалму, которыми вертятъ одинъ за другимъ, и, трубя, возглашаютъ:

БИРЮЧЬ.

Услышьте, орды всѣ Татарски!
Чипчакскій Князь на край Славянскій
Трубитъ трубой,
Идетъ войной.

ГЕРОЛЬДЪ.

Услышьте, Россы и Славяна!
Князь Кіевскій на Змѣулана
Трубитъ трубой
Идетъ войной.

(Оба войска подъ своими маршами уходятъ, и раздается отъ нихъ издали глухой гулъ:)
(Отъ Русскихъ.)
Ура! ура!
(Отъ Татарскихъ.)
Алла! алла!

ТОРОПЪ.

(Давъ уйти войскамъ и народу.)
Тьфу пропасть! кое какъ на силу провалили:

Какую кашу заварили!
Ужь подлинно сказашь, чшо кушерьма:
Придешъ рехнушься всѣмъ съ ума.
Ошверсшы шысячамъ войной, я вижу, гробы;
Но здѣсь ужь не видашь Способы.
О Невидимкѣ съ ней еще бъ пошолковашь,
И ей ширинку бъ мнѣ, вошъ эшу, показашь:
Въ ней скрыша капля водъ рѣки священна Буга.
Но какъ бы не пришло и съ ней мнѣ очень шуго;
Вѣдь два соперника съ моимъ-шо соколомъ:—
Великій Князь да Змѣй съ зубасшымъ сшрашнымъ
ршомъ.
Слышь, оба молодцы, хошя бъ куда, шакъ хвашы!
Пришомъ же объ одной красошкѣ спорятъ вдругъ:
А шы межь ихъ, какъ бѣсъ, перебѣгай палашы.
Нѣшъ, право, съ ужасу дрожишъ во мнѣ мой духъ.

(Поешъ.)

Я дрожу, боюсь, робѣю,
Какъ въ шиски бы не попасшь.
Змѣй и Князь!—Сшрашна ихъ власшь!
Гладокъ въ царски входъ чершоги,
Верхъ завиденъ ихъ крыльца;
Но лишь поскользнушся ноги,
Вмигъ спровадяшъ молодца.

Но какъ бы ни было, хошь пасшь, хошь спошыкашься,
Къ Способѣ нужно мнѣ съ шириночкой пробрашься,
Не вѣришъ безъ шого разсказамъ никакимъ,
Хошь, правда, я мигнулъ ужь ей глазкомъ однимъ.
Да вошъ она и здѣсь! . . . .

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

СПОСОБА.

Конюшій мой безцѣнной!
Ты не видалъ ли здѣсь шой грамошки бездѣльной,
Кошорую Княжнѣ Тугаринъ . . .

ТОРОПЪ.

Онъ взялъ.

СПОСОБА.

Къ себѣ?

ТОРОПЪ.

Да, да, онъ взялъ.

СПОСОБА.

Заподлинно? — Меня о шомъ Княжна просила,
Чшобы узнашь.

ТОРОПЪ.

Срази меня Перуна сила!
А чшо развѣ? . . .

СПОСОБА.

Нѣшъ, шакъ.

ТОРОПЪ.

А я ширинку шу,
О коей говорилъ, принесъ во увѣренье.

СПОСОБА.

Подай! (*смотря*) Чшо вижу я? — Бѣсовскую мечшу!
Повѣрь-ка на часокъ Княжнѣ на разсмошрѣнье.

ТОРОПЪ.

Нѣтъ, милый свѣтикъ мой,
Съ одной я головой!

СПОСОБА.

Что, развѣ тайна тутъ скрывается какая?

ТОРОПЪ.

Ну, кѣмъ подарена, такъ та, ее узная. . .

СПОСОБА.

Такъ что жь?—Не просите ль и сами вы о томъ?

ТОРОПЪ.

Да Рыцарь хочетъ самъ предстать своимъ лицомъ:
То мнѣ, отдавъ тебѣ ширинку эту,
Повѣсить вывѣской ужь Невидимку свѣту.

СПОСОБА.

Знать, хочется вамъ насъ обѣихъ оплести:
Поди жь, коль такъ, гуляй; мнѣ недосугъ,—прости!

ТОРОПЪ.

Ахъ, милая моя сударушка, Способа!
Минуточку постой, и выслушай одна:
Мы можемъ сдѣлаться съ тобой счастливы оба:
Прелѣпа въ Рыцаря, какъ видно, влюблена:
Куда бы хорошо, и мнѣ съ нимъ пріютиться
На тепло гнѣздышко! . . . .

СПОСОБА.

А какъ?

ТОРОПЪ.

Ну какъ! — Жениться.

СПОСОБА.

На комъ?

ТОРОПЪ.

На комъ же, лапочка,
Когда не на тебѣ, моя косаточка?

СПОСОБА.

(Смѣется.)

И впрямъ?

ТОРОПЪ.

Божусь тебѣ, что страстная любовь
Давно уже зажгла къ тебѣ всю кровь.

СПОСОБА.

(Грозя пальцемъ.)

Ну, хорошо! — Смотри!

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Оборотясь, догоняетъ.)

Дуэтъ.

Нѣтъ, постой, постой, косатка!
Лель махнулъ ужь намъ крыломъ;
Не уйдешь ты безъ задатка,
Поцѣлуй, такъ и съ концомъ.

СПОСОБА.

Что за дерзкая ухватка,
Смѣть приступомъ брать въ полонъ!
Тутъ нужна еще догадка:
Ну, побей-ка мнѣ челомъ.

ТОРОПЪ.

Радъ я, свѣтикъ, поклоняться,

(Кланяется.)

Милости твоей просить:
Полюбить меня, и взяться
Господину пособить.

СПОСОБА.

Такъ-то лучше приласкаться,
То могу и услужить;
Только должно обѣщаться
Намъ другъ друга вѣкъ любить.

(Оба вмѣстѣ.)

Хорошо!—о томъ ни слова:
Лель махнулъ ужь намъ крыломъ.
Я готовъ — и я готова
Жить съ голубкой — съ голубкомъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ теремъ Княжны Прелѣпы. Она сидитъ на софѣ въ задумчивости, перебираетъ перстами струны арфы, которыя издаютъ меланхолическіе аккорды.

ПРЕЛѢПА.

Какія странныя сегодня приключенья
Во снѣ я видѣла! — Пожралъ Добрыню змѣй!
Безвѣстный богатырь идетъ мнѣ въ услуженье!
Баяна пѣснь пропѣлъ Чипчакскій чародѣй!

Отколь онъ взялъ ее? — Никакъ не понимаю.
И Князь! . . . .

ЯВЛЕНІЕ II.

ПРЕЛѢПА И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ.

Невеселу Прелѣпу я встрѣчаю!
Да и нельзя не такъ. — Столь дерзостный злодѣй
Осмѣлился смутить покой души твоей.

ПРЕЛѢПА.

Благодарю, мой Князь, за нѣжное участье.

ВЛАДИМІРЪ.

Ахъ! здравіе твое, Княжна, спокойство, счастье,
Первѣйши должности на сердцѣ у меня.

ПРЕЛѢПА.

Не стою милостей, ихъ для меня такъ много!

ВЛАДИМІРЪ.

Почтенье и любовь къ тебѣ въ душѣ храня,
Мятуся, зря тебя расположенну строго;
Взгляни на зракъ ты мой, и изъ него прочти,
Какъ властвуешь ты мной. . . .

ПРЕЛѢПА.

Кто? — Я?

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ! ты.

(Поетъ.)

Владычица души плѣненной!
Царица сердца моего!
Познай любовію возженной
Вздохъ узника днесь твоего!
Познай, что я тобою страстенъ,
Твоей сраженный красотой;
Познай, что я въ себѣ невластенъ,
И ты одна владѣешь мной!

ПРЕЛѢПА.

Къ чему, о Государь, въ толь изреченьяхъ страстныхъ
Ты обращаешься со мной?
Имѣешь тысячу ты въ теремѣ прекрасныхъ,
Которымъ можешь ты открыть сей пламень твой.
Изборска жь Князя дочь. . . .

ВЛАДИМІРЪ.

Хотя бъ и всей вселенной
Царица ты была: невѣстой обрученной
Монарху Русскому не низко быть тебѣ.

ПРЕЛѢПА.

Невѣстою?

ВЛАДИМІРЪ.

Сей день!

ПРЕЛѢПА.

Увы!

ВЛАДИМІРЪ.

Что за вздыханья,

Позволилъ коль тебѣ
Отецъ твой для избранья
Быть въ теремѣ моемъ? И ты тогда себѣ
Не чла сего обиднымъ.

ПРЕЛѢПА.

Велика честь!
Позволь себя назвать, Владимiръ, непостижнымъ.
Ты страстную любовь являешь, а не лесть;
Но съ Змѣемъ ты меня на доску свелъ одну,
Злодѣйскому его повѣря сплетенью.

ВЛАДИМIРЪ.

Какъ обожатель твой, я признаю вину;
Какъ Царь, имѣю я причину къ извиненью:
Что бы сказалъ тогда народъ, подвластный мнѣ,
Когда бъ, не объяснясь съ врагомъ, далъ знакъ къ войнѣ?
Не справедливо ли бъ меня винили въ страсти,
Что ради я тебя Россiю ввергъ въ напасти?
Пусть виненъ предъ тобой, но я исполнилъ долгъ;
Ты жь нѣжности сама отъ изверга терпѣла.

ПРЕЛѢПА.

Что онъ ту жь пѣсню пѣлъ, я кою прежде пѣла?..

ВЛАДИМIРЪ.

Она извѣстна мнѣ. — Но что же мой предлогъ?
Уже ль въ возлюбленной какой успѣхъ имѣетъ?
Могу ли льститься я!

ПРЕЛѢПА.

Владимiръ столь владѣть собой умѣетъ
И знаетъ, что. . . .

(Поюшъ.)

ПРЕЛѢПА.

«Любишь насильно невозможно,
Нельзя намъ сердцу повелѣшь
Владѣшь собой, шерпѣшь.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ воздыхашь мнѣ должно
И шщешной страсшію горѣшь,
Горѣшь, — и умерешь.

(Оба вмѣсшѣ.)

ПРЕЛѢПА.

Владѣшь собой, шерпѣшь.

ВЛАДИМІРЪ.

Горѣшь и умерешь!» —
Терпѣшь, жесшокая, шы мнѣ велишь,
Безвременно меня шерзаешь и мершвишь:
Смягчися, зря мое несносное мученье!

(Цѣлуешъ страсшно ея руку.)

ПРЕЛѢПА.

Къ чему шакое, Князь, предъ дѣвой униженье?
Терпѣніе всему дашь можешъ оборошъ.

ВЛАДИМІРЪ.

О! всѣхъ собраніе пріяшносшей, красошъ!
Любовь величесшва и шишлъ не разбираешъ:
Законъ ея Царя съ пасшушкою равняешъ. —
Но вижу я, Княжна, обширный разумъ швой
И правильно швое о сшрасши разсужденье:

Ты хочешь, чтобъ войну иль поединокъ мой
Окончивъ, ожидалъ я твоего рѣшенья. —
Сего ль желаешь ты?

ПРЕЛѢПА.

Моей тутъ воли нѣтъ.

ВЛАДИМIРЪ.

О! съ сей надеждою прiятно и терпѣть.

(Еще цѣлуетъ ея руку.)

ЯВЛЕНIЕ III.

Тѣ же и Способа.

СПОСОБА.

Доноситъ Силоумъ о рыцарскомъ собраньѣ.

ВЛАДИМIРЪ.

Такъ! я ихъ повелѣлъ собрать,
Чтобъ силы испытать
Во рыцарскихъ играхъ, и сдѣлать бы избранье
Храбрѣйшаго изъ нихъ въ единоборный бой.
Сей избранный, Княжна, украсится тобой.

ПРЕЛѢПА.

Отличная мнѣ честь.

(Взявшись за руки, уходятъ.)

СПОСОБА.

(Одна)

Пожалуй, раскручинься,
Разрюмься, распузырься,

И дѣвку вѣтрену раздумай, разгадай!
И вида, дѣвица, Горыныча страшилась;
Потомъ опять смягчилась.
И вотъ о пѣснѣ той его поди узнай!
Быть съ Невидимкою боялась на свиданьѣ,
А о ширинкѣ знать желаетъ: кто? зачѣмъ?
Отъ Князя въ обморокъ; и тутъ же на собранье
Съ нимъ рыцарей спѣшимъ, и руку подаемъ! —
И такъ, тутъ разбери поди любовь прямую;
Влѣзь въ сердце и узнай, кто милъ и кто постылъ?
Да нѣтъ, хитрянушка, я тотчасъ растолкую
На единѣ съ тобой, мнѣ только бъ случай былъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Театръ перемѣняется, и представляетъ великолѣпный дворецъ Княжескій, украшенный балкономъ и колоннами, противъ котораго амфитеатръ для зрѣлища гимнастическихъ игръ, а вдали по перспективѣ ипподромъ для конскаго ристанія. Въ срединѣ высокій столбъ. Все отдѣляется отъ двора Княжескаго золотою рѣшеткою, въ срединѣ которой золотыя гербовыя ворота. По сторонамъ ихъ двѣ скамьи, на нихъ садятся нѣсколько пришедшихъ богатырей. Владиміръ, Прелѣпа, теремныя дѣвицы на балконѣ, а народъ въ амфитеатрѣ.

СИЛОУМЪ, ДОБРЫНЯ, ТОРОПЪ И БИРЮЧЬ.

(Изъ нихъ Добрыня закрытъ шлемомъ.)

СИЛОУМЪ.

(Богатырямъ.)

Вотъ, братцы молодцы, вамъ витязь безъимянной!
На широкъ дворъ взлетѣлъ, какъ ясный онъ соколъ;

Кормилъ коня пшеномъ, поилъ сытой медвяной,
И, привязавъ его къ столбу, къ кольцу златому,
Во гридню Княжеску, не доложась, вошолъ:
Порадуйтесь, друзья, вы удальцу такому!
Князь силы вамъ своей велѣлъ съ нимъ попытать.

(Богатыри, потатавъ головами, приподнялись съ мѣстъ, сняли шапки, поклонились и опять сѣли.)

ДОБРЫНЯ.

(Не открывая шлема.)

Знать, мѣсто надобно здѣсь самому сыскать.

(Съ послѣднимъ словомъ, пришедши къ концу одной скамьи, присѣлъ и подвинулся, отъ чего сидящіе на ней богатыри попадали, а съ другой вскочили упавшихъ поднимать.)

СИЛОУМЪ.

Самъ видно у себя!

(Уходитъ.)

ТОРОПЪ.

(Съ насмѣшкою въ сторону.)

Съ похмелья повалились.

(Уходитъ.)

ГЕРОЛЬДЪ.

(Протрубя.)

По волѣ Княжеской, пространной свѣтъ внемли!
Здѣсь игры рыцарски открылись
Удалымъ молодцамъ Россійскія земли.
Ступайте, подвизайтесь,
Проворство, силу показать.

Славнѣйшаго изъ васъ старайтесь
Вы въ Витязя избрать.

(Рѣшетка золотая растворяется на обѣ стороны, и Герольдъ въ отдаленности театра становится у столба богатырскаго, откуда всякой разъ даетъ знать трубой объ окончаніи какого либо рыцарскаго подвига.)

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

Не сизы соколы по поднебесью,
Не бѣлы кречеты подъ облаки,
Богатыри слетались Русскіе
Къ Великому Князю ко Владиміру,
Ко Владыкѣ Всероссійскому,
Чтобъ потѣшиться молодечествомъ,
Позабавить бы удальствомъ его.
Что одинъ изъ нихъ всѣхъ проворнѣе,
Всѣхъ проворнѣе, всѣхъ могучѣе:
Гдѣ онъ ступитъ,—тутъ земля дрожитъ;
Гдѣ рукой махнетъ, — тутъ и улица.
Что возговоритъ богатырскій кругъ:
Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Въ продолженіе сего хора богатыри, взадъ и впередъ расхаживая, показываютъ, что снимаютъ съ себя тяжелые доспѣхи, а между тѣмъ непримѣтно уходятъ за кулисы: на мѣсто жь ихъ, вступивъ танцовщики, изъ коихъ одинъ въ закрытомъ шлемѣ, танцуютъ балетъ, въ которомъ представляютъ разныя гимнастическія игры, какъ-то: борьбу, кулачный бой, бѣганье

и проч. Потомъ вдали видно на ипподромѣ ристаніе на коняхъ верьхами и въ колесницахъ, машинами представляемое: гдѣ летаютъ по воздуху деревья и каменья, слышно ржаніе коней, звукъ мечей, трескъ преломленныхъ копей, и тому подобное. По окончаніи жь игръ, танцовщики и представляющій закрытаго Рыцаря уходятъ, а на мѣсто ихъ паки являются богатыри, изъ коихъ Герольдъ, выводя на сцену Добрыню, закрытаго шлемомъ, говоритъ богатырямъ.)

ГЕРОЛЬДЪ.

Закрытый витязь сей пойдетъ въ единоборство.
Отличную явилъ онъ силу и проворство:
На воздухѣ стрѣлу другою разсѣкалъ,
Въ пятьсотъ пудъ палицу за облако металъ,
Рвалъ холмы и дубы съ корней одной рукою.

ХОРЪ БОГАТЫРЕЙ.

(Три раза повторяетъ послѣдній стихъ.)

Ты-то, братецъ, намъ и надобенъ.

(Добрыня кланяется.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Владиміръ съ Прелѣпою и всѣми дѣвицами теремными сходятъ съ балкона. Дѣвицы въ рукахъ своихъ имѣютъ копья, щиты, мечи, луки, стрѣлы и прочіе легкіе доспѣхи воинскіе, между которыми входятъ и хористы)

ВЛАДИМІРЪ.

Преславны витязи! пусть всякой самъ собою
Здѣсь милую себѣ подругу изберетъ,
И отъ нея свое оружіе возьметъ?
А ты, моя Княжна, Героя безъименна
Грудь богатырскую укрась отличьемъ симъ.

(Взявъ у Сплоума съ золотаго блюда гривну, или медаль, подаетъ Прелѣпѣ.)

ПРЕЛѢПА.

(Надѣвая опую на Добрыню, ставшаго на колѣни.)

Какъ блещетъ злато здѣсь, и слава такъ желанна
Твоя да возблеститъ, о витязь знаменитъ!

ДОБРЫНЯ.

Счастливъ, когда судьба мнѣ долгъ велитъ свершить,
И съ должной честію предъ Князя возвращуся!

ВЛАДИМІРЪ.

(Ударя Добрыню по плечу мечемъ.)

Я вѣрю, что тобой ни въ чемъ не постыжуся:
Будь рыцаремъ моимъ!

(Владиміръ, Прелѣпа и Добрыня уходятъ, богатыри паки удаляются; а на мѣсто ихъ танцовщики и танцовщицы въ продолженіе нижеслѣдующаго

хора представляютъ другой балетъ, въ коемъ дѣвицы раздаютъ оружіе Рыцарямъ.)

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

Разрѣзвились, разыгрались
Красны дѣвицы въ кругу,
Какъ на грозну брань сбирались
Русски молодцы врагу.
Будемъ дѣвушки рѣзвѣе, —
Говорили межь собой, —
Чтобъ отважнѣе, храбрѣе
Наши милые шли въ бой;
Чтобы славу заслужили,
Ставъ отечеству сыны,
И счастливѣе бъ мы жили,
Чѣмъ безъ славы, безъ войны;
Въ изарбашахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ,
Ленты золоты носили
И жемчуги на главахъ;
Мы бы чванились собою,
Намъ бы кланялся народъ.
Нѣтъ вѣдь славы, кромѣ бою,
И богатства и красотъ.

(По окончаніи балета, уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Театръ перемѣняется, и представляетъ въ ночи небольшую часть сада съ каскадами, освѣщеннаго луною, которой лучь, отражаясь отъ крышки золотой терема Прелѣпы, падаетъ на водоскаты. Въ тѣни видны мрачные переходы и потаенная лѣстница.

ПРЕЛѢПА И СПОСОБА.

ПРЕЛѢПА.

Доколѣ витязя и прочія дружины
Князь въ бой не отпустилъ, поговоримъ съ тобой.

СПОСОБА.

Не лучше ль намъ итти подъ свислыхъ древъ
вершины?
А здѣсь ужь слишкомъ мы освѣщены луной.

ПРЕЛѢПА.

И здѣсь не видно насъ.—Что мнѣ о пѣснѣ скажешь?

СПОСОБА.

Унесъ съ собою Змѣй.

ПРЕЛѢПА.

О Невидимкѣ что ты знаешь?

СПОСОБА.

Я знаю только то, что витязь безъимянной
На играхъ превзошелъ всѣхъ силой несказанной,
Иныхъ изъ сѣделъ выбилъ вонъ.

ПРЕЛѢПА.

Но кто же онъ?

СПОСОБА.

Старалась я узнать то по твоимъ желаньямъ;
Но отъ конюшаго, со всѣмъ моимъ стараньемъ,
Я не добилась ничего,
Окромѣ лишь того,
Что похваляется ширинкою онъ тою,
Что сказывала я.

ПРЕЛѢПА.

Какъ?

СПОСОБА.

Съ именемъ твоимъ, и вышита тобою.

ПРЕЛѢПА.

Какъ, съ именемъ! Не льзя ль его сюда скорѣй?

СПОСОБА.

А со Владиміромъ въ помолвкѣ-то своей
Вы вѣрно ужь сошлись?— А мнѣ ты и ни слова!

ПРЕЛѢПА.

Да, говорили мы. — А Рыцаря. . . .

СПОСОБА.

Какова?

ПРЕЛѢПА.

Ну, невидимку-то.

СПОСОБА.

Ужь ночь. . . .

ПРЕЛѢПА.

Но при лунѣ.

СПОСОБА.

Ахъ, милая Княжна! что говоришь ты мнѣ?
Коли узнаетъ Князь!—И какъ это возможно?

ПРЕЛѢПА.

Изъ любопытства лишь.

СПОСОБА.

Нельзя, неосторожно.

ПРЕЛѢПА.

Теперя ночь.

СПОСОБА.

Поди ты прочь!

ПРЕЛѢПА.

Способа, милый другъ! подай душѣ отраду,
Я только одного его желаю взгляду.

СПОСОБА.

Ахъ! Лада надъ тобой!—Ужь я тебя не знаю.
То Князь въ умѣ, то змѣй, то потаенный другъ!

ПРЕЛѢПА.

Нѣтъ больше силъ моихъ: волнуется весь духъ!
Я предъ тобой себя ужь больше не скрываю:
Горыныча боюсь, и виду не терплю,
Со многими въ Княжомъ нельзя быть сердцѣ вмѣстѣ;
Съ издѣтства самаго Добрыню я люблю,
И рокъ судилъ ему во мнѣ лишь быть невѣстѣ.
Вотъ тайна вся.—Теперь иди скорѣй за нимъ.

СПОСОБА.

Какіе ужасы! какія повелѣнья!
А если кто меня въ пути увидитъ съ нимъ?

ПРЕЛѢПА.

Когда душа чиста, то нѣтъ тутъ преступленья.
Поди!

СПОСОБА.

Ахъ, милая! что дѣлать мнѣ съ тобой?
Желаю и боюсь.

(Подумавъ, про себя.)

Съ нимъ Торопъ будетъ мой.

(Уходитъ.)

ПРЕЛѢПА.

Я отдалась любви, послала за Добрыней;
Но безъименной сей быть можетъ и не онъ.
То можетъ быть обманъ, подобно какъ Змѣиной:
Не даромъ ужасалъ меня сей ночи сонъ.

(Слышно въ той сторонѣ, гдѣ Тугариновъ шатеръ, по Днѣпру хохочущее эхо отъ птицъ, а на теремѣ стонъ филина.)

(Поетъ.)

Чу! кто-то тамъ въ лугахъ хохочетъ,
На кровлѣ слышу чудный стонъ.
Знать, чародѣй прельстить насъ хочетъ,
А здѣсь меня пужаетъ онъ.
Мятусь, дрожу, изнемогаю!
Что будетъ съ бѣдною со мной?
Къ тебѣ, Добрада, прибѣгаю,

Покрой меня твоей рукой!
Покрой! — и отжени всѣ страсти,
Мечты, волшебства и напасти.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Земля разверзается. Выходитъ Добрада въ бѣломъ жреческомъ одѣяніи, на подобіе тѣни, и въ то же время на другой сторонѣ съ потаенной лѣстницы сходятъ закрытые также бѣлыми покрывалами: Способа, Торопъ и Добрыня, съ опущеннымъ на лицѣ забраломъ.

ДОБРАДА.

Услышана твоя молитва мною:
Не бойся, будь тверда душою.

(Исчезаетъ.)

ПРЕЛѢПА.

Что вижу я? — Ахъ! вкругъ меня мечты.
(Увидя Способу.)
Иль это ты?
Ужь возвратилася, Способа?

СПОСОБА.

Конюшій съ Рыцаремъ пришли со мною оба;
Мы такъ закрылись, чтобъ никто насъ не узналъ.

ТОРОПЪ.

(Ощупывая деревья руками.)
Глаза мои тмы, ужаса полны.

СПОСОБА.

На кровлѣ филинъ такъ уныло завывалъ.

ТОРОПЪ.

Въ лугахъ русалки хохошали.

СПОСОБА.

Мы ошъ роду шакой боязни не видали.

ДОБРЫНЯ.

Но здѣсь ужь блещешъ свѣшъ луны!

СПОСОБА.

(Прелѣпѣ, представляя Добрыню.)

Вошъ богашырь, Княжна, безвѣсшной, безъимянной.

ПРЕЛѢПА.

Плѣненна славой несказанной
Хошѣла бъ я его въ лицо узрѣшь.

ДОБРЫНЯ.

Большимъ бы счасшіемъ почелъ и я шу честь;
Но мнѣ до времени бышь нужно сокровеннымъ.

СПОСОБА.

Не межь народомъ шы, сударь, обыкновеннымъ.

ПРЕЛѢПА.

Мы можемъ скромны бышь.

ТОРОПЪ.

(въ спорону.)

Вѣрнѣе нѣшъ сего ошъ женщинъ обѣщанья.

ДОБРЫНЯ.

Прекрасныя Княжны исполнишь чшобъ желанья,
Я принужденъ себя ошкрышь.

(Снимаешъ шлемъ.)

ПРЕЛѢПА.

Добрыня! это ты! тебя ли вижу я?
Какъ счастлива теперь судьба моя!
(Съ восторгомъ обнимаются.)
Какимъ то образомъ, любезный мой, случилось?

ДОБРЫНЯ.

Знать небо надъ моимъ страданіемъ смягчилось.
Разставшися съ тобой, оставя Холмоградъ,
Проѣхалъ я моря, лѣса, пустыни, горы,
Побилъ невѣрныхъ тмы, богатырей напоры,
Ужасны отразилъ; и, возвратясь назадъ,
Заѣхалъ посмотрѣть Владиміровъ Дворъ славной,
Помѣрить силъ моихъ со Рыцарьми его;
Но къ горести моей услышалъ несказанной,
Что въ теремѣ ты здѣсь.

ПРЕЛѢПА.

Ужь годъ какъ у него.

ДОБРЫНЯ.

Невѣстой обрученной?

ПРЕЛѢПА.

Сей день назначенъ былъ; но помѣшалъ невѣрной
Тугаринъ, богатырь.

ДОБРЫНЯ.

Увы! и онъ, я слышу, бракъ
Тебѣ съ собою предлагаетъ.

ПРЕЛѢПА.

Да, онъ того желаетъ.

ДОБРЫНЯ.

И съ наглостью приемомъ неслыханною?

ПРЕЛѢПА.

Такъ.

ДОБРЫНЯ.

Чудовище! злой Змѣй!

ПРЕЛѢПА.

Но какъ же, дерзновенье
Такое слышавъ, ты его не отвратилъ?

ДОБРЫНЯ.

Представь себѣ, Княжна, мое ты положенье!
Совмѣстникъ мнѣ мой Князь, и могъ тебѣ быть милъ:
То какъ я, безъ заслугъ, безъ нова увѣренья
Въ твоей ко мнѣ любви, себя могъ объявить?

ПРЕЛѢПА.

Возмогъ ли хоть на часъ во мнѣ ты усомниться,
Чтобы могла въ кого другаго я влюбиться?

ДОБРЫНЯ.

Благоволи Перунъ лишь славой осѣнить,
Тогда явлюся я тебя уже достойнымъ.

ПРЕЛѢПА.

Какая польза въ томъ? Ужели Князь спокойнымъ
Зрѣть будетъ окомъ на тебя?
Онъ въ славѣ, въ торжествѣ твоемъ, меня любя,
Не возжелаетъ ли имѣть своей женою?
Ахъ, горе мнѣ тогда! ахъ, горе и тебѣ!

ДОБРЫНЯ.

Я покорюсь судьбѣ.
Но, бывъ съ заслугами и бывъ любимъ тобою,
На бракъ я больше правъ, чѣмъ Князь, могу имѣть;
А паче, если Князь правдивъ, великодушенъ. . .

ПРЕЛѢПА.

Иди же, мой Герой, со славой умереть!

ДОБРЫНЯ.

Во всемъ тебѣ, моя любезная, послушенъ.

Дуэтъ.

ПРЕЛѢПА.

Ко мнѣ ты страстью тлѣешь?

ДОБРЫНЯ.

Да, я горю тобой.

ПРЕЛѢПА.

Ты жизнь во мнѣ имѣешь?

ДОБРЫНЯ.

Я живъ твоей душой.

ПРЕЛѢПА.

Вся мысль твоя мной плѣнна?

ДОБРЫНЯ.

Въ тебѣ моя вселенна,

(Оба вдругъ.)

И всѣ утѣхи глазъ.
Я, зря тебя, прельщаюсь,

И также восхищаюсь,
Какъ въ самый первый разъ!

ПРИЛѢПА.

О коль сладка любовь!

ДОБРЫНЯ.

Небесный то восторгъ души!

СПОСОБА.

А ты, мой Торопъ, что задумчивъ такъ за тѣмъ?

ТОРОПЪ.

Жду, дядюшка, какъ ты умильно вздернешь бровь!

ДОБРЫНЯ.

(Поетъ.)

Коль въ томъ твоя забава,
Чтобъ быть всегда со мной:
То счастіе и слава
Мнѣ зрѣть на образъ твой;
Тобою заниматься,
Тобою любоваться.
Мнѣ нѣтъ блаженствъ иныхъ.
Цари пусть веселятся;
Но смогутъ ли равняться
Со мной въ сіяньѣ ихъ?

ПРИЛѢПА.

(Поетъ.)

Порфирою одѣта,
Не вознесусь собой;
На шаръ державы свѣта

Не промѣнюсь любой!
Тобою утѣшаюсь,
Горжусь и величаюсь:
Твое мнѣ сердце тронъ;
Всѣ пышности земныя
Молвы лишь все пустыя
И грубый сердцу звонъ.

СПОСОВА.

А мы вѣдь такъ съ любой не прогоняемъ скуку.

ТОРОПЪ.

И прямъ, красавица: такъ дай же мнѣ ты руку.
Куда игла, пускай идетъ туда и нить;
Влюбился господинъ, и я давай любить.

(Даютъ другъ другу руки.)

ДОБРЫНЯ.

Но полночь ужь теперь; мнѣ въ храмѣ помолиться,
Откланяться съ Дворомъ, и съ братьями проститься.

ПРЕЛѢПА.

Прости, любезный мой, и возвратися здравъ
Въ объятіе любви моей, на лоно чести.

ДОБРЫНЯ.

Прости!

ТОРОПЪ.

(Способѣ.)

Прости и ты, милѣй мнѣ солнца ставъ.

СПОСОВА.

Прости, мой суженой! Приходи къ своей невѣстѣ.

(Хошяшъ уйши; но, возврашясь, обнимаюшся попарно, и поюшъ въ чешыре голоса.)

ДОБРЫНЯ.

Небесно наслажденье

ТОРОПЪ.

Съ любезной вмѣсшѣ жишь!

ПРЕЛѢПА.

Несносное мученье

СПОСОБА.

Въ разлукѣ съ милымъ бышь.

(Вмѣсшѣ.)

Я адъ шамъ ощущаю,
Гдѣ безъ шебя бываю,
Шомлюся всей душой;
Но гдѣ шебя видаю,
Ласкаю, обнимаю,
Прижму къ груди своей:
Тамъ рай души моей!

(Въ сіе время Вѣдьма, съѣхавъ по лунному лучу, кувыркаясь, перебѣгаешъ чрезъ шеашръ въ бѣломъ плашьѣ съ расшрепанными волосами: ошъ чего всѣ врозь разбѣгаюшся, кромѣ Добрыни кошорый, не шоропясь, надѣваешъ шлемъ, и уходишъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ обширную овальную внизу съ большими продолговатыми, а вверху съ круглыми окнами, освѣщенную многими лампадами, повалушу. Вокругъ стѣнъ видѣнъ съ балюстрадомъ помостъ съ постелями, которыя покрыты червлеными покрывалами съ золотою бахрамой; при концѣ каждой на табуретахъ сидятъ дѣвицы, (между коими и Прелѣпа) съ праслицами, обвитыми кудельками багрянаго шелка, который онѣ прядутъ. Сквозь нижнія окна вдали видны градскія стѣны, а изъ верхнихъ выглядываютъ нянюшки и мамушки. При окончаніи нижеслѣдующаго хора, входитъ Владиміръ съ рындами и придворными.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(Безъ музыки.)

Что по горницѣ Князь,
Что по свѣтлой Князь,
Наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ;
Что у ласточки,
У касаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ.
Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.

Не мани насъ, Князь!
Не гадай насъ, Князь,
Красно солнышко! ему боярышни возговорятъ.
Не злашой казнѣ,
Но швоей красѣ
Очи и сердца свои давно вѣ продали.
Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хошь разъ,
Дай въ залогъ перспгень любой шебѣ, шу выбери.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ рано, милыя! а вы ужь на рабошѣ?

ПРЕЛѢПА.

Ты въ безпокойсшвѣ, Князь: то мы, чтобы не спашь,
Прядемъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Пріяшно все по собсшвенной охошѣ;
Однако жь красошамъ себя шакъ изнуряшь! . . .

ПРЕЛѢПА.

Мы Князю нашему гошовимъ багряницу.

ВЛАДИМІРЪ.

Цѣнишь онъ знаешъ шрудъ.—Я думаю зарницу
Во всемъ сіяніи увидимъ скоро мы. . . .

ПРЕЛѢПА.

(Смошря въ окошко.)
Уже рѣдѣюшъ мрака шмы.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И СПОСОБА.

(Входитъ съ поспѣшностію.)

СПОСОБА.

Я зрѣла съ терема: прошла лишь ночь тѣней,
Съ противныхъ пыль сторонъ столбомъ вдругъ
поднялася,
Земля пустила стонъ отъ топота коней,
Ужасна трескотня по лѣсу раздалася;
Вкругъ холмы крякнули, звукъ съ лапъ богатырей:
А вѣтромъ только мгла не много отлетѣла,
И взоръ могъ различить вдали лице съ лицемъ,
Я змѣя страшнаго лежащаго узрѣла,
Нашъ Рыцарь на конѣ летитъ къ нему съ копьемъ.

ПРЕЛѢЦА И ВСѢ ДѢВИЦЫ.

(Вставъ съ мѣстъ своихъ.)

Способа! правда ль то?

ВЛАДИМІРЪ.

Не такъ ли показалось?

СПОСОБА.

Ахъ, милостивый Князь! все вкругъ восколебалось!
Крутится предо мной еще теперя пыль.
Поздравить смѣю васъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Быть можетъ, что и быль.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

(Поднося на золошомъ блюдѣ пригошовленный вѣнецъ изъ розъ.)

Съ побѣдой поздравляемъ,
И, нѣжныхъ въ знакъ сердецъ,
Поднесшь шебѣ дерзаемъ
Сей изъ цвѣшовъ вѣнецъ:
Любуйся, восхищайся!
Побѣдой ушѣшайся!

ВЛАДИМІРЪ.

Велика чесшь сія; но оной я не сшою:
Она принадлежишъ досшойному Герою.
Вамъ побѣдишелю сей должно даръ поднесшь.
При всемъ шомъ невѣрна еще сія и вѣсшь:
Способинымъ словамъ не худо подшвержденье.

СПОСОВА.

Нѣшъ, красно солнышко, ни малаго сомнѣнья;
Сама я видѣла.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ТОРОПЪ.

(Въ безпамяшсшвѣ вбѣгая, поешъ, бѣгая шуда и сюда.)

ТОРОПЪ.

Брашцы, бѣда!
Сударн, бѣда!

Знайте, разбиты мы въ прахъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Братцы, бѣда!

Сударм, бѣда!

Рыцарь мой бѣдный въ когтяхъ.

(Плачетъ.)

Ахъ! ахъ! ахъ!

Братцы, бѣда!

Сударм, бѣда!

Знайте, разбиты мы въ прахъ.

Ахъ! ахъ! ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Что? Какъ?

ТОРОПЪ.

Такъ, такъ,
Бѣда всѣмъ намъ,
За мною по пятамъ,
Какъ буря за плечьми, валитъ въ градски ворота
Татарска конница, и безъ числа пѣхота.
Мы всѣ разбиты въ прахъ,
У Змѣулана-то и Рыцарь мой въ когтяхъ.

ПРЕЛѢПА.

Возможно ли?

ТОРОПЪ.

Ахъ, такъ.

СПОСОБА.

Ты не рехнулся ли?

(Поюшъ въ два голоса.)

ТОРОПЪ.

Нѣшъ, шы рехнулась.

СПОСОВА.

(Съ сердцемъ.)

Рехнулся шы ума.

ТОРОПЪ.

Бѣда спряхнулась.

СПОСОВА.

Тугаринъ палъ, я видѣла сама.

ТОРОПЪ.

Упалъ, да вдругъ очнулся.

СПОСОБА.

Да что же въ шомъ вреда?

ТОРОПЪ.

Онъ змѣемъ обернулся.

(Оба.)

Бѣда! ахши, бѣда!

ВЛАДИМІРЪ.

(Торопу.)

Да разскажи яснѣй
О странной вѣсши сей.

ТОРОПЪ.

Слышь: палъ съ коня, какъ снопъ; но змѣемъ очушился
Крылашымъ, въ воздухѣ взвившись подъ облака.
Тущъ вдругъ изъ челюсшей, какъ огненна рѣка,

На Рыцаря главу внизъ искры покапились,
Покрылся дымомъ шлемъ, вкругъ перья воспламе-
нились:
Мой витязь вѣрно бы подъ дьявольщиной палъ,
Когда бъ не нѣкая отъ шлема крѣпка сила,
Какъ вѣтръ, невидимо огня не относила;
А помощь свыше онъ какъ только лишь узналъ,
Оправился, и лукъ напрягъ съ двумя стрѣлами,
Пустилъ въ Горыныча, и крылья вдругъ подсѣкъ.
Свернулся змѣй клубкомъ передъ его ногами,
И человѣческимъ такъ голосомъ прорекъ:
«Ты гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!
Пришелъ мой смертный часъ: напой водой текучей!»
Мой рыцарь добръ вельми, разжалившись надъ нимъ,
Стальной шлемъ снялъ съ главы, на лугъ ширин-
ку кинулъ,
И почерпнуть пошелъ воды текучей имъ. . . .
Тугаринъ, засвистя, засадну силу двинулъ,
И войскомъ вмигъ, какъ лѣсъ вкругъ рыцаря об-
несъ;
Отрѣзалъ съ тылу, взялъ въ оковы, въ плѣнъ по-
мчалъ.
Я блюлъ его коня, онъ чуть меня унесъ;
А наши, исплотясь, всѣ порознь поскакали.

ВЛАДИМІРЪ.

Ты сказку выдумалъ.

ТОРОПЪ.

Ахъ, нѣтъ! вотъ-те божусь.

(Указывая на Способу.)

СПОСОВА.

(Спороввся.)

Что шлешься на меня?—Ты первый, видно, трусъ.

(Одумавшись.)

Но, ахъ! вѣдь пѣшухомъ здѣсь курица кричала.

ТОРОПЪ.

(Плачетъ.)

Сорока жь развѣ здѣсь въ ночи не щекотала?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Надежда Государь! Орда осѣла градъ:
Предмѣстья рубятъ и палятъ.

(Въ сіе время слышна по городу тревгоа и видѣнъ въ окно дымъ, а на стѣнахъ люди.

ВЛАДИМІРЪ.

Вели, чтобъ воинства на стѣны шли градскія.
Я буду самъ сей часъ. — Вотъ случаи какіе!
Князь кормщикъ корабля,—жди вѣтровъ перемѣнъ:
Но покажу примѣръ я моему народу,
Что управлять могу рулемъ и въ непогоду.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Силоумъ.

ВЛАДИМІРЪ.

А! кстати, Силоумъ ты здѣсь! На вѣроломство
Я самъ теперь иду; храни ты градъ, чертогъ, Княжну.

СИЛОУМЪ.

Потщуся утишить печаль и безпокойство,
И въ градѣ сохраню порядокъ, тишину.

(Владиміръ уходитъ, а за нимъ Вѣстникъ, Способа, Торопъ и всѣ дѣвицы.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Прелѣпа и Силоумъ.

ПРЕЛѢПА.

Какой насъ жребій ждетъ по бранной неудачѣ?
Стенать подъ узами, и умереть во плачѣ!

СИЛОУМЪ.

Не сокрушай себя безвременно, Княжна!
Войнѣ Владиміръ дастъ счастливо окончанье;
Онъ тамъ! надежда есть.

ПРЕЛѢПА.

Какъ суетна она!
Надеженъ рыцарь былъ, и лестно ожиданье:
Но что?—И побѣдивъ, онъ самъ сталъ погубленъ.

СИЛОУМЪ.

Онъ живъ.

ПРЕЛѢПА.

Пріятнѣй смерть, чѣмъ варварскихъ рукъ плѣнъ.

(Поютъ въ два голоса.)

Премѣненъ сей и скученъ свѣтъ:
Онъ мечтъ лишь горестныхъ собранье,
Темница узъ, жилище бѣдъ,
Мигъ радостей, вѣкъ ожиданья;
Сегодни счастливы быть мнимся,
А завтра въ безднѣ золъ явимся.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СОТНИКЪ.

(Съ чалмой въ рукахъ.)

СОТНИКЪ.

Великій Князь, какъ вѣтръ съ полей сдуваетъ прахъ,
Отъ града отразилъ такъ бусурмански силы;
Змѣй дрогнулъ отъ него, тмы тылъ оборотили;
Мечемъ онъ чудеса въ ихъ показалъ полкахъ.
Прислалъ къ тебѣ чалму, знать, съ тайною какою,
Котору самъ онъ сшибъ со Змѣя булавою.

СИЛОУМЪ.

(Вынувъ изъ чалмы пѣсню съ ширинкою, и разсмотрѣвъ, показываетъ Княжнѣ.)

Рука это твоя?

ПРЕЛѢПА.

(Съ изумленіемъ.)

Моя!

СИЛОУМЪ.

Теперя я пойду для срѣшенья Княжова.

(Уходитъ и съ нимъ Сотникъ.)

ПРЕЛѢПА.

(Одна, въ задумчивости.)

Что, премѣнясь, ушелъ отъ одного онъ слова?
Ужь нѣтъ ли вновь еще несчастія какова? —
Но ждать еще какихъ мнѣ бѣдъ?

(Съ отчаяніемъ.)

Свершился, знать, ударъ ужь рока злаго!
Добрыни болѣе на свѣтѣ нѣтъ!
Въ чалмѣ Горынича ширинку полонили,
И пѣсню въ ней же принесли.
Убитъ онъ: такъ, убитъ! Свирѣпые сразили
Мою грудь молніей, и сердце все сожгли.

(Поетъ.)

Разверзися земля скорѣй,
И адская зіяй утроба!
Добрыня? Царь души моей!
Тебя ль я зрю во мракѣ гроба?
Мнѣ гласъ твой слышится, тѣнь зрится:
Иду съ тобой соединиться!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ великолѣпный Княжескій чертогъ, преддверіемъ храму служащій, и отдѣленный отъ храма обширною аркою, которая задернута завѣсою. Придворные, Сребробрады и Силоумъ уготованы на срѣтеніе Владиміра и торжество побѣды.

СИЛОУМЪ.

(Съ чалмой, Сребраградамъ.)

Побѣду надъ врагомъ и счастія премѣну
Намъ возвѣстилъ Великій Князь:
По чрезъ чалму сію узнаете измѣну,
Которая, я мню, что удивитъ и васъ,
Коль скажемъ, наши кѣмъ ничтожились совѣты.

СРЕБРОБРАДЫ.

Хвала, хвала богамъ, разрушившимъ навѣты!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ВЛАДИМІРЪ СЪ РЫНДАМИ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Во всеоружіи.)

Исполнилъ я мой долгъ.

(Отдаетъ щитъ, шлемъ и копье Рындамъ. Всѣ ему кланяются съ благоговѣніемъ.)

СИЛОУМЪ.

Прислалъ на разсмотрѣнье
Ширинку ты съ письмомъ, въ чалмѣ сокрыту сей:
Прелѣпа сдѣлала о нихъ рѣшенье.

ВЛАДИМІРЪ.

Какое? Знать хочу.

СИЛОУМЪ.

Что принадлежатъ ей.

ВЛАДИМІРЪ.

Съ чего? . . . .

СИЛОУМЪ.

Та шита ей, что писано самою.

ВЛАДИМІРЪ.

Такъ ставишь ты ее виною:
Но въ чемъ преступница она?

СИЛОУМЪ.

Вина ея не такъ темна.
Къ врагу она писала,
И слѣдственно войну на Князя поднимала.

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣна, Государь!

ВЛАДИМІРЪ.

Страшитесь, старцы, такъ
Невинность клеветать столь зло, неосторожно;
Княжна измѣнница! Какъ быть тому возможно?

СИЛОУМЪ.

Ее въ томъ обличилъ и даже робкій зракъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ печальнымъ видомъ.)

Не вѣрю. (*Подумавъ.*) Но я Князь. Пристрастье не у мѣста,
И чужды должны быть мнѣ жалость, вздохи, стонъ;
Равно преступница, раба ль то, иль невѣста.
Подъ безпристрастнымъ лишь Царемъ незыблемъ тронъ;
Хотя бы дочь была, сестра или супруга:
У праведныхъ Царей нѣтъ ни родни, ни друга.
Друзья! изслѣдуйте и донесите мнѣ.

(Хочетъ уйти.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Торопъ и Добрыня съ открытымъ лицомъ, вошедъ тихо, слушаютъ разговоръ Владимірова съ его Совѣтниками; и потомъ въ другія двери вступаетъ Прелѣпа съ Спосовою.

ПРЕЛѢПА.

(Увидя Добрыню, изъ печальной вдругъ показываетъся радостною, и про себя.)

Живъ! . . .

ВЛАДИМІРЪ.

(Примѣтя Добрыню.)

Какъ! отколь ко мнѣ
Вдругъ сродникъ мой драгой, Добрыня, могъ явиться?

ДОБРЫНЯ.

Позволь, о Государь, въ томъ послѣ объясниться.
Кто здѣсь измѣнникомъ?

ВЛАДИМІРЪ.

(Печально, не видя Прелѣпы.)
Съ Тугаринымъ Княжны
Изборскія Прелѣпы
Сношенья найдены.

ДОБРЫНЯ.

Ужь ли то правда? (*Подумавъ*) Нѣтъ!
Нѣтъ, сплетни то нелѣпы:
Ширинку съ пѣсней, что ль?

СРЕБРОБРАДЫ.

Ея руки, въ его чалмѣ.

ДОБРЫНЯ.

Вы заблуждаетесь, о судіи, во тмѣ.
Послушай, Государь, сей тайны разрѣшенье:
То вещи всѣ мои; — отъ самыхъ юныхъ лѣтъ,
Въ знакъ дружбы нѣжныя, любви во увѣренье,
Невѣстой были мнѣ моей подарены;
То нашихъ клятвъ залоги.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ, гдѣ, и отъ кого?

ДОБРЫНЯ.

(Указывая на Прелѣпу.)
Отъ сей Княжны.

ВЛАДИМІРЪ.

(Обращаясь къ ней.)

Ты здѣсь, Княжна?

ПРЕЛѢПА.

И сей обѣтъ
Внимали сами боги;
Я съ именемъ его обручена кольцомъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Когда? при комъ?

ДОБРЫНЯ.

Средь храма предъ жрецомъ.

ПРЕЛѢПА.

Въ училищѣ Добрады.

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ новый мнѣ ударъ! Вотъ нѣжности награды!
Ахъ! для чего жь сію любовь,
Княжна, ты предо мной такъ хитро сокрывала?

ПРЕЛѢПА.

Я времени искала.

СИЛОУМЪ.

(Въ сторону.)

Нѣтъ, хитрость; баснями не кормятъ соловья.

(Добрынѣ.)

А какъ въ чалму онѣ къ Тугарину попали?

ДОБРЫНЯ.

Безвѣстный рыцарь—я,
Сражался съ Змѣемъ я,
Съ коня его сбилъ я;

Но послѣ шакъ случилось,
Что пѣснь съ ширинкою коварсшвомъ очушилась
У моего врага.

ВЛАДИМІРЪ.

Вы видише шеперь, какъ исшина нага!

СРЕБРОБРАДЫ.

Еще сомнишельно.

ВЛАДИМІРЪ.

Но въ чемъ же шушъ сомнѣнье?

СРЕБРОБРАДЫ.

Не чрезъ наборы словъ. . . .

СИЛОУМЪ.

Но чрезъ свидѣшелей бышь должно увѣренье.
Кшо зналъ училище, залоги ихъ, любовь?

ПРЕЛѢПА.

Добрада знала все. . . .

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Вдругъ.)

А развѣ мы вчерась не знали вашей сшрасши?

ТОРОПЪ.

(Показывая на Способу.)

Не я ль за ней ходилъ?

СПОСОБА.

(Указывая на Добрышю.)

Не я ль его
Вводила въ садъ?

ВЛАДИМІРЪ.

Довольно мнѣ сего.

СИЛОУМЪ.

Довольно истинѣ и правосудной власти,
Чтобъ ихъ съ виновными въ одинъ поставить рядъ.

СРЕБРОБРАДЫ.

Такъ, такъ!

СИЛОУМЪ.

Бывъ воиномъ, столь славнымъ, знаменитымъ,
Зачѣмъ Добрыня былъ сокрытымъ,
И ночью въ Княжескій чертогъ
Способою вводился тайно?
И какъ конюшій могъ
Съ нимъ вмѣстѣ быть?—Все что-то чрезвычайно!
Но, бывъ безъ памяти въ нее влюбленъ,
Преступницу спасти лишь ищетъ онъ,
И сказку выдумалъ нелѣпу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Судить Прелѣпу!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ гнѣвомъ.)

Не будьте скоры такъ другихъ на обвиненье,
Подумайте еще. . . .

(Отворотясь, подходитъ къ Добрынѣ, и говоритъ съ нимъ тихо.)

ТОРОПЪ.

(Въ сторону.)

(Поетъ.)

Не хотятъ здѣсь правды вѣдать,
И приходитъ намъ бѣда:

Одному Царю что дѣлать,
Гдѣ проказятъ господа?
Какъ дружатъ, такъ пса оправятъ,
Правъ! напишутъ въ три пера.
А налягутъ: вмигъ задавятъ
И слона, какъ комара.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Сотникъ и Тугаринъ съ перевязанною головою, поддерживаемый ключниками и воинами.

СОТНИКЪ.

Тугаринъ ко вратамъ во плѣнѣ приведенъ;
Ты воинству во градъ велишь ли возвратиться?

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ! взятъ злодѣй мой въ плѣнъ?

СОТНИКЪ.

(Указывая на Тугарина.)
Онъ тамъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Тотчасъ расположиться
Вели по городу полкамъ;
Но разскажи подробнѣй, какъ
Плѣненіе сіе случилось?

СОТНИКЪ.

Надежа Государь! я слышалъ такъ:
Какъ полчище тобой

Срацыновъ отразилось,
Тугарыньгчь утекъ съ открытой головой
И въ таборъ свой вбѣжавъ, со ужасомъ узрѣлъ,
Что Рыцарь сей (*указывая на Добрыню*), въ плѣну
прервавъ свои оковы,
Схватя свой мечь, бѣжалъ, летѣлъ
Ему на встрѣчу;
Тмы силъ вокругъ прыжки не преграждали львовы,
И головы въ чалмахъ, какъ птицъ мелькавъ стада,
Открыли путь ему чрезъ преужасну сѣчу
Добраться до врага.
Онъ на него напалъ,
И, не смотря, что Змѣй былъ на конѣ высокомъ,
Со ухомъ жабръ ему отсѣкъ съ единымъ скокомъ,
И выбивъ изъ сѣдла, на землю бросивъ, взялъ
Во плѣнъ.

ВЛАДИМІРЪ.

Какая вѣсть! Добрыня! чѣмъ заслугу
Твою тебѣ я заплачу?

ДОБРЫНЯ.

Исполнивъ должное, награды не ищу.

СРЕБРОБРАДЫ.

Дай правосудіе!

СИЛОУМЪ.

И недругу и другу!

ВЛАДИМІРЪ.

О! что за судъ еще? — Тугаринъ на лицо:
Вся тайна намъ теперь открыта стала.

ТУГАРИНЪ.

(Въ сторону, скрыпя зубами.)

О! я имъ отомщу.

ВЛАДИМІРЪ.

(Тугарину.)

Писала ли къ тебѣ Княжна?

ТУГАРИНЪ.

Писала.

ВЛАДИМІРЪ.

О боги!

СРЕБРОБРАДЫ.

Мстители!

ПРЕЛѢПА.

Проклятый лжецъ!

ТУГАРИНЪ.

Докажетъ истину мое у ней кольцо,
Что съ именемъ моимъ я далъ ей въ обрученье....

ДОБРЫНЯ.

Что слышу я!

ПРЕЛѢПА.

(Тугарину.)

Тебѣ?

СИЛОУМЪ.

Вотъ дѣлу и конецъ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ печальнымъ удивленьемъ.)

И такъ кольцо сіе намъ сдѣлаетъ рѣшенье.
Прикажешь ли, Княжна, сюда его принесть?

ПРЕЛѢПА.

Напротивъ не скажу ни слова:
Кольцо то сдѣлаетъ мнѣ честь;
Я имъ изобличить Тугарина готова.

ВЛАДИМІРЪ.

Способа! Силоумъ!

(Даетъ имъ знакъ, чтобъ шли.)

ПРЕЛѢПА.

Тамъ въ досканцѣ и есть,
Когда не вѣрите моимъ вы словамъ.

СИЛОУМЪ.

Какъ эту сѣть расплесть?

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ огорченіемъ.)

Судите по законамъ.

(Уходитъ, и всѣ за нимъ, кромѣ нижеслѣдующихъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТОРОПЪ, ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА.

ДОБРЫНЯ.

Какое выйдетъ намъ рѣшенье?

ПРЕЛѢПА.

Вотъ добродѣтели плоды!

ТОРОПЪ.

И вотъ къ служивымъ уваженье!

ПРЕЛѢПА.

Любезный мой! твои всѣ отъ меня бѣды:
Но зрятъ мою невинность боги.
Ширинку съ пѣснію, любви моей залоги,
Я ввѣрила тебѣ: кольцо же съ именемъ твоимъ
Хранится въ теремѣ въ ларцѣ съ кольцомъ моимъ.

ДОБРЫНЯ.

Я вѣрю, милая!

ПРЕЛѢПА.

Не сомнѣвайся, другъ сердечный,
Въ любви моей къ тебѣ безмѣрной, безконечной.

ДОБРЫНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ; умру, тебя любя!

ПРЕЛѢПА.

Какая днесь насъ ждетъ судьба?

ДОБРЫНЯ.

Какая бъ ни случилась!

ПРЕЛѢПА.

Лишь только бъ я съ тобой не разлучилась.

ТОРОПЪ.

Широки бороды, ума палата
У праведныхъ судей!

ПРЕЛѢПА.

Такъ несомнительна и клевстѣ отплата.

ДОБРЫНЯ.

Отъ божества, а не людей.

(Поетъ.)

Знай, зависть человѣковъ, злоба
На правду любятъ посягать;
Гоня ее до двери гроба,
Народъ, судей, Царей мутятъ.
Но грудь невинная спокойно
Межъ змѣй вокругъ шипящихъ спитъ;
Горѣ возвышенной подобно,
Смѣясь, на ярыя волны зритъ.

ТОРОПЪ.

Да на кого же такъ надѣяться, бодриться,
Коль не оправитъ насъ судъ?

ДОБРЫНЯ.

На себя.

ТОРОПЪ.

Лишь одного?

ДОБРЫНЯ.

Невинность подъ щитомъ всегда небеснымъ зрится.

ПРЕЛѢПА.

И не боится никого.

ТОРОПЪ.

Подъ щитъ такой и я, пожалуй, радъ укрыться.

(Въ сторону.)

А правду коль сказать, что такъ и сякъ
На сердцѣ кутермится;

Но съ ними не храбриться
Нельзя никакъ.

(Поютъ въ три голоса.)

Невинность наша намъ отрада,
Она намъ мужество даритъ;
Она надежда и отрада,
И твердъ на ней и вѣры щитъ.
Что бъ съ нами въ свѣтѣ семъ ни стало,
Должны, благодаря, терпѣть;
Хоть небо бы на насъ упало,
Мы равнодушно встрѣтимъ смерть.

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Завѣса въ аркѣ поднимается и представляетъ внутренность храма, наполненнаго кумирами, въ глубинѣ котораго на постепенномъ полукружномъ возвышеніи, въ срединѣ, на облакѣ, богъ Перунъ съ поднятымъ въ обѣихъ рукахъ громомъ, нагнувшись, смотритъ внизъ. При подножіи его на первой ступени Царскій тронъ, а внизу въ прямой линіи алтарь съ вожженнымъ пламенемъ. Съ самаго верху по обѣимъ сторонамъ по ступенямъ вдоль храма полуциркулемъ же стоятъ кумиры прочихъ боговъ. Между ними на гранитныхъ постаментахъ, (изъ коихъ нѣсколько порожнихъ) видны Русскія и иноплеменныя (*) знамена. Изъ нихъ первыя на вышинѣ, а послѣднія на низу. Предъ знаменами на каждомъ постаментѣ сидятъ орлы, поднявшіе крылья

(*) Имена народовъ полуденныхъ должны быть выставлены на щитахъ тѣ, которыми обладалъ Владиміръ, и которыя нынѣ подъ другими державами находятся.

несколько вверхъ и держащіе въ когтяхъ своихъ на цѣпяхъ серебряные щиты, съ именами городовъ Русскихъ, и знамена народовъ чужеземныхъ, кои они стрегутъ подъ надзоромъ боговъ. На алтарѣ свитокъ бумаги; вокругъ его Жрецы. На сценѣ Сребробрады, Герольдъ, Силоумъ и Владиміръ; а въ сторонѣ, какъ и прежде, съ перевязанною головою, поддерживаемый Бирючемъ и воинами, Тугаринъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Печально.)

Свершился ль судъ?

СРЕБРОБРАДЫ.

Свершенъ.

ЖРЕЦЫ.

(Указывая на алтарь.)

Се здѣсь опредѣленье.

ВЛАДИМІРЪ.

Открыли ль новыя какія преступленья?

СИЛОУМЪ.

Открыта ихъ вина, и нѣтъ ужь въ томъ сомнѣнья.

ВЛАДИМІРЪ.

Какъ!

СИЛОУМЪ.

Самое кольцо, Княжна на кое слалась,
Со именемъ его (*указывая на Горыныча*) во доскан-
цѣ сыскалось,
Во теремѣ у ней.

(Показываетъ кольцо.)

ТУГАРИНЪ.

Она давно была любовницей моей.

ВЛАДИМІРЪ.

(Смотря на кольцо съ удивленіемъ.)

Льзя ль было ожидать сей хитрости въ Прелѣпѣ?

СИЛОУМЪ.

Змѣя, рожденная въ вертепѣ!

СРЕБРОБРАДЫ.

Измѣнница!

ВЛАДИМІРЪ.

Но судъ сей чѣмъ же заключенъ?

СИЛОУМЪ.

Какъ должно, такъ свершенъ;
Тебѣ лишь подписать.

ВЛАДИМІРЪ.

(Жрецу, указывая на опредѣленіе, лежащее на алтарѣ.)

Подай! (*Читаетъ.*) «Княжну предъ алтаремъ заклать
«И съ ней сообщниковъ...»—Неправедно рѣшенье!

(Бросаетъ опредѣленіе.)

Хотите исполнять?

(Въ сіе время вдалекѣ слышится тихій громъ.)

ЖРЕЦЪ.

Се неба изреченье!

СРЕБРОБРАДЫ.

Знать, утвержденъ нашъ судъ.

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ горестію.)

Быть такъ!

(Падаетъ въ обморокъ на руки къ придворнымъ.)

СИЛОУМЪ.

(Герольду.)

Дай знакъ.

(Герольдъ трубитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добрыня, Прелѣпа, Торопъ и Способа вводятся подъ стражею въ преддверіе храма окованныя цѣпями, изъ коихъ Прелѣпа въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами.

СИЛОУМЪ.

Вамъ казнь присуждена.

ТОРОПЪ.

Ахти!

СПОСОБА.

Онъ бусурманъ!

Не обморочилъ ли какой меня дурманъ?

Не принесла ли я кольцо не то, другое.

СИЛОУМЪ.

О! пустое.

ЖРЕЦЪ.

Покайтеся!

СИЛОУМЪ.

Вамъ часъ дается на прощанье,

Не примется отъ васъ пустое оправданье:

(Отступаетъ со Жрецомъ во глубину театра.)

ПРЕЛѢПА И ДОБРЫНЯ.

(Обнимаясь.)

Дуэтъ.

Неизбѣжнымъ страшнымъ рокомъ
Разстаешься ты со мной;
Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой;
Обливаяся слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами,
Сердцемъ говорю: прости!

ДОБРЫНЯ.

Прости, любезная, нѣжнѣйшая супруга!
Моимъ ты сердцемъ такъ давно наречена.

ПРЕЛѢПА.

Прости, драгой супругъ!
Душа моя съ твоей давно сопряжена.

ДОБРЫНЯ.

Увидимъ ли еще съ тобою другъ мы друга?

ПРЕЛѢПА.

Соединится ль нашъ невинный въ небѣ духъ?

ТОРОПЪ.

Въ чужомъ пиру и намъ достанется, Способа!

СПОСОБА.

Пришла бѣда на нихъ, придетъ на весь нашъ родъ.

ТОРОПЪ.

Коль сдѣлалось ужь такъ, для добрыхъ сихъ господъ

Пойдемъ мы имъ служить хотя въ срединѣ гроба.

(Поютъ попарно въ четыре голоса.)

Руки, грудь, уста и очи
Лобызаю у тебя;
Нѣту силы, нѣту мочи
Отдѣлиться отъ тебя:
Лобызаю, умираю,
Тебѣ душу отдаю;
Иль изъ устъ твоихъ желаю
Душу взять съ собой твою.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Герольдъ даетъ знакъ трубою, и начинается печальная процессія при звукѣ унылаго марша. Главный Жрецъ и его товарищи, съ вожженными факелами берутъ изъ преддверія Прелѣпу и прочихъ осужденныхъ, и ведутъ во внутренность храма; и съ пѣніемъ обводя нѣсколько разъ вкругъ алтаря, ставятъ ихъ на колѣна по обѣимъ сторонамъ алтаря.

ХОРЪ ЖРЕЦОВЪ.

(Тихими басами безъ музыки.)

Внемли, печальная Прелѣпа,
Какъ смерти гласъ тебя зоветъ;
Скрытъ слушай адскаго заклепа,
Который въ мракъ тебя запретъ.
Законы правосудья строги
Пролить васъ осудили кровь;
Но будутъ милосерды боги,
Невинна ваша коль любовь.

ЖРЕЦЪ.

(Наклоня голову Прелѣпы и занося ножъ.)

Благоволи, Перунъ!

При послѣднемъ словѣ Жреца ударяетъ страшный громъ: молнія освѣщаетъ храмъ, ножъ изъ рукъ Жреца и оковы съ осужденныхъ упадаютъ. Они встаютъ на ноги. Владимиръ освобождается отъ обморока; на облакахъ является Добрада.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе и Добрада.

ДОБРАДА.

Речитативъ.

Постой, о дерзновенный!
Не лей невинну кровь!
Судья лишь заблужденный
Караетъ за любовь.
Но чтобъ невинность вамъ святую
Умѣть съ злодѣйствомъ различить,
На совѣсть должно прежде злую
Свою вамъ взоръ вашъ обратить.

(Съ симъ словомъ показываются на грудяхъ Тугарина, Сребробрадовъ и Силоума огненныя надписи, у перваго: *злодѣй*, а у прочихъ у каждаго: *пристрастенъ*.)

ВЛАДИМІРЪ.

О небо справедливо!

ТОРОПЪ.

Ахти! какое диво!

СПОСОБА.

О если бы у всѣхъ людей
Такія окна въ сердце были!

ТОРОПЪ.

(въ сторону.)

Такъ тамъ бы для судей.

ДОБРЫНЯ.

А благо для Царей.

ДОБРАДА.

(Сошедши съ облака, которое улетаетъ.)

Въ судѣ вы вашемъ погрѣшили;
Я развяжу вамъ узелъ сей,
И злыхъ разсыплю мракъ страстей:
Тугаринъ варваръ, чародѣй.
По славѣ о красѣ влюбившійся въ Прелѣпу,
Мысль забралъ въ голову нелѣпу,
Чтобъ, какъ то ни было, ее себѣ достать,
А встрѣтясь случаемъ среди пустыни,
Похитилъ пѣсню онъ у спящаго Добрыни,
Назвалъ ее письмомъ, и съ онымъ приступать
Онъ сталъ къ Владиміру съ извѣстною грозою,
Прелѣпу требуя себѣ въ жены.
Но и ее прельстить чтобъ хитростію злою,
Онъ змѣемъ къ ней леталъ, мечталъ ей страшны сны,
Что будто бы сглотилъ Добрыню онъ живаго,
И жениха въ себѣ представилъ ей другаго.
Потомъ, у воинства чтобъ бодрость всю отнять

И суевѣріемъ бояръ поколебать,
Онъ къ разнымъ прибѣгалъ коварствамъ, чародѣй-
ствамъ:
На кровлѣ филиномъ въ полуночи стоналъ,
Русалкою въ лугахъ, сорокой щекоталъ,
И сжегъ бы, погубилъ такимъ бѣсовскимъ дѣйствомъ
Во змѣѣ огненномъ Добрыню наконецъ,
Коль данная бъ ему мной въ талисманѣ сила,
Во шлемѣ скрытая, огня не отвратила.
Когда же не успѣлъ и тѣмъ хитрецъ,
Употребилъ еще обманъ и вѣроломство:
Засадой скрытою отрѣзалъ ваше войско,
И Вѣдьму, подкупя, перемѣнилъ кольцо.
Я съ кровли сбросила вечоръ ее въ досадѣ,
Но открываю здѣсь ему и вамъ въ лицо
Всѣ мерзости его, къ достойнѣйшей наградѣ.

(Съ симъ словомъ прикасается жезломъ къ Тугарину, у котораго изъ-за пазухи выпадаетъ кольцо.)

СИЛОУМЪ.

(Поднявъ оное и разсмотря въ немъ надпись, читаетъ.)

Добрынинъ даръ Прелѣпѣ!

ВЛАДИМІРЪ.

(Съ восторгомъ.)

Добрыни даръ?

СИЛОУМЪ.

(Печально.)

Такъ, ахъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Вотъ, честные судьи, вы правду чли въ поклепѣ.
Сколь осторожнымъ быть вамъ надлежитъ въ судахъ!

СРЕБРОБРАДЫ.

(Протягивая шею.)

Взноси ударъ!

СПОСОБА.

(Торопу.)

И головы бояръ, вотъ видишь, поташнулись.

ТОРОПЪ.

(Способѣ.)

Ну, какъ же быть, мой другъ, всей варею споткнулись.

ПРЕЛѢПА.

О чудеса чудесъ!

ДОБРЫНЯ.

Судъ праведенъ Небесъ!

ДОБРАДА.

Родителями мнѣ Прелѣпа и Добрыня
Съ издѣтства ввѣрены: то ихъ покину ль нынѣ?

ДОБРЫНЯ, ПРЕЛѢПА, ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Поютъ.)

О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Какъ тебѣ мы благодарны!
Но пролей лучь свѣтлозарный
На влюбленныя сердца,
И ущедрь насъ до конца!

СИЛОУМЪ.

Мы чувствуемъ вину и наше преступленье.

СРЕБРОБРАДЫ.

(Кланяясь.)

И просимъ о прощеньѣ.

(Поютъ.)

О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Ты невинности награда,
Нашихъ зеркало очесъ!
Смилосердися надъ нами,
И избавь насъ отъ стыда;
Не клейми ты насъ лучами
Наши груди никогда.

ТУГАРИНЪ.

(Съ звѣрскимъ видомъ.)

Я чувствую, огнь мое все сердце жжетъ:
Но скоро, скоро онъ потухнетъ и пройдетъ;
Досада, месть его и злоба задушаетъ.

ТОРОПЪ И СПОСОБА.

(Поютъ.)

О великая Добрада!
Благъ виновница, чудесъ!
Намъ утѣха и отрада!
Токъ отерла нашихъ слезъ.
Но прорѣжь въ грудяхъ окошки
У вельможъ и у судей,
Чтобъ въ ягнячьихъ кожахъ кошки
Близко не жили Царей.

ДОБРАДА.

Не отъ волшебницъ, а Царей зависитъ
Творить счастливыми людей:

Кто хочешъ благо ихъ возвысишь,
Владыка прежде будь тошъ собственныхъ страстей.

ВЛАДИМІРЪ.

Добрада! — но и Царь шакой же человѣкъ.

ДОБРАДА.

Великій это Князь Россійскій мнѣ изрекъ!

ВЛАДИМІРЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! я слабостьми себя не извиняю.
Коль сродника подвергъ, невѣсту, я подъ судъ:
Нарушить истины законовъ не дерзаю,
И боги отъ меня пускай мой тронъ возьмутъ!
Ужь не въ моей теперь Прелѣпа больше власти:
Поди ты отъ меня, съ опасной красотой!
Но что я говорю!—Лишусь нѣжнѣйшей страсти?
Она въ душѣ моей:—нѣтъ, нѣтъ, Княжна, постой!
Я плѣнникъ!—Но я кто?—Великій Князь Россійскій !
Полсвѣта можетъ ли ужь мнѣ послушнымъ быть,
Когда владѣютъ мной самимъ желанья низки?
Могущъ лишь только тотъ, себя кто побѣдитъ.
Добрыня и Княжна! хоть вами я страдаю,
Но быть во Князѣ вамъ хочу теперь отцомъ:
Подайте мнѣ, я васъ сочетаваю!

(Соединяетъ ихъ руки.)

Царь счастливъ, гдѣ краса и храбрость подъ вѣнцомъ!

ДОБРЫНЯ И ПРЕЛѢПА.

(Упадая на колѣни и цѣлуя его руки.)

Великая душа!—Великій Государь!

ВЛАДИМІРЪ.

(Оборотясь къ Торопу и Способѣ.)

И вѣрныхъ также слугъ да наградитъ мой даръ.

(Къ судьямъ.)

Прощаю я и васъ, судьи несправедливы.

(Всѣ они упадаютъ на колѣни.)

(Къ Тугарину.)

Тугаринычь! и ты не плѣнникъ больше мой!

ТУГАРИНЪ.

Отъ слабости такой сраженъ мой духъ кичливый:
Скорѣе, Адъ, меня отъ милосердья скрой!

(Срываетъ съ головы перевязку и упадаетъ на руки поддерживающихъ его Бирюча и воиновъ, которые уносятъ его за кулисы.)

ХОРЪ ВСЕОБЩІЙ.

(На колѣняхъ.)

И побѣдитель всей вселенной
Не столь великъ, какъ тотъ Герой,
Кто силою своей душевной
Побѣду снищетъ надъ собой,
И кто достоинства умѣетъ
Подвластныхъ зрѣть и отличать:
Великодушію довлѣетъ
Себя съ безсмертными равнять.

ВЛАДИМІРЪ.

Возстаньте!—Честь сія Добрынина и слава!
Се воинство ему безсмертну пѣснь поетъ!

(Слышно пѣніе входящихъ въ городъ войскъ.)

ХОРЪ ДРЕВНІЙ РУССКІЙ.

Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный, могучь богатырь,
Добрыня-то, братцы, Никитьевичь.
Да ѣдетъ съ нимъ его Торопъ слуга,
И сражается онъ съ Тугаринымъ;
У Тугарина собаки крылья бумажныя:
Леталъ онъ собака по поднебесью,
И палъ онъ собака на сыру землю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Отрядъ войскъ вноситъ въ храмъ знамена Русскія и бунчуки Татарскіе, изъ коихъ первыя ставятъ въ порожнихъ постаментахъ на полукружномъ возвышеніи, а послѣдніе внизу, вдоль храма, позади сидящихъ на нихъ орловъ, и, помѣстя ихъ, уходятъ.

ТОРОПЪ.

Гдѣ есть Добрыни, та пресчастлива держава;
Межь ними добрый Царь, какъ маковъ цвѣтъ, цвѣтетъ.

СПОСОБА.

Какъ соты съ молокомъ народъ весь услаждаютъ,
Гдѣ благу общему всѣмъ служатъ животомъ.

ТОРОПЪ.

Чрезъ нихъ поля и города блистаютъ.

ПРЕЛѢПА.

Ихъ должность точно въ томъ. . .

ДОБРЫНЯ.

Чтобъ жить и умереть съ Царемъ.

ДОБРАДА.

(Сперва важно, а потомъ съ пророческимъ изступленіемъ.)

Въ примѣрномъ для Царей твоемъ, Князь, дѣлѣ этомъ
Рѣшенъ двухъ жребій Царствъ: Россія возрастаетъ:
Верхъ надъ Измаиломъ со временемъ возметъ.
Великодушіе ея управитъ свѣтомъ.
Я вижу въ будущемъ: Великій нѣкій Богъ
Воздвигъ на Сѣверѣ свой храмъ, алтарь, чертогъ;
Страна сія его лучами озарилась,
Нечестья, суевѣрствъ, волшебствъ исчезла тма;
Свѣтъ, истина въ Царяхъ и людяхъ водворилась,
Россіянъ славою вселенная полна!
Такъ, вижу я сіе, вѣкъ зрю грядущихъ благъ,
Дрожитъ нашъ сонмъ боговъ: Владиміръ! ты въ лучахъ!
Что сбудется сіе, то бракъ вы торжествуйте,
И славу вашу вамъ симъ днемъ предзнаменуйте.

(Машетъ жезломъ, спускается облако, на которомъ она улетаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Владиміръ садится на тронъ; Жрецы становятся по обѣ стороны алтаря; Сребровряды, Силоумъ, Герольдъ и Дворъ по обѣ стороны трона на второй ступени, теремныя дѣвицы съ злапыми въ рукахъ цитрами занимаютъ мѣсто на третьей; на четвертой Богатыри съ позлащенными на головахъ шлемами, а на грудяхъ щитами и съ палицами въ рукахъ, на которыя опираются. Прелѣпа, Добрыня, Торопъ и Сносова непримѣтно удаляются съ театра, а на мѣсто ихъ, въ лицѣ ихъ и поѣжжанъ, юношей и дѣвъ народныхъ, выходятъ фигуранты въ богатыхъ одеждахъ, и танцуютъ балетъ, въ которомъ представляется Добрынина свадьба по древнимъ Русскимъ

обрядамъ; то есть: 1) женихъ и невѣста въ великолѣпномъ послѣдованіи входятъ во храмъ, идутъ на тронъ и цѣлуютъ руку у Великаго Князя; 2) сошедши оттуда, садятся на своихъ мѣстахъ; Конюшій и Наперсница становятся за ними, и тогда же усыпаютъ путь ихъ хмелемъ; 3) обмахиваютъ ихъ соболями; 4) чешутъ волосы гребнемъ; 5) подносятъ имъ на золотыхъ блюдахъ и въ золотыхъ кринахъ съ патокой коровай и кашу: что все совершается подъ особливыми хорами, или свадебными пѣснями, которыя слѣдуютъ ниже.

ХОРЪ I.

(Когда Добрыня и Прелѣпа всходятъ ко Владиміру на тронъ принимать отъ него отеческое благословеніе.)

Катилося зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмицкое,
Прикатилося зерно ко яхонту:
Крупенъ жемчугъ, яхонтъ свѣтится.
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Хорошъ Добрыня со Прелѣпою.

ХОРЪ II.

(Когда женихъ и невѣста сходятъ съ трона, чтобъ сѣсть на своихъ мѣстахъ, и путь ихъ усыпается хмелемъ.)

Вьется, вьется хмель золотой
Около тычинки серебряной;
Идетъ, идетъ Князь молодой
Объ руку Княгини возлюбленной.
Сыпьте, сыпьте хмель на пути,
Весело бъ имъ жизнь провести.

ХОРЪ III.

(Когда ихъ обмахиваютъ соболями.)

Не тихіе вѣтры попархиваютъ,
Не солнечный жаръ и зной холодятъ;
Но черные соболи помахиваютъ,
Нѣгу, богатство, довольство сулятъ.

Ой люли, сулятъ
Князьямъ молодымъ:
Ой люли, сулятъ
Жить счастливо имъ.

ХОРЪ IV.

(Когда ихъ чешутъ гребнемъ, расплетая у невѣсты косу и надѣвая не нее кичку.)

Гребень бѣлый чешетъ голову,
Кудри златы, косы черныя;
Такъ-то время строитъ участи,
Разумъ людямъ даетъ почести.
Ой леля! ой ладо! почести,
И дружбу и согласіе
Во всемъ благопоспѣтіе.

ХОРЪ V.

(Когда ихъ кормятъ короваемъ и кашею, и поятъ сытою.)

Какъ пашока златистая,
Бѣлоярово пшено съ сытой,
Жизнь спокойна ваша чистая
Такъ сладко потечетъ струей:
А мы на пиру здѣсь, на свадебкѣ,
Пожелаемъ всего добраго,
Здоровья вамъ и добрыхъ дней.

ХОРЪ VI.

(Владиміру.)

И воскликнемъ въ громкой радости:
Слава Царю доброму,
Кроткому, великодушному:
Отличаетъ добродѣтели!
Слава ему, слава, слава!

VIII.

ПОЖАРСКОЙ,

или

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

въ

ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СЪ ХОРАМИ И РЕЧИТАТИВАМИ.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Нужнымъ почитаю предувѣдомить, что, желая посредствомъ театра оживить въ памяти любезнаго Отечества моего то знаменитое героическое происшествіе, въ которомъ всѣ состоянія его соучаствовали, и стяжавъ себѣ безсмертную честь и славу, показали истинную великость духа Россіянъ, каковую въ нынѣшнія времена въ подобномъ случаѣ нѣкоторые народы и ихъ вожди напрасно, кажется, себѣ присвояютъ, — взялъ я характеры дѣйствующихъ лицъ (дабы тѣмъ зрѣлище удостовѣрительнѣе казалось) изъ самыхъ дѣяній, бытописаніями и преданіями намъ свидѣтельствуемыхъ. Любопытный благоволитъ прочесть *Ядро Россійской Исторіи* и прочія лѣтописи: то увидитъ, правильно ли мною извлечены изъ самыхъ дѣлъ характеры. Поистинѣ, когда *Пожарской*, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска; не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убійство его покушавшимися; не прельстился богатствомъ Боярь, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни; не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные Писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на Наслѣдника по крови Царской, учредя Монархиче-

ское правленіе: то не быль ли онъ Герой высшей степени, человѣкъ самый добродѣтельный, великій, каковыхъ мало Исторія представляетъ, и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣдя которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ?—Когда *Трубецкой* не былъ съ нимъ въ союзѣ, не содержалъ въ должномъ порядкѣ войскъ своихъ, такъ что запрещено было имъ сообщаться съ его станомъ; не далъ въ нужныхъ случаяхъ Пожарскому помощи, не удалилъ отъ себя явнаго злодѣя Заруцкаго: то чему приписать сіе, какъ не скрытымъ видамъ самолюбія, зависти и желанія властвовать надъ всѣми: каковымъ страстямъ нерѣдко подвержены бываютъ самые знаменитые, славные, однако не великіе люди, которыхъ довольно Исторія и настоящія времена намъ показываютъ?—Когда *Мининъ*, изъ пламенной ревности къ своему Отечеству, для избавленія его отъ ига иноплеменныхъ, принесъ на жертву все свое имущество, подвигъ примѣромъ своимъ къ тому же народъ, присовѣтовавъ ему и въ вожди себѣ избрать Пожарскаго: то какъ его иначе представить, какъ не горячаго, твердаго духа человѣкомъ, достойнымъ во всѣ времена почтенія и удивленія?—Когда *Аврамій Палицынъ*, употребя себя на увѣщеваніе народа къ ополченію чрезъ многія письма, отважился лично на опасности, уговаривая въ помощь Пожарскому взбунтовавшихся Казаковъ и не употребилъ во зло сокровищъ, монастырями ему ввѣренныхъ: то какъ не признать въ немъ преподобнаго, святаго мужа, достойнаго прославленія въ потомствѣ? Напротивъ

шого, когда *Заруцкій*, попускавшій Казакамъ своимъ явные грабежи и разбои, не былъ не токмо усерднымъ содѣйствователемъ ни Трубецкому, ни Пожарскому; но, совокупясь тайно съ Мариною и женясь потомъ на ней, наносилъ вредъ Государству, такъ что даже сообщники его, и по немъ, въ отмщеніе смерти его, разоряли Низовыя страны: то какъ не описать его самыми мрачными красками, какъ злѣйшаго врага и измѣнника?—Наконецъ, когда *Марина*, послѣ содержанія ея въ Ярославлѣ подъ присмотромъ, бывъ безвредно освобождена, прибѣгала еще къ разнымъ проискамъ, признавая нѣсколькихъ самозванцевъ Лжедимитріемъ, мужемъ своимъ, имѣла съ ними любовныя обращенія, и добиваясь всѣми мѣрами престола, переѣзжала изъ мѣста въ мѣсто, переодѣваясь иногда въ мужеское воинское платье и садясь на коня, пускалась въ опасности: то какъ не изобразить въ ней предпріимчивую, властолюбивую, хитрую прелестницу и чародѣйку, каковою и преданіе ее называетъ? Словомъ: всѣ сіи характеры и прочихъ лицъ, упоминаемыхъ косвенно въ монологахъ, взялъ я, ничего къ нимъ не прибавляя, точно изъ Исторіи; а по свободѣ Поэзіи вымыслилъ только нѣкоторыя вводныя происшествія, какъ-то: пожаръ, любовныя увеселенія и прочія, для связи и пріятности зрѣлища. Но всѣ однако событія, въ разныхъ мѣстахъ и временахъ случившіяся, по правиламъ драматическимъ привелъ я въ одну точку зрѣнія; а дабы торжественное сіе дѣяніе, воспричинствовавшее благоденствіе Имперіи и донынѣ существующее, не было зрѣлищемъ скучнымъ и

мрачнымъ, подобно трагедіи: то украсилъ я его великолѣпіемъ, свойственнымъ операмъ, придавъ ему разныя декораціи, музыку, танцы и даже виды самаго волшебства. Но чтобъ съ другой стороны оно не потеряло въ семъ блескѣ принадлежащей ему героической важности и силы: то нѣкоторымъ лицамъ далъ я довольно пространные и пространные монологи, но избавилъ однако ихъ вовсе отъ пѣнія и плясокъ, имъ неприличныхъ, предоставя то единственно статистамъ только въ балетѣ, хорахъ и речитативахъ. Когда таковаго рода зрѣлище пріобрѣтетъ благоволеніе Публики, то останусь довольнымъ, что трудъ мой не былъ тщетнымъ: впрочемъ не думаю я, чтобы кто изъ соотечественниковъ и потомковъ тѣхъ народовъ и лицъ, которые въ семъ происшествіи соучаствовали, нашелся тѣмъ недовольнымъ, что не въ такомъ свѣтѣ кто либо изъ нихъ представленъ, какъ бы ему желалось. А ежели бы и сіе случилось: то предоставляю всякому судить о томъ, какъ угодно, вѣдая, что Эпическія и Драматическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе составляются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе скрывается ахронизмъ, блистаетъ чудесность и усыпляется личность. Но когда предметъ взятъ почти изъ новой Исторіи, или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но отъ послѣдняго ни коимъ образомъ избѣжать не возможно: а потому и не извиняюсь я какими либо пространными разсужденіями, ко-

нхъ бы достаточно къ оправданію принести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ Г-на Ломоносова:

«Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, для правды. . . .»

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Пожарской, } вожди Русскіе.
Князь Трубецкой, }
Мининъ, купецъ Нижегородскій и казначей войска Пожарскаго.
Марина, жена Лжедимитрія, чародѣйка.
Заруцкій, Казачій Гетманъ, союзникъ войска Трубецкаго.
Аврамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, въ видѣ простолюдина.

Послы Польскіе.
Дума Бояръ.
Межаковъ, Ясаулъ Заруцкаго.
Жены } Боярскія.
Дѣти }
Граждане.
Жильцы Московскіе, Дворяне, Гости и Стряпчіе.
Прислужники и Прислужницы Маринины, въ видѣ охотниковъ, амуровъ и проч.
Трубачь.
Гонецъ.
Войски, Русскія и Польскія.
Казаки.
Народъ.

(Всѣ безъ рѣчей, а составляются только изъ нихъ хоры, речитативы и балеты.)

Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Москвы и въ Кремлѣ.

ПОЖАРСКОЙ,

или

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ при захожденіи солнца Москву со стороны Петровскихъ воротъ; вдали дымъ и изрѣдка слышны пушечные выстрѣлы отъ осады Трубецкаго; вблизи въ дубравѣ станъ Пожарскаго: воины сидятъ кругами и варятъ кашу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ.

(Перваго круга.)

Ядры пусть летятъ ревучи,
Воютъ вѣтры, черны тучи,
Молньи блещутъ средь громовъ;
Смѣло идемъ на враговъ.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество помремъ.

ХОРЪ.

(Втораго круга.)

Злобно пусть враги ярятся
За стѣнами защищаться:

Не трепещетъ Русска грудь,
Намъ на стѣны веселъ путь.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество помремъ.

ХОРЪ.

(Третьяго круга.)

Пусть измѣнники бунтуютъ,
Скиптры хищникамъ даруютъ:
Вѣрны мы своимъ Царямъ,
Кровь свою несемъ имъ въ дань.

(Всѣ круги вообще.)

Мы пойдемъ, друзья, пойдемъ;
За отечество помремъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.

(Хоры умолкаютъ; воины снимаютъ съ сошекъ копья, тушатъ огни и уходятъ въ шатры.)

ПАЛИЦЫНЪ.

По многимъ грамотамъ, мной посланнымъ, созывнымъ,
И съ Лавры вѣющимъ въ счастливый знакъ вѣтрамъ,
Сыны отечества! въ отпору сопротивнымъ
Съ Пожарскимъ Минина къ престольнымъ симъ стѣнамъ
Я жду давно. Но вы. . .

МИНИНЪ.

Различныя препоны:
Хошкевичь, насъ вчерась объѣхавъ шмою шолпъ,
Пресѣкъ было пуши.

ПАЛИЦЫНЪ.

Я вѣрю, и законы,
Вамъ Думой данные, препнули бъ быстрость стопъ,
Коль шрона бъ, алшаря, красугольный камень
Согласенъ съ ними былъ.

МИНИНЪ.

Кшо удержашь насъ могъ?
Любви къ отечеству безмѣренъ въ Русскихъ пламень;
Мы въ жершву жизнь несемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чрезъ Пашріарха Богъ.

МИНИНЪ.

Но мы спасашь Пресшолъ и Вѣру усшремились:
То Гермогену ли прошиву насъ возсшашь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣшъ, нѣшъ! Но вы бъ его анаѳемъ усшрашились.

МИНИНЪ.

Анаѳемы его!—За чшо насъ проклинашь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ гладомъ, жаждою и муками шерзаемъ,
Былъ нудимъ ошъ Бояръ вамъ написашь о шомъ,
Чшобъ вы не шли къ Москвѣ.

МИНИНЪ.

Но мы Москву спасаемъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Нѣтъ нужды, говорятъ, вамъ въ подвигѣ такомъ.

МИНИНЪ.

А какъ, и почему?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ужь Дума къ Владиславу
Отправила пословъ.—Не знали развѣ вы?

МИНИНЪ.

Зачѣмъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чтобъ взялъ себѣ онъ Русскую Державу.

МИНИНЪ.

Избави, Господи, отъ чуждой насъ Главы!
И на измѣну ту нашъ Пастырь согласился?
И намъ къ Москвѣ нейти?

ПАЛИЦЫНЪ.

Онъ даже и поднесь
Съ отъѣзда моего терпѣлъ, страдалъ, крѣпился.

МИНИНЪ.

О добрый Пастырь душъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Я въ сей одеждѣ здѣсь
Нарочно кроюся давно ужь потаенно,
Чтобы увѣдомить о всемъ подробно васъ,
И какъ противъ враговъ вамъ весть себя надежно.
Но вождь вашъ — Ты?

МИНИНЪ.

Я?—Нѣтъ!—Пожарской храбрый Князь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Гдѣ жь онъ?

МИНИНЪ.

Тамъ въ шаборѣ, иль шакъ я полагаю;
Не озираешъ ли онъ Трубецкаго сшанъ
И положенье мѣсшъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сего не понимаю,
Зачѣмъ бы Трубецкой къ вамъ не явился самъ.

МИНИНЪ.

Что жь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Чудный это вождь! Ему бышь должно раду
Прибышью вашему, и съ лаской всшрѣшишь васъ.

МИНИНЪ.

А развѣ чувсшвуешъ какую онъ досаду?

ПАЛИЦЫНЪ.

Я не скажу шого; но нѣкій шайный гласъ
Здѣсь носишся, что онъ Пожарскаго не любишъ.
Бышь можешъ, слухъ пусшой, иль зависшь иногда —
Ты знаешь, что вождей она нерѣдко губишъ.

МИНИНЪ.

Великихъ прямо душъ шоль низка сшрасшь чужда.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но можно же сказашь за шайну между нами,
Что власшолюбіе и первенсшво чиновъ
Вершѣло и вершишъ большими головами.

МИНИНЪ.

Сшеречься должно намъ, изъ сихъ я вижу словъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не худо. Да и твой каковъ начальникъ свойствомъ?
Тожь не подверженъ ли онъ слабостямъ какимъ?

МИНИНЪ.

Наполненъ честностью и истиннымъ геройствомъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Да сила Божія всегда пребудетъ съ нимъ!
Однако говорятъ, что будто онъ женами
Бываетъ уловленъ, ихъ нѣжностьми плѣнясь.
Всего опаснѣе сражаться съ красотами!
Марининыхъ волшебствъ, прелестныхъ силу глазъ,
Я мню, ты вѣдаешь по всенародну слуху,
Что, обольстя собой Отрепьева она,
Поджогу хитростьми коварному вливъ духу,
Взнеслась съ нимъ на престолъ, какъ изъ-за тучь луна.
Да и по немъ еще до днесь не унываетъ;
Но многихъ Лжецарей, подъ именемъ его,
Назвавшися женой, вновь скиптра досягаетъ.
Тушинскаго на дняхъ, въ Коломнѣ, своего,
Хоть успокоила; но тайными путями
Въѣзжаетъ и въ Москву, всѣхъ ссоритъ и мутитъ
Бояръ своей красой. Сегодня съ Поляками,
А завтра съ Русскими вновь брачиться манитъ;
По рощамъ, по садамъ ліетъ свой ядъ зловидной.
Заруцкій весь ея, — и словомъ: въ хитростяхъ
Со златосребряной сверкающей ехидной
Віющейся она похожа во цвѣтахъ.
Самъ ею Трубецкой, какъ очарованъ, ходитъ;
Обрывшись въ таборѣ, хотя и стыдъ несетъ,
Но войскъ своихъ на брань ни мало не готовитъ;

Стоитъ, не дѣйствуетъ: его какъ будто нѣтъ.
И о твоемъ Вождѣ, тобой толь восхваленномъ,
Злорѣчный до моихъ достигнулъ слухъ ушей :
Что кто-то зрѣлъ его во образѣ смятенномъ
Отъ взгляда одного Марининыхъ очей.

МИНИНЪ.

Все можетъ быть: но гдѣ ему въ нее влюбиться?
Въ деревнѣ на одрѣ онъ съ годъ лежалъ отъ ранъ,
И я всегда съ нимъ былъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Мнѣ должно согласиться,
Коль такъ ты говоришь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ПОЖАРСКОЙ.

(Съ нѣсколькими нижними чиновниками.)

ПОЖАРСКОЙ.

(Чиновникамъ.)

Обвесть вкругъ цѣпью станъ,
И безъ меня ни кто бъ! . . . .

(Чиновники кланяются, и уходятъ.)

МИНИНЪ.

(Палицыну.)

Вотъ воинствъ Предводитель.

(Пожарскому.)

Отецъ Аврамій здѣсь.

ПОЖАРСКОЙ.

Ахъ, преподобный другъ!
Позволь себя обнять.

ПАЛИЦЫНЪ.

Почтенный повелитель!
Безмѣрной радостью объятъ теперь мой духъ,
Что ты Вождемъ у насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

А я и не примѣтилъ,
Что на себя ты взялъ простонародный видъ:
Здоровъ ли ты, отецъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Нарочно такъ васъ встрѣтилъ,
Что злоба по пятамъ вездѣ меня слѣдитъ:
Но Богъ хранитъ еще.

МИНИНЪ.

Онъ вѣрнымъ щитъ отъ мести.

ПОЖАРСКОЙ.

Что дѣлаютъ въ Москвѣ? и какъ нашъ Гермогенъ?

МИНИНЪ.

Не такъ-то, говорятъ, тамъ радостныя вѣсти:
Злѣ Пастырь страждетъ сей отъ чадъ своихъ измѣнъ,
Томится муками, и силятся Бояра,
Чтобы прещенье онъ послалъ свое на насъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чтобъ намъ нейти къ Москвѣ?

МИНИНЪ.

Какъ громы, клятва яра
Ужасна воинству.

ПОЖАРСКОЙ.

Уже ли клятвы гласъ
Отецъ произнесетъ?

МИНИНЪ.

Дай силъ ему, Создатель,
Мученье снесть!

ПАЛИЦЫНЪ.

Лишенъ онъ наконецъ жезла,
Взведенъ на лобное, и самъ его терзатель
Не можетъ причинить ему ужь больше зла.
Всевышней силою боль плоти побѣждая,
Какъ діамантъ, стенетъ подъ молотами твердъ;
А о напастяхъ лишь отечества вздыхая,
Онъ молитъ за враговъ; дрожимъ мы: милосердъ,
Онъ вѣрно не снесетъ того позора града,
Какъ старцы и вдовы съ дѣтьми къ нему на стогнъ
Придутъ, возопіютъ, что въ немъ одномъ отрада,
Спасенье ихъ и жизнь. Разжалобится онъ,
И, чтобъ избавить ихъ отъ тягостныя дани,
Страданія и мукъ, онъ васъ остановитъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Уже ли злы на всѣхъ и всѣхъ губятъ тираны?

ПАЛИЦЫНЪ.

О паствѣ что своей усердно Пастырь бдитъ,
Нарочно вкругъ него народъ весь собираютъ,
Полъ, возрастъ не щадятъ, таскаютъ изъ домовъ:
Въ слезахъ весь градъ.

МИНИНЪ.

Святынь и санъ не почитаютъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

И тѣ ограблены отъ хищныхъ сихъ волковъ.
Порфира Царская и мантья Іерарха,
Клейноды, утвари, безъ перлъ въ грязи лежатъ;

Въ чертогахъ, въ алтаряхъ кони, и не Монарша
Столица днесь Москва, но дебрь звѣрей, засадъ,
Гдѣ жалости, стыда и людскости не знаютъ,
Но женъ и дѣвъ влекутъ на всенародный срамъ:
А вожди, стоя вкругъ, въ ладоши ударяютъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Но что же дѣлаютъ Бояра Русски тамъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Сквозь пальцы зрятъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Какъ! какъ! Или погасло чувство
Въ нихъ человѣчества, къ отечеству любви?
Быть можно плѣнникомъ, но не сносить распутство.
Зрѣть Россу Россовъ стыдъ! Пожарской, не живи!

МИНИНЪ.

Закрой свой, Мининъ, зракъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Съ неба наказанье!

ПОЖАРСКОЙ.

Знать, обезумѣли! Какая польза въ томъ,
Чтобъ зрѣть отечество въ толикомъ поруганьѣ?
Не лучше ль умереть, чѣмъ подлымъ быть рабомъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Корыстолюбца духъ, собою зараженна,
Народной гордости и благородства чуждъ;
Златая цѣпь, ему тираномъ наложенна,
Милѣй всего;— и для своихъ онъ чуждъ,
Для низкихъ, прихотей, какъ червь въ пыли влачится.

Онъ не заботится, въ объятьи нѣги спитъ:
Вотъ пагубныхъ вельможъ живое описанье
И изъясненье ихъ къ отечеству любви!
Хотя Россія вся теперь въ тоскѣ, въ стенаньѣ,
Погружена въ слезахъ, обагрена въ крови;
Но дремлетъ сонмъ Бояръ, не зритъ на честь и
славу,
А богатѣтъ на счетъ лишь обща многимъ вреда.
За вотчинами шлютъ, за златомъ къ Владиславу,
И бьютъ ему челомъ безъ всякаго стыда,
Чтобъ имъ награду далъ за бунтъ и за измѣну.

ПОЖАРСКОЙ.

Что жь онъ?

МИНИНЪ.

Я мню, онъ радъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Измѣна хоть мила,
Измѣнникъ нетерпимъ. Но онъ не казнь въ замѣну,—
Имъ обѣщаетъ все.

МИНИНЪ.

Москва бъ его была.

ПОЖАРСКОЙ.

О подлыя сердца! льзя ль чтить въ васъ благород-
ство,
Коль пьете своего Отечества вы кровь?
Но въ Русскихъ есть еще душъ нѣкихъ превосходство,
Которыхъ къ истинѣ животворитъ любовь.

(Въ сторону.)

Хотя, къ несчастію, они и рѣдко видны. . .

ПАЛИЦЫНЪ.

Въ тебѣ подпору, Князь, одномъ Россія зритъ:

МИНИНЪ.

Надежда ты!

ПОЖАРСКОЙ.

Хвалы излишнія обидны.
Что сдѣлать я могу?—Одинъ скуделенъ щитъ.
Но властью ваша коль любовь меня почтила,
И продолжите вы ее: готовъ, друзья,
При вашихъ знаменахъ стоять, поколь есть сила.

МИНИНЪ.

Пролью въ виду твоемъ мою всю кровь и я.

ПОЖАРСКОЙ.

Ступайте! Богъ. . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ.

(Съ нѣсколькими воинами.)

МИНИНЪ.

(Тихо Пожарскому.)

Смотри, будь съ нимъ ты остороженъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Хоть медленно, но вы пришли. Безмѣрно радъ.

ПОЖАРСКОЙ.

И мы: скорѣйшій намъ походъ былъ не возможенъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Во ожиданьи васъ, я осадилъ ужь градъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Препятствія многія. . . .

МИНИНЪ.

На жизнь даже ехидны
Дерзали.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чью?

МИНИНЪ.

(Указывая на Пожарскаго.)

Его.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ такъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ толпѣ ножомъ.

МИНИНЪ.

Невидимо его спасъ Промыслъ непостижный.

ТРУБЕЦКОЙ.

А умыслъ чей?

ПОЖАРСКОЙ.

Еще не спрошены о томъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ же мѣръ не брать къ спасенью вашей жизни,
И о сообщникахъ не поспѣшишь узнать?

ПОЖАРСКОЙ.

О безопасности долгъ прежде бдѣть отчизны.

МИНИНЪ.

Подъ стражей крѣпкой я велѣлъ ихъ содержать.

ТРУБЕЦКОЙ.

Я очень радъ, и. . . что меня вы подкрѣпили.

ПАЛИЦЫНЪ.

Князь, у тебя своихъ есть силъ. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

Но обоихъ

Когда бы войскъ полки мы днесь совокупили,
На приступъ бы пошли.—Надежнѣй мочь въ однихъ
Рукахъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Конечно шакъ.

МИНИНЪ.

Своихъ ведемъ мы сами.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Смошря на Минина.)

Кшо сей просшолюдинъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Почшенный Мининъ, шошъ
Нижегородскій госшь, чшо щедрыми руками
Принесъ богашсшва въ даръ, и возбудилъ народъ
Къ спасенію Москвы.

ПАЛИЦЫНЪ.

Сокровище небесно
Дабы себѣ обрѣсшь.

ПОЖАРСКОЙ.

Безсмершія вѣнцы.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вошъ доблесши примѣръ! Вошъ дѣло славно, чесшно,
И благородсшво чѣмъ должны сшяжашь купцы!
Ошличный Гражданинъ! просши, чшо недовольно
Почшилъ шебя, узря шеперь я въ первый разъ.

(Въ сшорону.)

Горячая глава!

МИНИНЪ.

Незнаніе не больно.
Я, можешъ бышь, шебя самъ огорчилъ чѣмъ Князь!

(Слышанъ гласъ шрубы.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ПОЛЬСКІЙ ТРУБАЧЬ.

(Держащій въ одной рукѣ трубу, а въ другой письмо, приводится съ завязанными глазами воинами Пожарскаго.)

ПОЖАРСКОЙ.

Кто тамъ? Трубачь!

ПАЛИЦЫНЪ.

(Принимаетъ письмо, а трубача тотчасъ воины уводятъ назадъ.)

Съ письмомъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Чьимъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

(Посмотря на надпись.)

Вижу, Гермогена.

ПОЖАРСКОЙ.

О чемъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Прочти, знать, слезъ Москвы не могъ стерпѣть.

МИНИНЪ.

Не ужь-то намъ претитъ спасать Москву отъ плѣна?

ТРУБЕЦКОЙ.

И мужу праведну страшна бываетъ смерть.

ПОЖАРСКОЙ.

(Когда онъ развертываетъ письмо, то выпадаетъ изъ онаго маленькая записочка. Читаетъ:)

«Растерзанъ, изнуренъ, палачь надъ головою
Занесъ уже топоръ! Народъ весь вопіетъ,
Налегъ Синклитъ Бояръ!—Я слабою рукою,

Но гласомъ пастырскимъ грещу: да проклятъ тотъ,
Кто шагъ къ Москвѣ, ...»

МИНИНЪ.

Ахти!

ПОЖАРСКОЙ.

Увы!

ТРУБЕЦКОЙ.

Велѣнье слезно!

ПАЛИЦЫНЪ

Тяжелъ народный стонъ! Такъ добръ былъ, *Пастырь*, ты!
Прости теперь уже, Отечество любезно!
Но что за письмецо? (*Поднимаетъ.*) Его же то черты,
И мелко, мелко такъ, что я не разбираю.
(Отдаетъ Пожарскому.)

ПОЖАРСКОЙ.

(Читаетъ.)

«Благословенъ грядый Отечество спасать!
Дерзайте! — Съ вами Богъ! — Спокойно умираю.»

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ голосъ Пастырскій! Онъ клятву намъ послать
Былъ долженъ изъ-подъ мукъ.

МИНИНЪ.

Онъ не живъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Славенъ въ роды!

ПОЖАРСКОЙ.

Завиденъ жребій тѣхъ и посреди оковъ,
Кто такъ прекрасно свой долгъ отдаетъ природы!
И казнію пролитъ за Вѣру сладко кровь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Намъ должно лишь теперь о томъ распорядиться,
На приступъ какъ итти.

ПОЖАРСКОЙ.

Сзовемъ къ тому совѣтъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Тутъ дѣло больше въ томъ, чтобъ войскамъ съе-
диниться.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ.

МИНИНЪ.

(Трубецкому.)

Нѣтъ! я сказалъ, что Мининъ не пойдетъ
Безъ общаго на то согласія съ народомъ;
Казна его.

ПАЛИЦЫНЪ.

Постой, подумай, не сердись;
Согласіе вождей на брань передъ походомъ
Порука торжества. — Послушай, и рѣшись
Итти въ совѣтъ. Ты тамъ свои причины скажешь.

МИНИНЪ.

Не медлить бы.

ПОЖАРСКОЙ.

Хотя къ себѣ попросимъ въ станъ.

МИНИНЪ.

(Пожарскому.)

Къ тебѣ итти? — Иду.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Минину.)

Куда, къ кому прикажешь;
Я только воинамъ моимъ приказъ отдамъ.

(Приказываетъ на ухо воинамъ. Пожарской, Палицынъ и Мининъ, а потомъ и воинъ уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Трубецкой, оставшись одинъ, въ размышленіи, и посмотрѣвъ за ними въ слѣдъ.

Породой, саномъ я Пожарскаго знатнѣе
И старѣ лѣтами:—мнѣ ль съ нимъ быть наравнѣ?
Подъ нимъ же службу несть еще того страннѣе;
А Мининъ, да и онъ, не подчинятся мнѣ
И исполнять моихъ намѣреній не станутъ:
Такъ нѣтъ надежды мнѣ достичь моей мѣты.
А громы общіе хотя на градъ и грянутъ;
Но войскъ я не глава: такъ вздоръ мои мечты.

(Увидя стражу.)

А, стража! — Да, тамъ ждутъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Театръ представляетъ ночь. Подъ предводительствомъ Сотника выходитъ отрядъ воиновъ, и часовыми занимаетъ притины около лагеря. Изъ остальныхъ учреждается стража, которая оружіе ставитъ въ пирамиду.

СИГНАЛЪ ЧАСОВЫХЪ.

(Вдали за пушками.)

Речитативъ.

Внимай,
Смѣкай;
Блюдись,

Крѣпясь;
Терпи,
Не спи;
Богъ нашъ
Всѣхъ стражъ.

ХОРЪ СТРАЖИ.

Тѣни мелькаютъ,
Звѣзды сверкаютъ,
Царствуетъ ночь;
Сонъ, отъ насъ прочь
Бѣги ко врагамъ:
Не нуженъ ты намъ;
Не нуженъ,—не дремлемъ,
Но долгу лишь внемлемъ
И крѣпко стоимъ,
Во браняхъ крѣпимъ
Мы вѣрностью грудь,
И слава нашъ путь.

(Послѣ сего хора слышны на башнѣ градской куранты. Бьетъ часъ ночи, и стража идетъ для смѣны часовыхъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ въ тѣни ночной Москву со стороны Хорошевскихъ луговъ. Острогъ Трубецкаго, обнесенный валомъ, палисадникомъ и рогатками, окружаетъ часть Бѣлаго Города. На башняхъ сквозь окна мелькаютъ огни. На бойницахъ часовые, пищали, туры и прочія осадныя орудія. Въ сторонѣ роща.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАРУЦКОЙ.

(Одинъ, растворивши рогатку.)

Ужь время бъ возвратиться.

Но онъ, мнѣ кажется, и помощи не радъ;
Боярствомъ думаетъ своимъ превозноситься,
И какъ бы только всѣхъ подъ власть свою прибрать;
А тамъ хоть и въ Цари.—Но нѣтъ, мой Князь
надменный,
Не проведетѣ меня. На Царской вышинѣ
Я быть хочу и самъ. —Да чьи жь къ ней толь
священны,
Какъ не мои, права? — Марина руку мнѣ
И сердце отдала. По Дмитріи жь другому
Кому тронъ, какъ не ей?—Угомоню Бояръ:
Такъ не ломаться ужь со мною Трубецкому.

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАРУЦКОЙ и ТРУБЕЦКОЙ, съ воинами.

ТРУБЕЦКОЙ.

Меня ждешь?

ЗАРУЦКОЙ.

Ночь!

ТРУБЕЦКОЙ.

Держалъ военна спора жаръ.

ЗАРУЦКОЙ.

Что положили вы?

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты, напримѣръ, что чаешь?

ЗАРУЦКОЙ.

Я? — Ничего.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Такъ. — Союзныхъ войскъ совѣтъ
Всегда ничто.

ТРУБЕЦКОЙ.

Едва ль не дѣльно разсуждаешь;
Всякъ хочетъ быть большой, своихъ всякъ ищетъ мѣстъ.

ЗАРУЦКОЙ.

И такъ у васъ раздоръ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Да. Казначей, въ упрямствѣ,
Сверкая взорами и бердышемъ тряся,
И слышать о моемъ не хочетъ онъ начальствѣ.

ЗАРУЦКОЙ.

Уговорить бы кто нибудь его взялся.
Что жь такъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ говоритъ: народъ-де въ управленье
Все воинство свое, сребра и злата тму,
Ради Московскаго и всей Руси спасенья,
Пожарскому во власть повѣрилъ одному:
Такъ кромѣ онъ его. . . .

ЗАРУЦКОЙ.

А тотъ не отрицаетъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Напротивъ, кажется, сему отличью радъ;
Превозношеніе въ очахъ его блистаетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Пядень укоротить.. . . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

Что ты? — Да не мрачатъ
Такія мысли насъ! И такъ подозрѣваютъ,
На жизнь его открытъ какой-то будто ковъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Кого жь въ злодѣйствѣ семъ, не насъ ли обвиняютъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Схватили, говорятъ, твоихъ двухъ казаковъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Напраслина, поклепъ. *(Въ сторону.)* Какая неудача!
Нѣтъ, Князь, далеко такъ не распростру я зла:
Но стыдъ и пагуба! . . . Боязнь полезнѣй плача.
Не худо, какъ бы спесь немного убыла!

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Пусть они одни на городъ наступаютъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но положилъ Совѣтъ двухъ воинствъ приступъ
вдругъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Мы подождемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіе измѣною признаютъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Никакъ: лишь не съ одной страны иmmи, а съ двухъ.
Въ примѣръ: съ Петровки онъ, намъ съ Яузы пу-
ститься.
Его тамъ отобьютъ: ты не видалъ,—назадъ.
Что дѣлать? хоть Литва тѣмъ сильно ободрится,
Но подчиниться онъ тебѣ ужь будетъ радъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И впрямъ, совѣтъ твой здравъ. Для блага общей цѣли
И хитрость иногда позволена вождямъ.
Тѣмъ паче, мысль сію въ совѣтѣ мы имѣли,
Чтобъ войски раздѣлить по разнымъ намъ мѣстамъ.
Пожарской нынѣ же увидится со мною:
Мы съ нимъ поговоримъ; а ты? . . . .

ЗАРУЦКОЙ.

Покоенъ будь.
Какъ нужно, такъ моихъ я приготовлю къ бою.

(Трубецкой уходитъ; а онъ въ слѣдъ ему, грозя булавою.)

Не долго пыжиться такъ барска будетъ грудь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Марина въ Польскомъ воинскомъ платьѣ, крадется близъ палисадника, неся въ рукахъ узелъ и ракету.

МАРИНА.

(Тихо.)

Тутъ кто-то есть.

ЗАРУЦКОЙ.

(Не видя ея.)

Ужь часъ; а нѣтъ еще Царицы.

МАРИНА.

(Тихо жъ.)

Боюся, чтобы какъ на стражу не найти.
Онъ, что ль?

(Ударяетъ въ огниво кремнемъ.)

ЗАРУЦКОЙ.

Тамъ, кажется, огня блестятъ крупицы:
Такъ это знать она.

(Также высѣкаетъ огонь.)

МАРИНА.

(Тихо.)

Заруцкой! это ты?

ЗАРУЦКОЙ.

(Съ отверстыми объятіями бросается.)

Царица! здѣсь тебя давно я ожидаю.
Но въ пору самую могла бы въ тмѣ такой
Ты съ Трубецкимъ сойтись, по этому случаю,
Что только онъ теперь здѣсь говорилъ со мной.

МАРИНА.

Какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Шелъ отъ Воеводъ на помощь къ нимъ пришедшихъ,
Пожарской съ войскомъ вѣдь. . . .

МАРИНА.

И Мининъ, слышно, тутъ.
Но по анаѳемахъ, отъ Церкви прогремѣвшихъ,
Уже ль они еще пойдутъ къ Москвѣ?

ЗАРУЦКОЙ.

Идутъ.

МАРИНА.

Твои жь посланники нашли ль надежно средство?

ЗАРУЦКОЙ.

Подъ стражей ужь сидятъ.

МАРИНА.

Что слышу я, мой другъ!
Мы какъ же отвратимъ толь близкое намъ бѣдство?

ЗАРУЦКОЙ.

Не знаю.

МАРИНА.

О бѣда!

ЗАРУЦКОЙ.

Любоначальства духъ
Свой пламенникъ возжегъ межь нашими вождями;
Всякъ хочетъ властвовать: такъ я стрѣлу пустилъ,
И Трубецкой ужь ей. . . .

МАРИНА.

Что ты?—Онъ недругъ съ нами.

ЗАРУЦКОЙ.

Не такъ, чтобы совсѣмъ. . . .

МАРИНА.

Чтобъ Русскій измѣнилъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ этого сказать о немъ не можно:
Но мудрость состоитъ людей искусныхъ въ томъ:
Враговъ своихъ завесть такъ въ сѣти осторожно,
Чтобъ не могли они и мысль имѣть о томъ.

Я въ Трубецкомъ узналъ презлое самовластье,
И вмигъ измѣнитъ онъ, не думавъ измѣнять.

МАРИНА.

О мудрый человѣкъ! того ты стоишь счастья,
Чтобъ, руку взявъ мою, на тронѣ возсѣдать.

ЗАРУЦКОЙ.

Намъ остается взять теперь такія мѣры,
Чтобы еще какихъ не встрѣтилось невзгодъ.

МАРИНА.

Я Русскихъ не страшусь ни храбрости, ни вѣры;
А дѣло въ томъ теперь, чтобъ удержать ихъ ходъ,
Доколѣ къ намъ сюда Желтовскій не приспѣетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Гдѣ жь онъ?

МАРИНА.

Подъ Вязьмой ужь.

ЗАРУЦКОЙ.

Да, труденъ переломъ,
Коль Патріаршій громъ въ нихъ ужаса не сѣетъ,
Тобой исторгнутый.

МАРИНА.

А красота съ умомъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Они всего сильнѣй!

МАРИНА.

Послушай же, вотъ средства:
(Указывая на ракету.)
Коль лучь ея блеснетъ надъ градомъ въ облакахъ,
Возстанетъ тамъ пожаръ. Съ сего мы будто бѣдства

Съ толпою женъ къ вождямъ прибѣгнемъ во слезахъ;
Пожарскаго смягчимъ, и будемъ домогаться,
Чтобъ къ дѣтямъ ихъ и къ нимъ онъ жалость возъимѣлъ,
И гладомъ, духотой въ осадѣ истребляться
Не допустилъ сихъ жертвъ, а выпустить велѣлъ.
Намъ, кромѣ жалости, сіе тѣмъ нужно паче,
Чтобъ духа воиновъ ихъ стонъ не отнималъ,
И плѣнный бы народъ, толпой бродящій въ плачѣ,
Самимъ намъ нужный хлѣбъ, какъ червь, не поѣдалъ.
Къ тому жь, ты вѣдаешь, что собрано богатство:
Такъ этимъ случаемъ мы вывеземъ сей кладъ,
Покудова разбой, грабежъ и святотатство
Его не растощатъ, какъ городъ будетъ взятъ.
Иль къ Русскимъ не пойдетъ условьемъ онъ на сдачу?
Главнѣе же всего мнѣ хочется взглянуть
На юнаго вождя. — Ты разрѣшишь задачу.

ЗАРУЦКОЙ.

А! симъ остановить. — Меня лишь не забудь.

МАРИНА.

Не бойся! на, возьми завязанну личину
И платье женское. Сейчасъ въ нихъ нарядись,
Чтобы не быть ничѣмъ похожу на мужчину,
И въ этомъ образѣ опять ко мнѣ явись.

ЗАРУЦКОЙ.

На что?

МАРИНА.

Одной итти въ чужой мнѣ станъ не можно,
А въ видѣ мужескомъ тебя тамъ знаютъ всѣ.

ЗАРУЦКОЙ.

Царица! женщиной бышь воину не должно:
Избавь!

МАРИНА.

Такъ надобно.

ЗАРУЦКОЙ.

Прошивишься ль красѣ?
(Берешъ ракешу и узелъ.)

МАРИНА.

(Показываешъ на ракешу.)

И шы пусши ее съ средины рощи эшой.
Московски жишели пускай на блескъ глядяшъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Сей часъ.

(Уходишъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА.

(Одна.)

Мнѣ прежнею порфирой бышь одѣшой,
Я вижу, шрудносши ужасны предсшояшъ:
Но духу бодрому нѣшъ шерна для короны,
Нѣшъ невозможносши для возвращенья царсшвъ.
Кшо чесшолюбія хошь разъ познавъ законы,
Ошкрышо поприще шому для всѣхъ коварсшвъ.
Чшо нужды? Трубецкой, Желшовскій полномочной,
Пожарской, Владиславъ, Заруцкой ли какой?
Мужчины всѣ равны для женщины роскошной.
Кого не озаришъ блескъ солнечный собой?
Лишь цѣли бы досшичь. Но идушъ.... Удалюся.

(Уходишъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЖАРСКОЙ, МИНИНЪ, ПАЛИЦЫНЪ, И НѢСКОЛЬКО ВОИНОВЪ.

ПОЖАРСКОЙ.

Здѣсь, вѣрные друзья, немного отдохнуть;
Я слово съ Трубецкимъ, и тотчасъ возвращуся.
(Уходитъ съ воинами.)

МИНИНЪ.

(Въ слѣдъ.)

Но не замедли же.

ПАЛИЦЫНЪ.

Совѣта не забудь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ПОЖАРСКАГО.

МИНИНЪ.

Ты жилъ въ Москвѣ, отецъ! Повѣждь, откол крамолы
Произошли у насъ, что льютъ такъ нашу кровь?

ПАЛИЦЫНЪ.

Отъ окружающихъ Бояръ Царей престолъ.
Какъ грозный Іоаннъ нисшелъ во смертный ровъ,
На тронѣ по себѣ оставя скорбна сына,
Коварный Годуновъ, его супруги братъ,
Прельщенный симъ родствомъ и блескомъ знатна чина,
Смѣлъ вожжи Царскія въ злодѣйски руки взять;
И сладкой упоясь отравой вышней власти,
О скипетрѣ мечтать надменной сталъ душей.

МИНИНЪ.

Съ своею силой всякъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Да.

МИНИНЪ.

Нѣтъ ли тутъ какихъ недружескихъ затѣевъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

А развѣ нужно быть по разнымъ вамъ мѣстамъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Мы силы раздѣлимъ чрезъ то своихъ злодѣевъ.

МИНИНЪ.

(Усмотря пожаръ въ Москвѣ.)

Ахъ! что это? — Пожаръ!

ПОЖАРСКОЙ.

Пресильный!

ПАЛИЦЫНЪ.

Казнь врагамъ.

(Въ сіе время слышится въ рощѣ отклинкъ разныхъ голосовъ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Пойдемъ, пора! (*Хочетъ итти.*) Но что?

(Останавливается.)

РЕЧИТАТИВЪ.

(Разныхъ голосовъ слышныхъ въ рощѣ.)

Здѣсь лѣсъ!
Мы здѣсь!
Туда!
Сюда!
Чтобъ намъ

Къ врагамъ
Не пасшь
Бы въ пасшь.

МИНИНЪ.

Будь осшороженъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Марина и Заруцкой, первая въ мужскомъ плашьѣ, какъ была, а вшорой въ женскомъ и въ маскѣ, съ нѣсколькими гражданками изъ рощи выбѣгаюшъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

Ай! помогише,
Бѣдныхъ спасише:
Губишъ пожаръ;
Домы, сшроенье,
Пищу, имѣнье
Пламень пожралъ.
Ай! помогише,
Бѣдныхъ спасише!

ПОЖАРСКОЙ.

Да чшо вы за люди?

МИНИНЪ.

Ошкуда?

ПАЛИЦЫНЪ.

И къ кому?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ шакомъ ошчаяньѣ! И чѣмъ мы вамъ поможемъ?

МИНИНЪ.

Москва не наша вѣдь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Пришомъ въ ночную шму.

ЗАРУЦКОЙ.

Вы можеше помочь.

МАРИНА.

Вы добры, милосердны,
И любише спасашь.

МИНИНЪ.

Какъ? чѣмъ?

ПОЖАРСКОЙ.

Скажише намъ.

МАРИНА.

Вы видише пожаръ: анбары наши хлѣбны
Горяшъ, сгорѣли ужь; нѣшъ пищи и дѣшямъ.
Приходимъ подъ покровъ къ мужамъ шоль благо-
родньмъ
О милосши просишь.

ПОЖАРСКОЙ.

Какой?

МАРИНА.

Невинныхъ сихъ
И прочихъ бѣдныхъ спасшь, позволивъ бышь сво-
боднымъ,
Изъ града и съ дѣшьми.

ЗАРУЦКОЙ.

Спасшь ошъ напасшей злыхъ.

МАРИНА.

(Указывая на Заруцкаго.)

Вошъ здѣсь моя жена, гражданки вошъ другія;

Ахъ, сжальтесь! (*Про себя.*) Какъ хорошъ! и, можетъ быть, влюбленъ!

ЗАРУЦКОЙ.

Отрите токъ съ очей, отъ сердца скорби злыя!

МИНИНЪ.

Я худо вѣрю вамъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Глядя на плачущихъ гражданокъ.)

Прекрасныхъ слезы женъ
Какъ стрѣлы въ сердце мнѣ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Чего себѣ хотите,
Творите то другимъ.

МИНИНЪ.

Да, такъ въ заповѣдяхъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Все сдѣлано для васъ; скорѣе лишь пришлите
Отъ Думы къ намъ Пословъ: я женъ, дѣтей не врагъ.

ХОРЪ ГРАЖДАНОКЪ.

О какъ великодушны
Россійскія сердца!
Всѣмъ доблестямъ послушны,
Подобіе Творца;
Сколь въ браняхъ храбры, тверды,
Столь къ бѣднымъ милосерды,
Склонны къ добру душой.
Такъ всякъ изъ нихъ Герой!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ на *Трехъ Горахъ* густую еловую рощу. Сквозь просѣки видны: на лѣвой рукѣ вдали Москва, на правой поля съ жатвою, и деревня; а посреди Москва рѣка, и чрезъ нее прямо къ замку Маринину мостъ. Все сіе освѣщено луною.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пожарской и Трубецкой ходятъ между деревьями въ задумчивости, не видя другъ друга, и появляются *порознь*.

ПОЖАРСКОЙ.

Какое сходство! Съ кѣмъ? Придумать не умѣю.
Разительны красы, пріятный, нѣжный взоръ,
Какъ дѣва юная! И коль представить смѣю,
То видѣлъ, видѣлъ я сихъ прелестей соборъ!
Но гдѣ? Не тамъ ли?—Да, какъ въ пышной колесницѣ
На сребреблещущихъ осьми она коняхъ
Невѣстой ѣхала Лжедмитрія къ столицѣ.
Не братъ ли то ея?—Иль не сама ли, ахъ!
Съ тѣхъ поръ живущая въ мечтахъ моихъ Марина?
Я тѣло излечилъ, но духа раны, — нѣтъ.
Не для меня ее произвела судьбина;
Но царствуя, она въ душѣ моей живетъ.
Хоть съ брани я тогда безъ чувствъ былъ извлеченнымъ,
Всесильный взглядъ ея остался во умѣ;
Я помню только то, что ей былъ побѣжденнымъ;
Въ ней божество мое! — Но гдѣ? въ какой я тмѣ?
(Уходитъ за деревья.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Выходя съ другой стороны.)

А гдѣ же мой Гетманъ?—Ко мнѣ не возвратился.
Мнѣ надобно ему нашъ планъ тотъ сообщить.
Что съ разныхъ мѣстъ итти Пожарской согласился
Для приступа къ Москвѣ: то онъ бы поступить
Готовъ былъ по тому. Уже ль тѣмъ на измѣну
Отчизны посягнемъ?—Нѣтъ, нѣтъ; а только бъ
намъ
Унизить Минина съ Пожарскимъ рать надменну.
Соревнованіе простительно вождямъ:
Не смѣетъ надъ другимъ искать кто превосходства,
Вѣкъ черепахой ползть тотъ будетъ предъ орломъ.
Лишь честолюбіе знакъ вѣрный благородства.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТОТЪ ЖЕ И ЗАРУЦКОЙ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Увидя Заруцкаго.)

А! ты, Заруцкой, здѣсь со мной въ лѣсу одномъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Такъ, здѣсь.

ТРУБЕЦКОЙ.

Отколь и какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Не скрою по знакомству:
Съ Мариною, пришелъ ей планъ нашъ сообщить,
Гдѣ бъ укрѣпить имъ градъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ?—Это къ вѣроломству
Уже толь явный шагъ!

ЗАРУЦКОЙ.

Но иначе отбить
Войскъ ревностныхъ приступъ какъ отъ защиты
слабой?
Какъ безъ лукавства здѣсь кому поверхность взять?

ТРУБЕЦКОЙ.

О! это много ужь.

ЗАРУЦКОЙ.

Мечтательной отрадой,
Безъ вѣрныхъ, сильныхъ мѣръ, смѣшно себя ласкать.
Какое важное въ томъ будетъ преступленье,
Что ихъ отгонять прочь?—Отечество спасать
Не остаемся ль мы со войскомъ въ подкрѣпленье?
Я бъ думалъ сверхъ того нарочно завлекать
Противоборника въ такое положенье,
Чтобъ онъ разнѣжился, разслабъ, и отдалъ власть
Тебѣ свою бы самъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но какъ?

ЗАРУЦКОЙ.

Чрезъ обольщенье.

ТРУБЕЦКОЙ.

Чрезъ что?

ЗАРУЦКОЙ.

Чрезъ страсть любви.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Усмѣхаясь.)

И впрямъ, коль навязать
На шею изъ цвѣтовъ цѣпь страшному Герою;
Не наша бы тогда, его была вина.

ЗАРУЦКОЙ.

Не безпокойся жь, Князь! Все сдѣлано то мною:
Волшебствъ Царицы здѣсь наполнена страна;
Пожарской заведенъ мечтами въ рощу эту,
И въ разныхъ помыслахъ въ ней бродитъ, (*улыбаясь*,) какъ и ты.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Въ смятеніи.)

Какъ я?

ЗАРУЦКОЙ.

Не бойся, Князь! Хотя бъ и ты ту жь мѣту
Имѣлъ, какую я, то стрѣлы красоты
Ужь не для нашихъ лѣтъ. Мы въ силахъ остеречься;
А пылкій юноша впадетъ какъ въ эту сѣть,
Не скоро отъ любви захочетъ онъ отречься;
Тогда. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

О хитрый мужъ! благодарить силъ нѣтъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Все знаешь ты теперь: какъ я пойду къ Маринѣ,
Чтобъ прелести свои и чары всѣхъ заразъ,
Какъ тонкіе силки, разставила бы нынѣ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Одинъ.)

Лукавый человѣкъ! Онъ обольщаетъ насъ.
Пожарской хоть мнѣ врагъ, хоть мнѣ во всемъ
соперникъ,
Но благороденъ онъ: — а этотъ, аспидъ злой,
Подъ видомъ мнѣ услугъ, есть истинный измѣнникъ:
Коварства полонъ онъ, и презираемъ мной!
Не худо бъ было мнѣ Царицыно посредство;
Замысловатъ въ ней умъ, ея прелестенъ зракъ.
(Уходитъ за деревья.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОЖАРСКОЙ.

(Паки является.)

Дорогу потерялъ. — Или какое бѣдство
Приготовляетъ рокъ? Тѣнь луина, блѣдный мракъ,
Трескъ — ходятъ по пятамъ, и дебрей сплетенье
Вокругъ меня вездѣ. Но что со мной ни будь,
Для добродѣтели, Россіи для спасенья,
Нигдѣ сія ничѣмъ не устрашится грудь.
Возстань противъ меня вся тартара утроба,
Подъ Вѣры, вѣрности и правоты щитомъ
Иду, не устрашась, и въ самую сѣнь гроба!
Москву освобожду, и вся награда въ томъ!
Да и какого жь ждать возмездія мнѣ болѣ?
Когда бъ я только могъ отечество спасти,
Природнаго Царя увидѣть на престолѣ,
И Вѣру и законъ и Россовъ вознести

На прежню высошу величія и славы:
О верхъ желанія, край подвигамъ моимъ!
Отечество! когда швой духъ днесь слабъ и нравы,
А мнѣ любезенъ прахъ, пріяшенъ швой и дымъ:
То съ чѣмъ сравняю я шу радосшь, восхищенье,
Какъ если вкругъ себя увижу свой народъ
И въ лаврахъ средь торжествъ и пальмъ во отѣненьѣ?
Благъ смершнымъ выше сихъ и Небо не даешъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОЖАРСКОЙ И ТРУБЕЦКОЙ.

(Всшрѣчаюшся.)

ТРУБЕЦКОЙ.

Какъ, юный Вождь! шы здѣсь?

ПОЖАРСКОЙ.

Чшобъ сну не предавашься,
Одумашь жребій нашъ во предсшоящій день,
Пришелъ сюда одинъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождямъ уединяшься
И мыслишь надобно.

ПОЖАРСКОЙ.

Сквозь лѣсъ и ночи шѣнь
Луна, своимъ лучемъ поверхъ воды сверкая,
Увеселяла мой вдали сіяньемъ взоръ,
Симъ славу нашихъ дѣлъ въ пошомсшвѣ предсшавляя,
Я — шакъ задумавшись — сюда зашелъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сихъ горъ
И бора мрачна шѣнь лежала предо мною,
Какъ съ Хорошевскихъ я пошелъ сюда жь луговъ.

Храмъ вѣчности вдали, покрытый страшной тмою,
Предсшавился мнѣ въ нихъ. Ахъ! въ морѣ семъ
гробовъ,
Я рекъ, потонетъ все. — Сей блескъ луча златаго,
Какъ наши всѣ дѣла и слава, — всѣ помремъ.
Лишь наше счастье днесь. . . .

ПОЖАРСКОЙ.

Нѣтъ счастья намъ инаго,
Какъ общее; и тедъ со славой въ гробъ, живемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вождь юный! ты еще во всемъ не искусился.
Знай: слава съ счастьемъ, Царствъ лишь вольныхъ
входитъ въ кругъ:
Рабъ подъ владыкой рабъ, хотя бъ и отличился;
Способность, умъ ничто, и сильный дремлетъ духъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Свѣтлѣйшихъ предковъ сынъ, Монархами сіявшихъ!
Какая чернота твой разумъ нынѣ тмитъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Нѣтъ, такъ я говорю. Когда бъ что предпріявшихъ
Насъ ожидалъ успѣхъ. Но какъ уже Синклитъ
На Царство пригласилъ изъ Польши Владислава:
То тщетно прилагать Москвы къ свободѣ трудъ;
А напротивъ того и скипетръ и держава
Отъ нашихъ рукъ ему съ покорностью дойдутъ,
И упадемъ предъ нимъ, какъ Дворъ весь раболѣпный;
Щедроты отъ него мы многи пожнемъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Предъ вихремъ дубъ падетъ скорѣе многолѣтный,
Предъ чужероднымъ чѣмъ сей юный Россъ Царемъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Кумиръ коль нуженъ, всякъ равенъ для поклоненья.

ПОЖАРСКОЙ.

Отцевъ моихъ отцу колѣно лишь склоню.

ТРУБЕЦКОЙ.

Но Карла самъ ты звалъ отъ Готѳовъ для правленья:
То Шведъ, или Полякъ, равенъ для Русскихъ, мню.

ПОЖАРСКОЙ.

Безгрѣшное сіе употребя коварство,
Россія я спасалъ другихъ племенъ враждой,
Не думая отдать нимало Шведу Царство.
Мнѣ всякой тотъ кумиръ, кто не почтенъ душой.

ТРУБЕЦКОЙ.

Кумиръ мой первый—я; отчизна мнѣ, гдѣ благо.
О юноша! сбирай съ трудовъ и счастья плодъ!
Безпечнымъ о себѣ пространство міра наго,
Раскаянье назадъ дней прошлыхъ не ведетъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Гдѣ жь честность, вѣра, Князь! Гдѣ слава, добродѣтель?

ТРУБЕЦКОЙ.

Все въ насъ. — Жить для себя.

(Отворачивается.)

ПОЖАРСКОЙ.

Прекрасный образъ думъ!

(Въ сторону.)

Такъ деревомъ гнилымъ бываетъ идолъ свѣтелъ.

(Слышно по лѣсу зовъ рога, лай псовъ и порсканье охотниковъ.)

РЕЧИТАТИВЪ.

(Въ рощѣ.)

Ступай!
Сзывай
Съ лѣсовъ
Всѣхъ псовъ
На край.
Ай, ай!

ПОЖАРСКОЙ.

Что слышу?— Не рога ль, лай псовъ, охоты шумъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Не время, кажется, охотой забавляться.

ПОЖАРСКОЙ.

Подъ лунный развѣ блескъ, шутя. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

Быть можетъ, впрямъ,
Что царедворцы здѣсь съ Царицей веселятся,
Въ звѣринцѣ, въ домѣ семъ, она своимъ друзьямъ
Веселье, говорятъ, вседневно вымышляетъ;
Въ различныхъ рѣзвостяхъ проводитъ часто ночь,
И тѣша всѣхъ, сама въ любви и нѣгѣ таетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Показывается по Москвѣ рѣкѣ яхта, разноцвѣтными фонарями расцвѣченная, подъ Польскимъ маршемъ, которая пристаетъ къ берегу по той сторонѣ моста; и Марина съ факелами, въ свитѣ мужчинъ и женщинъ, въ охотничьемъ платьѣ, сходитъ съ нея; а Заруцкой со стороны къ ней присоединяется.

ТРУБЕЦКОЙ.

Вотъ видно такъ, она!

ПОЖАРСКОЙ.

Не удалишься ль прочь?

ТРУБЕЦКОЙ.

Почто жь?—Бояра къ ней Московски прїѣзжаютъ.
Кто что ни говори, а звѣзды средь небесъ,
Которыя хотя минуту поблистаютъ,
Ужь замѣчательны.

ПОЖАРСКОЙ.

Пусть такъ. (*Про себя.*) Ея ль очесъ
Свирѣпая стрѣла мнѣ сердце поразила?
(Трубецкому, глядя на Заруцкаго.)
Но кто же Русскій тамъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Товарищъ это мой,
Казачій Атаманъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Взглянувъ на подходящую Марину, про себя.)
Она меня плѣнила!
(Хочетъ уйти.)

МАРИНА.

Куда сей отъ меня бѣжитъ младой Герой?
(Трубецкому.)
Повѣдай, Князь, ему ты нашей Польши нравы:
Во храбрости своей сумниться тотъ велитъ,
Кто отъ красотъ себѣ не снискиваетъ славы.
Безспорно, мужество въ сраженіяхъ васъ льститъ;
Не меньше жь надобно и между женъ геройство,
Чтобы умѣть своимъ повелѣвать страстямъ.
Притомъ блаженныхъ душъ веселіе есть свойство;
Есть часъ прискорбія, есть часъ отрады намъ;

Потѣтьшеся;—а тамъ Кремля летать на стѣны
Я не препятствую, платите долгу дань.

ТРУБЕЦКОЙ.

Извѣстенъ намъ твой нравъ привѣтливый и нѣжный;

(Указывая на Пожарскаго.)

Но сей, Царица, вождь за казнь сочтетъ пріязнь.

ПОЖАРСКОЙ.

Я? Нѣтъ.

ЗАРУЦКІЙ.

Порукой въ томъ моею головою.

ТРУБЕЦКОЙ.

Здѣсь не нужна она.

ПОЖАРСКОЙ.

Царица побѣждать
Гдѣ можетъ всѣхъ сердца умомъ и красотою. . .

МАРИНА.

Коль это истина. . . .

ПОЖАРСКОЙ.

Не можно тамъ ласкать,
Гдѣ обожаютъ всѣ.

МАРИНА.

Весьма намъ благодарна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Позвольте жь съ вамъ намъ утѣхи раздѣлить.

МАРИНА.

Со удовольствіемъ. (*Громогласно.*) Будь роща лучезарна!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Съ симъ словомъ роща и замокъ освѣщаются, изъ коихъ послѣдній, подобно транспаранту, сквозь сіяетъ; по срединѣ рощи ели и сосны исчезаютъ, а появляется тутъ въ сторонѣ софа.—По оставшимся деревьямъ кругомъ сидятъ амуры съ колчанами. Съ крыльца дома сходятъ Сильфы, Сильфиды, Нимфы, Сатиры и прочіе Духи, которые въ балетѣ представляютъ увеселеніе Армиды съ Ринальдомъ.

ХОРЪ СИЛЬФОВЪ И ПРОЧИХЪ.

Здѣсь храмъ любви и утѣшенья,
Суетъ забвенья и заботъ:
Вкушай, о смертный! наслажденья,
Доколѣ жизнь твоя цвѣтетъ.
Оглянешься, и нѣтъ ужъ цвѣта;
Довольствуйся твоимъ часамъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Про себя.)

Какихъ красотъ соборъ!

ЗАРУЦКІЙ.

(Къ Маринѣ.)

Царица утомить
Могла себя, пробывъ весь вечеръ на охотѣ.

МАРИНА.

Мы сядемъ лучше сей забавы посмотрѣть.

ТРУБЕЦКОЙ.

Когда угодно то. . .

ПОЖАРСКОЙ.

Богининой щедротѣ.

(Марина, взявъ Пожарскаго и Трубецкаго за руки, садится съ ними на софу, обращаяся къ тому и другому ла-

сками своими; а Заруцкій въ стороне показываетъ ревность.)

ЗАРУЦКОЙ.

(Въ сторону.)

Ужь слишкомъ ласково, нетъ больше силъ терпеть!

МАРИНА.

(По окончаніи балета, вставъ.)

Вотъ древни витязи, искавшіе то жь славы
Во браняхъ, какъ и вы, такъ провели ихъ дни:
Но если тешили подобны ихъ забавы,
Не забывали, мню, и яствъ притомъ они.

(Взявъ ихъ по прежнему, уводитъ въ замокъ подъ Польскимъ маршемъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Роща становится по прежнему. Освещеніе и все явлвшіяся существа исчезаютъ, а токмо сіяетъ вдали замокъ и слышна музыка. Палицынъ показывается изъ-за деревъ съ трубою въ рукахъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Одинъ.)

И здесь его ужь нетъ. Но, чу! гремитъ музыка,
Ликуетъ юность средь забавъ своихъ, пріятствъ;
Полки въ слезахъ, а Вождь между прелестницъ лика:
О роскошь! О развратъ! Сколь пало вами Царствъ.

(Уходитъ паки въ рощу.)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЗАРУЦКІЙ.

(Выбѣгая съ безпокойствомъ.)

Мнѣ показалося, какъ будто кто здѣсь крался:
Не соглядатай ли какой ужь насъ слѣдитъ?
Пожарской божествомъ своимъ очаровался,
И Трубецкой въ глаза ей безъ ума глядитъ;
Источница пріятствъ и милаго коварства,
Марина вдругъ на нихъ надѣть умѣла цѣпь;
Лежатъ у ногъ ея. — Но что-то блескъ Боярства
Ей очень нравится. Прелестница! Я слѣпъ,
Но мнѣ коль предпочтешь своей ты ихъ любовью:
Свирѣпствомъ, местью желчь всклокочетъ какъ смола,
По селамъ брошу огнь, улью Москву всю кровью,
Усѣю трупами я степь, и вѣчна мгла
Во слѣдъ измѣнѣ сей, во слѣдъ убійству злому,
Покроетъ всѣ мѣста. — Но ужь изъ тмы восшелъ
Свѣтъ солнечный: пора итти мнѣ къ Трубецкому,
Взять въ станъ его съ собой.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Театръ перемѣняется и представляетъ, при восходѣ солнечномъ, въ узорочномъ саду каменную пещеру, близъ которой шумитъ водометъ. На дерновой скамьѣ спитъ Пожарской. Въ головахъ съ цитрою сидитъ Марина; Нимфы подъ деревьями дремлютъ; двѣ же изъ нихъ тонкою бѣлою кисеею, простертою надъ Пожарскимъ, помавая, защищаютъ его отъ яркихъ лучей солнечныхъ.

ДВѢ НИМФЫ.

(Тихо, сопровождая цитрою *Марины*, поютъ.)

Солнце, лучи
Тихо мечи;
Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

ПАЛИЦЫНЪ.

(Глядя на Пожарскаго изъ-за деревъ вдалекѣ.)

Виновница всѣхъ золъ!
Бѣсъ въ свѣтломъ ангелѣ! Какъ обольстить столь можно!
Въ Иродіадинъ садъ его ты скрыла свой.
Вотъ сихъ-то лютыхъ стрѣлъ мужамъ бояться должно;
Отъ женскихъ прелестей палъ не одинъ Герой.

(Трубитъ въ трубу. Пожарской во снѣ вздрагиваетъ.)

НИМФЫ.

(Повторяютъ.)

Солнце, лучи
Тихо мечи;

Дуй чуть, Зефиръ,
Сладкій сонъ, миръ;
Здѣсь, средь цвѣтовъ,
Царствуй, Любовь!

(Палицынъ трубитъ еще. Пожарской пробуждается, а Нимфы сбѣгаются къ Маринѣ.)

ПОЖАРСКОЙ.

Я слышу гласъ трубы, и солнце такъ высоко!
Но гдѣ товарищи?—Ахъ, ихъ со мной ужь нѣтъ!

МАРИНА.

Тебѣ мечтаетъ слухъ, обманываетъ око;
А день едва насталъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Трубитъ третій разъ, и выходитъ на сцену.)

Отечество зоветъ!

ПОЖАРСКОЙ.

(Бросаясь къ нему.)

Аврамій! это ты! (*Закрывая глаза*) Несносная укора!

(Убѣгаетъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Въ слѣдъ его.)

Такъ путы разорвавъ, летитъ къ звѣздамъ орелъ.

(Уходитъ за Пожарскимъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАРИНА И НИМФЫ.

МАРИНА.

Не могъ снесть моего, о малодушный, взора,
И духу—мнѣ сказать: прости!—онъ не имѣлъ.
Увы!

ХОРЪ НИМФЪ.

(Въ слѣдъ Пожарскому.)

Остановися на минуту,
Младой, прекраснѣйшій Герой!
Уйми Царицы скорбь ты люту,
Отри токъ слезъ твоей рукой.
Быть можно ль такъ неблагодарнымъ,
Мертвить за нѣжность, за любовь?
О красота! очамъ печальнымъ
Блескъ возврати скорѣй свой вновь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ Кремль между Троицкою и Боровицкою башнями съ наружности. Изъ Москвы выѣзжаетъ, съ одной стороны обозъ осажденныхъ Русскихъ Бояръ и Польскихъ Вельможъ, съ ихъ женами, дѣтьми и богатствомъ, подъ предводительствомъ двухъ Польскихъ Пословъ. Марина, въ числѣ ихъ, покрыта бѣлою кисейною фатою. Съ другой стороны войско Пожарскаго подъ ружьемъ, подъ командою Минина, съ бердышемъ стоящаго. Въ сторонѣ подъ деревомъ большой камень.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ ЖЕНЪ И ДѢТЕЙ.

Великодушный мужъ! тронися
Невинныхъ женъ, дѣтей мольбой;
На слезы наши преклонися,
Будь нашъ покровъ, отецъ, Герой;
Пусти изъ облежима града;
Отъ смерти насъ спаси и глада.

МИНИНЪ.

Нѣтъ, безъ Вождя я васъ пустить не смѣю.

1-й ПОСОЛЪ.

Намъ дозволеніе объявлено его.

МИНИНЪ.

Могло то быть.

2-й ПОСОЛЪ.

Будь благъ, какъ Богъ.

МИНИНЪ.

Не разумѣю.

1-й посолъ.

Да слава возблеститъ всѣмъ сердца твоего.

2-й посолъ.

Почтенье воздаетъ такимъ Вождямъ вселенна,
Чьи нѣжны чувствія и мужественъ чей духъ.

1-й посолъ.

И чья душа—къ врагамъ на милость обращенна...

МАРИНА.

Чтитъ юность и красы.

МИНИНЪ.

(Отворачивается.)

Къ такимъ я баснямъ глухъ.
Я не привыкъ, и лесть всегда презрѣнна мной.
Довольно, я сказалъ: безъ Вождя не пущу.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, ПОЖАРСКОЙ И ПАЛИЦЫНЪ.

МИНИНЪ.

(Увидя Пожарскаго.)

Гдѣ сынъ отечества, намъ избранный главою?

ПОЖАРСКОЙ.

Онъ здѣсь! — Сей часъ его тебѣ я возвращу;
Къ побѣдѣ надъ собой признанье шагъ.

МИНИНЪ.

Дай, Боже!

ПОЖАРСКОЙ.

Что надобно тебѣ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Единый гласъ трубы
Духъ пылкій, юну кровь, потрясъ утѣхъ на ложѣ.

МИНИНЪ.

(Про себя.)
Но лучше бъ тамъ не быть.
(Къ Пожарскому.)
Мнѣ что на ихъ мольбы?

ПОЖАРСКОЙ.

Ужь это рѣшено.

МИНИНЪ.

Но градъ симъ защищаться
Получитъ больше силъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Слабѣетъ духъ отъ женъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Мы не пришли сюда со слабыми сражаться.
Чѣмъ грознѣе враги, тѣмъ намъ славнѣй ихъ плѣнъ.

МИНИНЪ.

Сокровище везутъ.

ПОСЛЫ.

Мы жертвуемъ казною.

ПОЖАРСКОЙ.

Разбойникамъ, звѣрямъ, добычей лестенъ ловъ.
Я не хочу богатствъ: пускай везутъ съ собою:
Неправедное — прахъ!

МИНИНЪ.

(Къ Палицыну.)
Онъ милуетъ враговъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Великодушіе за зло не признается.

ХОРЪ ТѢХЪ ЖЕ.

Прямой Герой не жаденъ къ злату,—
Его богатство умъ и духъ;
Прими въ сердцахъ ты нашу плату,
Враговъ великодушный другъ!

МАРИНА.

(Раскрывая фату, тихо.)

Неблагодарнѣйшій! — И, не простясь, ушолъ!
Минуту на себя хоть дай мнѣ наглядѣться.
Вотъ та рука, взойдешь которой на престолъ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Увидя ее, содрогается, про себя.)

О сила прелестей (*Колеблясь.*) Увы, изнемогаю!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ГОНЕЦЪ, СЪ ПИСЬМОМЪ КЪ ПАЛИЦЫНУ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Читаетъ.)

«Изъ Вязьмы третій день пошелъ въ Московскій край
«Съ Желтовскимъ Владиславъ.... Я васъ увѣдомляю.»
Вотъ вѣсть!

МИНИНЪ.

Напасть!

МАРИНА.

(Тихо Пожарскому.)

Они мои друзья. . . .

ПОЖАРСКОЙ.

(Выхватя мечь, къ войску.)

Ступай!

(Войски ударяютъ походъ, и подъ слѣдующимъ маршемъ движутся въ одну, а обозъ въ другую сторону.)

ХОРЪ ВОЙСКА.

Кипи въ сердцахъ Россійскихъ кровь,
Ступайте, Вѣры, чести чада!
Зоветъ къ отечеству любовь,
Престольнаго въ защиту града;
Природна ввесть Царя въ чертогъ,
Святыню въ храмы, блескъ престолу,
Смирить въ землѣ раздоръ, крамолу. —
Ступайте, Россы: съ вами Богъ!

(Всѣ съ войсками уходятъ, кромѣ Марины и Палицына.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРИНА И ПАЛИЦЫНЪ.

МАРИНА.

Жестокій, варваръ, тигръ, никѣмъ неумолимый!
Нималой страстію ко мнѣ онъ не горѣлъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Къ чему, Царица, гнѣвъ твой толь неукротимый?
Зачѣмъ ты здѣсь?—Желай, чтобъ онъ успѣхъ имѣлъ,
Когда любимъ тобой.

МАРИНА.

О старче, мнѣ зловредный!
Такъ [illegible] у меня исторгъ его изъ рукъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На правый пушь.

МАРИНА.

Но какъ же льстишься, дерзновенный!
Чтобъ мой послѣ сего къ нему былъ склоненъ духъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

Ты любишь ли его?

МАРИНА.

Пусть такъ.—Но что порфиру
Онъ днесь надѣнетъ мнѣ, сѣдымъ твоимъ челомъ
Ты мнѣ клянись.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не вѣмъ.

МАРИНА.

Такъ знай: всему я міру
Владычица, и мнѣ послушны молньи, громъ.

(Сдергиваетъ съ себя фату, машетъ и убѣгаетъ, отъ чего поднимается вѣтеръ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Въ слѣдъ ея.)

Ахъ, сгинь, треклятая!

ЯВЛЕНІЕ V.

Палицынъ и Мининъ, а за послѣднимъ нѣсколько воиновъ несутъ желѣзный сундукъ и кису.

МИНИНЪ.

Полкъ вражій опрокинулъ
Пожарской, будто левъ, взбѣжавъ съ мечемъ на валъ;
Но зря, что градскій Вождь въ тылъ конницу всю двинулъ,

Мнѣ Козаками ихъ отрѣзать приказалъ.
Да воръ Заруцкій намъ ихъ въ помощь не пускаетъ,
Сказавъ, что онъ безъ мзды не дастъ своихъ полковъ;
И Трубецкой чего, не знаю, поджидаетъ,
Стоитъ, не движится.—О горе! знать, что ковъ
Какой у нихъ на насъ. Провѣдай, преподобный;
Тебя послушаютъ: сходи, уговори;
Вотъ я казну принесъ: Козаки къ злату склонны.

ПАЛИЦЫНЪ.

И мнѣ сокровища свои монастыри
Съ усердьемъ ввѣрили на случаи несчастны:
Коль мало вамъ казны, возьми къ себѣ ты ихъ.

МИНИНЪ.

Коль мы съ тобой душей и сердцемъ такъ согласны,
То ссыплемъ вмѣстѣ кладъ мы и богатствъ своихъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Сдвигаетъ подъ деревомъ лежащій камень, и вынимаетъ большую церковную кружку.)

Корвана церкви здѣсь.

МИНИНЪ.

Угодно ли то Небу?
Когда ее возьмемъ, не согрѣшимъ ли симъ?

ПАЛИЦЫНЪ.

На крайнюю ежели народную потребу
Ее мы праведно и свято обратимъ:
Пріятнѣй Богу то, чѣмъ ѳиміамъ курится.

(Мининъ, вынимая мѣшокъ съ червонцами, а Палицынъ жемчугъ, ссыпаютъ въ кассу; остальное же и кружку заперши въ сундукъ, уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Заруцкій, съ нѣсколькими Козаками, съ поспѣшностію выбѣгаетъ.

ЗАРУЦКОЙ.

Тутъ Мининъ казначей и съ нимъ сѣдой старикъ
Съ народною казной навѣрно должны крыться,
Ищите!—И отъ нихъ, платежъ какъ ни великъ,
Кто взять изъ васъ дерзнетъ, умретъ на мѣстѣ
казни.
(Грозя булавою.)
Ищите, и ко мнѣ представьте ихъ сей часъ!
(Козаки уходятъ съ поспѣшностію, а
онъ въ ярости.)
О! если бъ въ святости, въ личинѣ и пріязни
Попался мнѣ ханжа! (*Глядитъ вдаль.*) Когда не
лжетъ мой глазъ,
Козаки врозь бѣгутъ: знать, взять кто ихъ толпою.
(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Съ другой стороны пробѣгаетъ чрезъ театръ, предводительствуя козачьею дружиною, Межаковъ, изъ средины которой, въ трепетѣ, задыхаясь, выходитъ Палицынъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Одинъ.)
Отъ ищущаго здѣсь врага души моей
Невидимой покрытъ Господней я рукою:
Намъ сила Божія всегда людской вѣрнѣй.
Надежда наша въ Немъ!—Послалъ намъ Межакова:
Онъ скрылъ меня.
(Слышна вдали буря и гроза.)

Но што за бурный слышу ревъ?
Неужель чары то Царицы, духа злова?
Или за бисеры церковны Неба гнѣвъ?

(Становясь на колѣни, вздымаетъ руки къ небу.)

О Боже силъ! Тебѣ стихіи всѣ покорны,
Простри свой свыше перстъ, да сей ужасный громъ
И молньи ниспадутъ на вражій сонмъ злотворный,
И возблеститъ Москва златымъ своимъ челомъ!

(Увидя Трубецкаго, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тотъ же, Трубецкой и Заруцкой бѣгутъ другъ за другомъ, сражаяся одинъ мечемъ, а другой булавою, въ преслѣдованіи воиновъ и Козаковъ, сражающихся же; изъ коихъ первый, выбивая у втораго изъ рукъ его булаву, схватываетъ за воротъ и повергаетъ на землю. Козаки разбѣгаются:

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣй! Такъ это ты, изъ столь друзей мнѣ близкихъ,
Который тайною засадой Козаковъ
Смялъ Минина въ расплохъ, и мнѣ въ долинахъ низкихъ
Разставилъ было свой бездѣльническій ковъ?
Я на тебя давно смотрѣлъ; но Русскимъ Царствомъ
Съ Пожарскимъ чрезъ вражду тебѣ не завладѣть.
Скажи всю истину: зачѣмъ съ такимъ нахальствомъ
Меня съ опричными ты вкругъ сталъ объѣзжать?

(Замахиваясь съ мечемъ.)

Скажи мнѣ, извергъ! Смерть въ рукѣ моей готова.

ЗАРУЦКОЙ.

(Сѣвши.)

Что знать желаешь ты? Коль ты того не зналъ,

Спроси то у себя, или у Годунова.

ПАЛИЦЫНЪ.

Вотъ замыслъ свой куда онъ простирать дерзалъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

(Замятая рѣчь.)

Такъ и Пожарскаго заводчикъ ты убійства?

ЗАРУЦКОЙ.

(Потупя глаза въ землю.)

Хотя бъ. . . .

ТРУБЕЦКОЙ.

Злодѣйствомъ симъ готовилъ казнь себѣ.

(Въ сторону.)

Подъ стражу съ плѣнными!

(Воины, поднявъ Заруцкаго, уводятъ.)

ПАЛИЦЫНЪ.

(Въ слѣдъ ему.)

О демонъ кровопійства!

(Трубецкому.)

Но живъ ли Мининъ нашъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Благодарю судьбѣ,

Онъ бердышемъ своимъ, какъ межь цвѣтовъ косою,
Блисталъ, косилъ главы и ужасъ несъ врагамъ.
Но подъ мостъ было онъ незапною толпою
Едва не сверженъ былъ, какъ я.... Да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И МИНИНЪ.

МИНИНЪ.

О Князь! скажи скорѣй, чѣмъ конченъ бой швой
зѣльной?
Я за шебя дрожалъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Ты видишь, я здоровъ.
Но городъ чшо?

МИНИНЪ.

Какъ поншъ во бурѣ пребезмѣрной
Кипишъ, валы лешяшъ прошивъ другихъ валовъ.
Пойдемъ и подкрѣпимъ. —

(Уходяшъ. Молнія и громъ ошчасу умножающся. Между ударами слышна пальба, гласъ шревожный шрубъ и барабановъ, и напослѣдокъ клики воинсшва; а знамена по сшѣнѣ движушся шуда и сюда.)

РЕЧИТАТИВЪ ВОЙСКЪ.

(За кулисами.)

Трясешся гора,
Колеблюшся сшѣны:
Сюда всѣ знамены,
Сюда всѣ! ура!
Ра, ра, ра, ра.....

ПАЛИЦЫНЪ.

О Боже! дай побѣду.

(Уходишъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Сильный ударяетъ громъ, и часть стѣны Кремлевской отъ Троицкихъ воротъ съ угломъ до Москвы рѣки разваливается. Театръ представляетъ во внутренности Ивановской площади на лѣво Красное крыльцо и Успенскій Соборъ, на право Архангельскій; а посреди прямо колокольню Ивана Великаго. Предъ ней круглый столъ, накрытый червленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою. На немъ на златыхъ блюдахъ регаліи царскія. Вкругъ его сидитъ Дума Бояръ. По стѣнамъ зданій на скамьяхъ сидятъ Жильцы Московскіе, какъ то: Дворяне, Стряпчіе и Гости торговые, на башнѣ и по кровлямъ народъ. Марина въ Царской одеждѣ; подъ багрянымъ покрываломъ, скрывается между Вельможъ на Красномъ крыльцѣ. На сценѣ по обѣ стороны стола Пожарской, Трубецкой, Палицынъ и Мининъ; а Заруцкой въ сторонѣ въ цѣпяхъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Благодарю Творца! Москва свобождена.

ТРУБЕЦКОЙ.

Врагъ прогнанъ изъ Кремля.

МИНИНЪ.

Ужь нѣтъ его и слѣду.

ПАЛИЦЫНЪ.

Но безъ главы теперь отечества страна.

ТРУБЕЦКОЙ.

Сіяющій Синклитъ! Сонмъ царственна Совѣта!
Днесь нужно намъ рѣшить: какой правленья родъ
Удобнѣй можетъ быть для блага полусвѣта?
Примѣры многіе вселенная даетъ.
Римъ славно чрезъ Сенатъ владѣлъ надъ всей вселенной:
Не сближиться ли намъ къ правленію сему?

ПОЖАРСКОЙ.

Въ ограду отъ толпы мятежной, разъяренной,
И тамо часто власть ввѣрялась одному.

ПАЛИЦЫНЪ.

Не токмо въ бурну нощь, какъ съ ревомъ страшны волны
Восходятъ до небесъ, и безднъ падутъ во мглу,
Но плавать по морю въ дни ясны и покойны,
Единъ искусный вождь потребенъ кораблю.

ТРУБЕЦКОЙ.

Такъ изберемъ Царя.

МИНИНЪ.

Съ согласія народа.

ПОЖАРСКОЙ.

И я. . .

ТРУБЕЦКОЙ.

(Громогласно къ народу.)

Внемли народъ! Царя вамъ, иль Вельможъ?

НАРОДЪ.

Речитативъ.

Не надобно баръ:
Да царствуетъ Царь,

ХОРЪ.

Да царствуетъ Царь!
Царь, Царь, Царь.

ПАЛИЦЫНЪ.

Кого же изберемъ?

ТРУБЕЦКОЙ.

Заслуги и порода

Кому на то дают все право:

ПОЖАРСКОЙ.

Мыслю то жь.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Пожарскому.)

Поистинѣ намъ всѣ и недруги и други
Должны отдать ту честь, что въ рядъ другихъ нейдутъ
Ни роды наши, Князь, ни къ отчеству *заслуги*;
А паче о себѣ дерзну напомянуть:
Что если бъ дружбой я Гетманскіе обманы
Не вызналъ, не проникъ всѣхъ тайнъ его пути
И не изрылъ подъ нимъ самимъ глубокой ямы,
Погибнуть бы намъ всѣмъ, Россію не спасти.
Тебя я искушалъ, и градъ держалъ въ осадѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

Радъ честь тебѣ воздать.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Пожарскому.)

Тутъ воля не твоя.

МИНИНЪ.

(Палицыну.)

Да, нѣтъ. (*Трубецкому.*) Ты спасъ мнѣ жизнь; но не прими къ досадѣ,
Ясневельможный Князь! не соглашуся я,
Чтобъ быть Царемъ у насъ тебѣ, или другому,
Безъ выбора отъ всѣхъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

(Съ досадою.)

По слову твоему

Я рекъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

(Народу.)

Народъ! Царемъ Россіи бышь кому
Изъ двухъ, Пожарскому, иль Князю Тру-
бецкому?

ДУМА И НАРОДЪ.

(За кулисами.)

Речитативъ.

Пожарской намъ любъ,
Пожарской намъ любъ.

ХОРЪ НАРОДА.

(Съ шрубами.)

О любо! всѣмъ любо!
Воскликни гласъ шрубъ!
Воскликни сугубо:
Пожарской намъ любъ!

(Мининъ и Палицынъ, взявъ на блю-
дахъ регаліи, подносяшъ Пожарскому.)

ПАЛИЦЫНЪ

Прими жь, избранный мужъ! довлѣющи клейноды

МИНИНЪ.

Достоинсшвамъ швоимъ, и буди намъ главой.

МАРИНА.

(Вдругъ сшедши съ Краснаго крыльца
и спусшя порфиру на плеча.)

Прими во власшь свою безчисленны народы
И сердце нѣжное шы съ шою красошой,
Тобою чшо сшрасшна, и шы въ кого влюбился,
И коя ужь давно Царица сей сшранѣ.

ПОЖАРСКОЙ.

(Въ смятеніи, помолчавъ.)

Съ престола для тебя сойти бы я рѣшился;
А на престолъ взойти неправдой—низко мнѣ.

МАРИНА.

(Съ яростію.)

Гордецъ!

ПОЖАРСКОЙ.

(Поклонясь на всѣ стороны.)

Россіяне! За даръ вашъ, толь усердный,
Позвольте мнѣ вамъ рѣчь признательну простерть:
За подвиги мои, вамъ въ жертву принесенны,
Какихъ желалъ я благъ? – Покой въ Россіи зрѣть.
Взявъ твари сіи, тѣхъ благъ лишусь и славы;
Узря на мнѣ ихъ блескъ, народъ и ликъ Бояръ,
Имѣющій на то важнѣй, быть можетъ, правы,
Не ощутитъ ли вдругъ въ душѣ своей тотъ жаръ,
Что зависть въ насъ родитъ?—Возникнутъ вновь крамолы;
Я, усмиряя ихъ, могу тираномъ стать:
На что не соглашусь вселенной за престолы.
Съ поташкою жь страстей тронъ бурный управлять,
Могу ль я сокрушить хищенья длинны руки,
Ввесть скорый, правый судъ, спокоить тяжки дни?
Законы безъ грозы безстрашнымъ эха звуки;
Примѣры хоть прошли, но памятны они.—
Лжедмитрій, какъ мячемъ, игралъ въ крови державой;
А Шуйской, только взялъ, въ тѣни ея исчезъ.
Не можетъ трона тать владѣть спокойно славой;

Великъ онъ, или малъ, но все онъ гнѣвъ Небесъ,
Которыя ему, иль поздно, или рано,
По правосудію навѣрно отомстятъ;
И въ пасмурной душѣ нѣтъ мира у тирана;
Тревога, злоба, грусть, безпрестанный адъ.
Онъ козни новыя всечасно вымышляетъ,
Чтобъ скрыть свой мрачный нравъ иль тѣмъ, или
другимъ:
Сегодня лавровъ онъ, а завтра пальмъ желаетъ,
Курился чтобъ предъ нимъ подлѣйшей лести дымъ.
Законы жь Русскіе, обычай, власть ли Бога,
Повергли съ дѣтства насъ владычеству Царей;
Чтимъ Божій въ нихъ законъ, за храмъ ихъ блескъ
чертога:
Коснется ль въ ихъ вѣнцѣ чело мое лучей,
И облекусь ли въ ихъ священну я порфиру?
Нѣтъ! нѣтъ! Наслѣдникъ лишь одинъ по крови имъ
Спокойство можетъ дать и возвратить насъ къ миру.
Добръ, мудръ, безъ зависти и всѣми будетъ чтимъ;
Бояре ближніе, усердны общу благу,
Единодушіемъ безстрашно подкрѣпятъ,
Представятъ грудь ему въ своихъ совѣтахъ нагу,
И въ самыхъ слабостяхъ великимъ учинятъ.

МИНИНЪ И ПАЛИЦЫНЪ.

(Полагая регаліи на столъ.)

Но гдѣ жь наслѣдникъ есть?

ПОЖАРСКОЙ.

Не можно ль Михаилу
Романову взойти на праотчій престолъ.
По женскому родству?

ТРУБЕЦКОЙ.

Въ дни смушны не подъ силу
Ему полсвѣша скипшръ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Жизнь въ страхѣ Божьемъ велъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Онъ младъ, неопышенъ.

МИНИНЪ.

Душею чуждъ лукавсшва,
Благъ сердцемъ, справедливъ.

ПАЛИЦЫНЪ.

Премудръ его ошецъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Я лучше бышь хочу слуга самодержавсшва,
Чѣмъ съ мрачной совѣсшью носишь его вѣнецъ.

МАРИНА.

Нелѣпый умъ!

ТРУБЕЦКОЙ.

Великъ, когда совѣшъ сей можешъ
Тирану бышь уздой, а парусомъ Царю.

МИНИНЪ.

На стогнъ къ народу онъ свой взоръ и слухъ приложишъ,
И изъ ковчега взявъ, разсмошришъ самъ всѣхъ прю.

ПАЛИЦЫНЪ.

И испинѣ къ себѣ не воспрешишъ приходу,
Хошя бъ и въ рубищѣ.

ТРУБЕЦКОЙ.

И будешъ образцомъ

Совѣтъ его Бояръ всѣхъ доблестей народу.

ПОЖАРСКОЙ.

А онъ ихъ всѣхъ главой, владыкой и отцомъ.

ДУМА И НАРОДЪ.

(*Речитативъ.*)

Михайлу вѣнецъ!
Михайлу вѣнецъ!

ХОРЪ НАРОДА.

(Съ трубами.)

Михайлу вѣнецъ!
Онъ будетъ Царь сердецъ,
Владыка и отецъ:
Михайлу вѣнецъ!

ПАЛИЦЫНЪ.

Сомнѣнья нѣтъ: себя, родъ праведный, возвыситъ,
Прославится подъ нимъ Россійская страна.

ЗАРУЦКОЙ.

(Маринѣ, потрясая съ цѣпьми.)

Не отъ волшебствъ твоихъ, знать, быть Царемъ
зависитъ.

МАРИНА.

У ада, у меня, у твоего ума
Еще есть способы: — пойдемъ!

(Съ Заруцкаго цѣпи спадаютъ, и они уходятъ.)

ТРУБЕЦКОЙ.

На казнь!

(Войски бросаются въ слѣдъ за Заруцкимъ.

ПОЖАРСКОЙ.

Оставимъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Миловидова, гостья, сестра хозяйки.
Колдунья, старуха въ маскѣ.

Варинька. Вѣринька. Пашинька.	малолѣтныя дочери Г-жи Миловидовой.
1 Кондратій, камердинеръ. 2 Кондратій, садовникъ. 3 Кондратій, музыкантъ. Ѳедосья, служанка дому.	служители.

Дѣйствіе въ сельцѣ Званкѣ.

КУТЕРЬМА

ОТЪ

КОНДРАТЬЕВЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ гостиную комнату, столъ съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Миловидова въ покоевомъ платьѣ, и волосы у нея нѣсколько смяты. Варинька, Вѣринька и Пашинька, обнявшись между собою, выходятъ за нею.

МИЛОВИДОВА.

(Смотря на часы.)

Почти четыре часа,—позаспались немного. Ну поскорѣе, дѣти, напьемся чаю: мнѣ недосугъ. Сестра бѣдная давича за столомъ позахворала. У ней мужъ имянинникъ: будутъ на вечеръ гости; а коли ей полегче станетъ, то будетъ ужинъ и балъ: и такъ она поручила мнѣ за себя похозяйничать. Надобно кое-что приказать изготовить для праздника.

(Разливаетъ чай.)

ВАРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, маменька! — Какъ же я рада!

ВѢРИНЬКА.

Ахъ, праздникъ, праздникъ! То-то потанцуемъ!

ПАШИНЬКА.

Попрыгаемъ, попляшемъ!

ВѢРИНЬКА.

По-цыгански, по-Русски.

ВАРИНЬКА.

Казачка, вальсенъ.

ПАШИНЬКА.

(Подбодрившись.)

И Савоярку.

ВСѢ ТРИ ВМѢСТѢ.

Какъ намъ весело!

(Прыгаютъ и бьютъ въ ладоши.)

МИЛОВИДОВА.

Тише, тише! не разбудите тешеньку.

ВСѢ ТРИ.

(Бросаясь къ матери и цѣлуя у ней руку.)

Какъ же быть, милая маменька? Намъ весело, очень весело.

(Продолжаютъ прыгать.)

МИЛОВИДОВА.

Дурочки! успѣете навеселиться; веселье хорошо во-время. — Рано птащечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла.

ВѢРИНЬКА.

Какъ рано?

ВАРИНЬКА.

Что за пташечка?

ПАШИНЬКА.

Какая кошечка? — Мы не дадимъ ей съѣсть птички.

МИЛОВИДОВА.

Глупенькія! Это пословица, и научаетъ насъ ничему прежде времени не радоваться.

ВАРИНЬКА.

Для чего жь?—Дяденька сегодни имянинникъ.

МИЛОВИДОВА.

Но тешенька нездорова.

ВѢРИНЬКА.

Боже, сохрани!

ПАШИНЬКА.

Да мы, славу Богу, здоровы: для чего жь намъ не веселиться?

МИЛОВИДОВА.

(Крестя ихъ.)

Господь съ вами! Веселитесь, друзья мои: я этого сердечно вамъ желаю; но надобно быть сострадательнымъ: когда кто боленъ, то шутъ веселье не у мѣста.

ВАРИНЬКА.

Да вы сказали, что дяденька имянинникъ.

ВѢРИНЬКА.

Что гости будутъ.

ПАШИНЬКА.

Что сегодни праздникъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, друзья мои, это все правда; однакожь я сказала, когда сестрѣ будетъ полегче; и дополнить надо: когда дядя дозволитъ.

ВАРИНЬКА.

Для чего жь?

МИЛОВИДОВА.

Онъ также недомогаетъ.

ВАРИНЬКА.

А чѣмъ?

МИЛОВИДОВА.

По большей части неосторожностью.

ПАШИНЬКА.

Да вѣдь онъ былъ за столомъ.

МИЛОВИДОВА.

То-то и худо: тутъ-то и надобно осторожность. — Но я съ вами заговорилась. Варинька! вели послать ко мнѣ, мой другъ, поскорѣе Кондратьевъ: камердинера, садовника и музыканта.

ВАРИНЬКА.

Кондратьевъ, маменька?

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

МИЛОВИДОВА, ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

ПАШИНЬКА.

Что такое, милая маменька, за неосторожность? И какъ быть отъ того больну? — Я этого не понимаю.

МИЛОВИДОВА.

Ой ты вострушка! обо всемъ любопытствуешь.

ВѢРИНЬКА.

А особливо за столомъ.

ПАШИНЬКА.

Гдѣ ничего нѣтъ, какъ только блюды, чашки, рюмки, стаканы.

МИЛОВИДОВА.

Они-то и кусаются. Изъ нихъ неосторожно покушаешь, разгорячишься, простудишься. . . .

ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА.

Ха, ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Что вы, дурочки? чему смѣетесь?

ВѢРИНЬКА.

Какъ, маменька, не смѣяться? мочи нѣтъ. Ха, ха, ха!

ПАШИНЬКА.

Блюды не кусаются,—и какъ простужаться, разгорячаться?—Ха, ха, ха, ха!

МИЛОВИДОВА.

Эй тише, рѣзвухи! дядю и тетку безпокоите.

ВѢРИНЬКА.

Да вы шутите надъ нами.

МИЛОВИДОВА.

Какъ шучу?

ПАШИНЬКА.

Когда насъ кусали блюды?

ВѢРИНЬКА.

Когда мы разгорячались и простужались?

МИЛОВИДОВА.

Для того, что еще ваши лѣта не тѣ, какъ дядины; да за вами пристально смотрятъ, наблюдаютъ, васъ журятъ.

МАШИНЬКА.

Да развѣ вы съ тешенькой не наблюдаете за дяденькой?

МИЛОВИДОВА.

Такъ, другъ мой; но онъ говоритъ, что вѣкъ свой изжилъ; что подъ опекой ни у кого быть не хочетъ: то что съ нимъ дѣлать? А вы еще молоды, и съ вами управиться можно.

ВѢРИНЬКА.

Мы, милая маменька, изъ вашей воли не выступаемъ.

МИЛОВИДОВА.

Я очень довольна, сердечные друзья мои, что вы себя хорошо ведете.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ВАРИНЬКА.

ВАРИНЬКА.

Кондратьи пришли.

МИЛОВИДОВА.

Позови ихъ ко мнѣ.—Нѣтъ, постой; неодѣтою принять ихъ дурно: чужіе наемные люди. Подите и прикажите имъ, что я вамъ скажу, и пусть сюда придутъ: я послѣ посмотрю, что они сдѣлали.

ВАРИНЬКА.

Извольте, маменька.

ВѢРИНЬКА.

Мы все исполнимъ, что вы прикажете.

ПАШИНЬКА.

Точь въ точь, ни единаго словечка не упустимъ.

МИЛОВИДОВА.

Хорошо: станьте рядомъ.

(Становятся.)

ВАРИНЬКА.

(Вытянувшись по-солдатски.)

Вотъ и строй готовъ.

МИЛОВИДОВА.

Ты все проказничаешь; но тутъ шутки не у мѣста, гдѣ приказываютъ; вниманіе первый знакъ повиновенія.

ВСѢ ВДРУГЪ.

Да приказывайте жь, маменька; мы слушаемъ.

МИЛОВИДОВА.

(Про себя.)

Какъ бы мнѣ не проступиться. Старикъ любитъ все попышнѣе, пожирнѣе и пошумнѣе; а сестра, поскромнѣе, попростѣе и почистосердечнѣе. Не угоди имъ: она нахохлится, а онъ тотчасъ на отрѣзъ брякнетъ: «Спасибо, милостивыя государыни, поддоброхотали!»—Этого-то мнѣ слышать и не хочется; я ихъ право обоихъ люблю.—Но хорошо, слушайте. (*Приказываетъ дѣтямъ.*) Ты, Варинька, скажи первому Кондратью, камердинеру, который, за отсутствіемъ управителя, надзираетъ за кухнею: чтобъ приготовилъ между прочимъ *куръ съ шампиньонами;* дяденька это блюдо любитъ.—Ты, Вѣринька, второму Кондратью, садовнику, вели припасти *вязъ съ повеликой*. Дубу и лавра здѣсь нѣтъ;

не равно намъ вздумается отставному служивому поднести, по древнимъ обычаямъ, свойственный ему вѣнокъ.—А ты, Пашинька, скажи третьему Кондратью, музыканту, чтобъ онъ приготовилъ для огромности хоровъ *рогъ съ барабаномъ*. Смотрите же, не забудьте, а я пойду одѣваться.

(Уходитъ, и тогда же два служителя выносятъ чайный приборъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Въ противныя двери входитъ Кондратій, камердинеръ.

ВАРИНЬКА.

Ты Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Кондратій.

ВАРИНЬКА.

Кондратій первый?

КОНДРАТІЙ.

Какъ нѣтъ здѣсь другаго, такъ первый.

ВАРИНЬКА.

Маменька тебѣ приказала, чтобъ ты между прочими блюдами велѣлъ изготовить куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Хорошо, сударыня.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тотчасъ за нимъ входитъ Кондратій музыкантъ.

ВѢРИНЬКА.

Ты второй Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

Послѣ вышедшаго отсюда второй.

ВѢРИНЬКА.

(Принявъ его за садовника.)

Приготовь для праздника вязъ съ повелицей.

КОНДРАТІЙ.

Вязъ съ повелицей! — На что это?

ВѢРИНЬКА.

Не твое это дѣло.

КОНДРАТІЙ.

Слушаю.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

За нимъ тотчасъ входитъ Кондратій садовникъ.

ПАШИНЬКА.

Ты третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

Послѣ двоихъ я третій.

ПАШИНЬКА.

(Принявъ его за музыканта.)

Чтобъ былъ готовъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Ахти! кротовъ что ли отпуживать? Но у насъ ихъ нѣтъ.

ПАШИНЬКА.

Что велятъ, то и дѣлай.

КОНДРАТІЙ.

Быть, такъ, когда господа приказываютъ.

(Уходитъ.)

ВАРИНЬКА И ВСѢ.

(Вслѣдъ ему кричатъ.)

Постой, постой, Кондратій. Когда изготовите, то приходите всѣ сюда, и покажите маменькѣ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И МИЛОВИДОВА.

МИЛОВИДОВА.

Вы все таки не унимаетесь шумѣть, что вамъ ни говори. *(Осматривается въ зеркало.)* Вотъ я и принарядилась. — Хорошо ли?

ВСѢ.

(Около ея прыгая, бьютъ въ ладоши.)

Хорошо, маменька, очень хорошо. Кабы мы большія были такія!

МИЛОВИДОВА.

Не тужите, выростете; будьте только умны. Но пора и вамъ одѣваться; вечеръ на дворѣ: того и смотри, что гости нагрянутъ.

(Дѣти уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МИЛОВИДОВА.

(Одна.)

Умненькія, миленькія дѣвочки! Хоть свое рожденье, но какъ не похвалишь? — Да здѣсь полно никого нѣтъ; я бы при людяхъ этого не сказала; а то насмѣшники тотчасъ разнесутъ, просвищутъ, что я ихъ балую.

ЯВЛЕНІЕ IX.

МИЛОВИДОВА И ѲЕДОСЬЯ.

МИЛОВИДОВА.

Что, ты, Ѳеша?

ѲЕДОСЬЯ.

Кондратьй пришли, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

Пусть ихъ войдутъ сюда.

ЯВЛЕНІЕ X.

Три Кондратья, держащіе въ рукахъ: 1-й туръ (или парикъ) и свернутое бѣлье; 2-й, горшокъ тюльпановъ, окладенный мохомъ; и 3-й, басъ со скрыпкою.

МИЛОВИДОВА.

Приготовили ли, друзья мои, что вамъ приказывали дѣти?

КОНДРАТЬИ.

(Всѣ трое вдругъ.)

Все готово, сударыня.

МИЛОВИДОВА.

(Къ Кондратію, камердинеру.)

Гдѣ жь?

КОНДРАТІЙ.

Вотъ здѣсь.

МИЛОВИДОВА.

Да что это?

КОНДРАТІЙ.

Туръ съ панталонами.

(Кладетъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Какъ? тебѣ приказывали куръ съ шампиньонами.

КОНДРАТІЙ.

Мнѣ такъ послышалось.

МИЛОВИДОВА.

Какой вздоръ! *(Къ Кондратію садовнику.)* У тебя что?

КОНДРАТІЙ.

Мохъ съ тюльпаномъ.

(Ставитъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Какая чепуха! Тебѣ приказанъ рогъ съ барабаномъ.

КОНДРАТІЙ.

Я не музыкантъ.

МИЛОВИДОВА.

(Къ Кондратью, музыканту.)

У тебя что? — Вязъ съ повелицей?

КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ! — Басъ со скрыпицей.

(Кладетъ на столъ.)

МИЛОВИДОВА.

Ха, ха, ха, ха! Сумасшедшіе! Откуда вамъ въ голову вошла такая нелѣпица?

КОНДРАТЬИ ВСѢ ТРОЕ.

Намъ барышни такъ приказали.

МИЛОВИДОВА.

Не можетъ быть. Позови сюда, Өедосьюшка, барышенъ.

(Өедосья уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ӨЕДОСЬИ.

МИЛОВИДОВА.

Не вѣрю, не вѣрю, чтобъ барышни вамъ такой сумбуръ приказали. Я имъ на носъ нарубила, кому что приказать.

КОНДРАТІЙ 1-й.

Я крѣпокъ на ухо, и приготовилъ по своей должности, что баринъ всякій день носитъ.

КОНДРАТІЙ 2-й и 3-й.

А мы точка въ точку то сдѣлали, что намъ велѣно.

МИЛОВИДОВА.

(Сердито.)

Что за безтолковщина? — Вотъ каково тамъ, гдѣ много Кондратьевъ! Смѣхъ отъ нихъ и горе! Тому прикажи, того спроси, и увидишь хоть Кондратья, да не Кондратья? Ѳедотъ, да не тотъ; одинъ на другаго сваливаетъ. Тфу какая пропасть! Да вѣдь барышни васъ видѣли?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Видѣли.

МИЛОВИДОВА.

И сами съ вами говорили?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Говорили.

МИЛОВИДОВА.

И такъ онѣ что нибудь вамъ приказывали?

КОНДРАТЬИ ВСѢ.

Приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Для чего жь вы не то сдѣлали, что вамъ приказывали?

КОНДРАТІЙ 1-й.

Отъ того, какъ я ужь сказалъ. . . .

КОНДРАТІЙ 2-й.

Мы позамялись было.

МИЛОВИДОВА.

Да что жь?

КОНДРАТІЙ 3-й.

Но господамъ мало ли какія нескладицы въ голову приходятъ: то мы и исполнили.

МИЛОВИДОВА.

Да вотъ и дѣти идутъ: посмотримъ, кто изъ васъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, ВАРИНЬКА, ВѢРИНЬКА И ПАШИНЬКА въ нарядныхъ платьяхъ, и ѲЕДОСЬЯ.

ВАРИНЬКА.

Чего изволите, маменька?

МИЛОВИДОВА.

Что вы, проказницы, начудесили? Вертушки! Вѣтреницы! — А я васъ еще хвалила.

ВѢРИНЬКА.

Мы ничего не сдѣлали дурнаго.

ПАШИНЬКА.

Кромѣ того, что вы приказывали.

МИЛОВИДОВА.

Какъ ничего? спросите ихъ сами, что они надѣлали. То ли вы приказывали?

ВАРИНЬКА.

(Къ Кондратію, камердинеру.)

Я тебѣ приказала приготовить куръ съ шампиньонами.

1-й КОНДРАТІЙ.

Мнѣ послышалось: шуръ съ панталонами.

ВѢРИНЬКА.

(Къ Кондратію, садовнику.)

Тебѣ я велѣла вязъ съ повелицей.

2-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, басъ со скрыпицей.

ПАШИНЬКА.

(Къ Кондратію, музыканту.)

Тебѣ рогъ съ барабаномъ.

3-й КОНДРАТІЙ.

Нѣтъ, мохъ съ тюльпаномъ.

МИЛОВИДОВА.

(Кондратьямъ.)

Какая чертовщина?—Да кто изъ васъ первый, кто второй и кто третій Кондратій?

КОНДРАТІЙ.

(Камердинеръ.)

Я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

Нѣтъ: ты первый Кондратій по дому, а по мастерству я первый Кондратій.

КОНДРАТІЙ.

(Музыкантъ.)

Нѣтъ: ты второй Кондратій по дому, а я первый былъ у барышенъ.

МИЛОВИДОВА.

Смотри, пожалуй, разбери между ими: кто у нихъ первый и кто послѣдній, и кто кому приказывалъ; найди виноватаго, найди тутъ толкъ!— Но истину сказать, я сама не права. По склонности къ дѣтямъ, по лѣности моей, приказала имъ сдѣлать распоряженіе: вотъ и вышелъ болтунъ. Ахъ! да я ли первая, я ли послѣдняя? — У насъ

на Руси въ дворянскихъ домахъ, по безчисленной сволочи людей, по барской изнѣженности господъ, нерѣдко случаются такія сумашохи; а особливо, гдѣ много Кондратьевъ. Но какъ же быть? свое все мило. — Что жь вы молчите? Дайте мнѣ виноватаго.

(Дѣти и Кондратьи спорятъ, сердятся, толкаютъ другъ друга, гоняютъ, бѣгая по комнатѣ; мужчины же шляпами замахиваются и поютъ.)

ХОРЪ.

КОНДРАТІЙ.

(Камердинеръ.)

Я первый Кондратій,
Мой туръ съ панталоны.

ВАРИНЬКА.

Не могъ ты поняти, —
Твой куръ съ шампиньоны.

КОНДРАТІЙ.

(Садовникъ.)

Второй я Кондратій,
Мой вязъ съ повелицей.

ВѢРИНЬКА.

Нѣтъ очень не кстати, —
Твой басъ со скрыпицей.

КОНДРАТІЙ.

(Музыкантъ.)

Я третій Кондратій,
Мой рогъ съ барабаномъ.

ПАШИНЬКА.

Не долженъ ты лгати, —
Твой мохъ со тюльпаномъ.

БАРЫШНИ И КОНДРАТЬИ.

(Всѣ вообще.)

Мой шуръ съ пантаJоны,
Туръ, шуръ, шуръ.
Нѣтъ! куръ съ шампиньоны,
Куръ, куръ, куръ.
Мой вязъ съ повелицей,
Вязъ, вязъ, вязъ.
Нѣтъ! басъ со скрыпицей,
Басъ, басъ, басъ.
Мой рогъ съ барабаномъ,
Рогъ, рогъ, рогъ.
Нѣтъ! мохъ со тюльпаномъ,
Мохъ, мохъ, мохъ.

МИЛОВИДОВА.

Да долго ль вамъ орать и спорить? Сумасшедшіе! бѣшеные! Перестаньте, перестаньте, а не то я васъ всѣхъ уйму.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Колдунья. (Старуха въ черномъ платьѣ, сгорбившись, подъ маскою, съ посохомъ въ рукахъ. Увидя ее, всѣ умолкаютъ.)

КОЛДУНЬЯ.

Что за кутерьма? Что за жидовская школа? И слыхомъ не слыхано, видомъ не видано эдакого содому. Господа наши живутъ тихо и смирно, ни колыхнутъ, ни шелохнутъ; а вы заварили такую кашу!

МИЛОВИДОВА.

Добро пожаловать, старушка! Ты, конечно, ворожеюшка? Угадай-ка, милая моя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ?—Одни говорили, а другіе слушали: но не то надѣлали. Ужь никакъ, право, не съ проста! — Перепутались такъ, что голова, право, вкругъ идетъ.

КОЛДУНЬЯ.

(Оглядывая всѣхъ съ головы до ногъ.)

О милыя мои! не безъ лихихъ людей. Похимостили, проклятые; завязали глазоньки, отняли красное солнышко. Правда, нынѣ много такихъ причинъ. Видно напущено. — Всякой приказывать гораздъ, а исполнять никто. Но можно пособить этому. Я помаракую. Подите ко мнѣ Кондратьюшки, и вы, любезныя дѣтушки, поближе. Я уже слѣпа, (*надѣвая очки*) худо вижу. (*Шепчетъ въ платокъ*) Вотъ на! Безпорядица! безпорядица, мать моя! По дѣтскимъ приказамъ не въ очередь, не кстати, не благословясь, не свои, а чужія дѣла, по пересказамъ, по переговорамъ, нѣсколько Кондратьевъ, не знавъ, кто первый, кто послѣдній, въ угожденіе прихотей вашей милости, должны были исполнить; а ты, мой свѣтъ! сама за ними не посмотрѣла: то чего тутъ добра ждать? Всталъ дымъ коромысломъ, и вся эта кутерьма отъ Кондратьевъ.

МИЛОВИДОВА.

Такъ, бабушка, ты правду говоришь: я виновата. Какъ же быть? Но досаднѣе всего, что праздникъ не въ праздникъ. Хозяинъ разгорячится, хо-

зяйка перетрусится; вмѣсто удовольствія, выйдетъ непріятность.

КОЛДУНЬЯ.

(Сбрасывая съ себя черное платье и маску, открывается хозяйкою дома.)

Нѣтъ, любезная сестрица и милыя мои дѣвушки (*всѣхъ ихъ цѣлуя*)! вы непріятности мнѣ ни какой не сдѣлали. Все къ празднику готово. Я иногда слыхала, что вы роптали на безпрестанныя мои хлопоты по хозяйству, и винили меня за *то*, что я очень заботлива: то, чтобъ доказать вамъ того необходимость и оправдать себя предъ вами, я вымыслила эту шутку, и притворясь больною, сыграла комедію, чтобы вы сами видѣли: что *не свой глазъ, не любой кусъ.* — Кутерьма отъ Кондратьевъ!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Дома въ устройствѣ,
Духа въ спокойствѣ
Все счастье лежитъ.
Милы прохлады,
Гости гдѣ рады
Поѣсть и попить;
Оставя дѣлъ вздоры,
Попрыгать подъ хоры,
Въ деревнѣ пожить.

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 012 126 848